

ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
КАМЧАТКА — КРАЙ ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
44-й год издания
№ 46 (2055)
13 НОЯБРЯ 1966

МОСКВА.
КРАСНАЯ
ПЛОЩАДЬ.
7 НОЯБРЯ
1966 ГОДА.

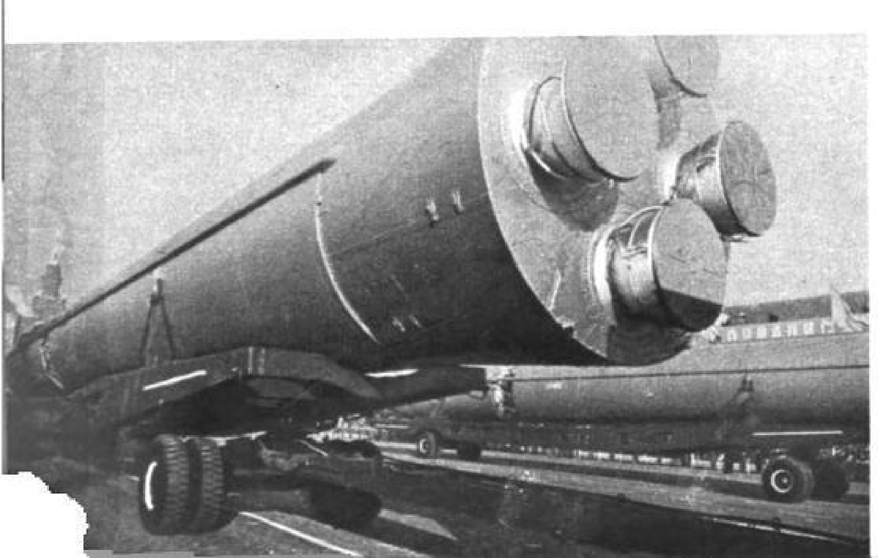
МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩ

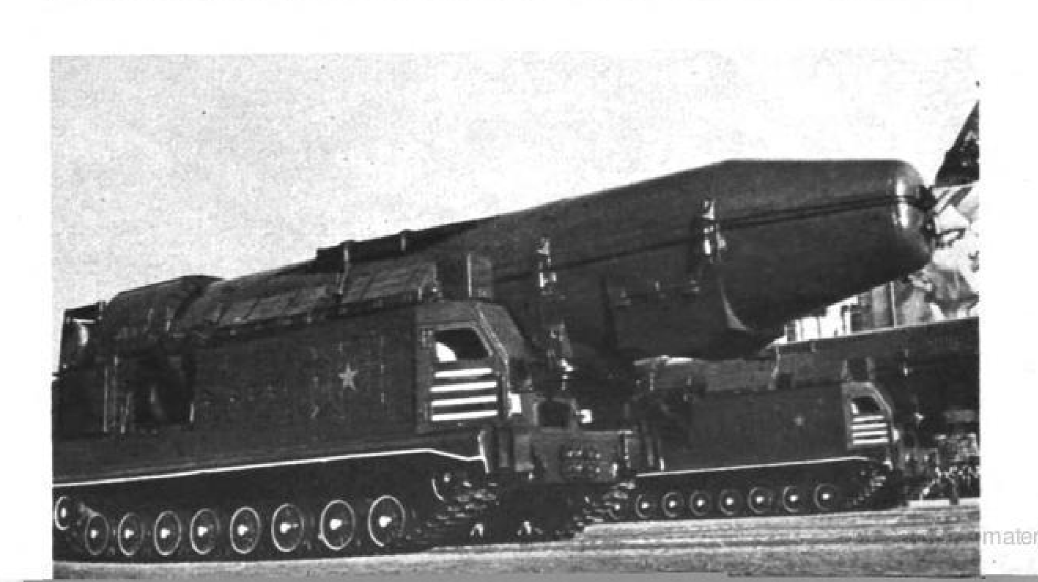

АДЬ. 7 НОЯБРЯ 1966 ГОДА

Фото Д. Бальтерманца, А. Бочинина, А. Гостева, И. Тункеля, Д. Ухтомского, Л. Шерстенникова.

ПЕРЕД ШТУРМОМ...
ноябрь, год 1916-й

ДА, РЕВОЛЮЦИЯ ИДЕТ

Продолжаем летопись года перед штурмом Зимнего, начатую в прошлом номере «Огонька». Заголовком нашего сообщения служат слова, взятые из газеты «Социал-демократ» — Центрального органа Российской социал-демократической рабочей партии,— издававшейся Владимиром Ильичем Лениным в Женеве. Девизом этой газеты были дорогие нам слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

«Хроника. Имеются большевистские организации в Нижнем, Перми, Самаре,— сообщает газета «Социал-демократ» 6 ноября 1916 года.— Недавно в Нижнем был продовольственный погром; наша местная организация выпустила листок, разъясняющий общие причины продовольственного кризиса и требовавший создания продовольственных советов с участием рабочих, а также освобождения арестованных.

Недовольство, обостренное чудовищной дороговизной и постоянным отсутствием предметов питания в больших городах, разлито в самых широких кругах, но ни в какие определенные формы не выливается. Экономические забастовки происходят, но точных данных о числе их нет, так как сообщение об этом в легальную печать не пускают. Есть сведения о проведенной на одном из пермских заводов итальянской стачке. Полицейские условия невыносимы. Мобилизация сильно ослабляет организации».

В этом же номере ленинской газеты читаем: «Между прочим, в известной докладной записке Штюрмера против «общественных организаций» указывалось на Бюро Бирж Труда, как на центр революционных организаций, где работают б-ки; там, действительно, было большинство «правдистов», в записке были перечислены фамилии с указанием статей уг. уложения, по которым Штюрмер предложил их привлечь. P. S. После этого письма уже сообщалось об арестах в Самаре, Нижнем, Екатеринославе. В Екатеринославе арестовали 40 человек — все свои.

В Питере в низах настроение прекрасное, всюду на заводах идут митинги, обсуждающие вопрос, как противодействовать высылкам на фронт бастующих».

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

Читая дорогие нашему сердцу странички газеты, издававшейся Лениным в Женеве, мы не могли не обратить внимания на сообщение о письме Гучкова к генералу Алексееву и о комментариях к этому письму. Вот сообщение: «Нам доставлено из Петербурга письмо Гучкова к М. В. Алексееву. Приводим его текст: «Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ожидает после войны. Надвигается потоп, а наша дрянная слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя, надевая калоши и раскрывая зонтик».

И вот комментарии газеты «Социал-демократ» к сообщению, вернее, к письму: «Что особенно интересно в письме вождя контрреволюционной буржуазии, наживающей ныне бешеные деньги на войне, так это его признание, что революция идет. Буржуа ясно видит это и видит свою беспомощность: еще маленький шаг влево, и «искра» может зажечь «пожар»!

А если ни одного шага влево, то... кражи и кражи, разруха, издевательство шайки Николая Романова, военный разгром. Хорошо прижала к стенке история всех этих царских палачей и душителей революции! Да, революция идет... А революция все же идет... И мы будем еще усиленнее работать на пользу ее».

Как бы иллюстрацией к этим словам служат письма из Питера, прочитанные нами на страницах газеты. Вот эти письма: «...началась забастовка на заводе Рено на Выборгской стороне. Пошли снимать другие заводы. После обеда 17 окт. на Сампсониевском проспекте близ Флюгова переулка у завода Новый Лесснер произошло столкновение рабочих с полицией. Это произошло возле казармы 181-го запасного полка, недавно образованного из запасного батальона и назначенного к отправке на позиции 26 октября. Дальнейшее передаем со слов участника-солдата 181-го полка. Итак. Кого-то хотели арестовать. Он выстрелил в городового и ранил его. На свистки прибежали еще полицейские. Солдаты увидели это и стали бросать в полицию камни, потом сломали забор казармы и высыпали на улицу. Произошла свалка, были опрокинуты два вагона конки. Дело затянулось до сумерек. Выступил с революционной речью какой-то прапорщик. Был вызван командир полка. Когда он приехал на автомобиле, в него полетели камни. Командира ранили в голову, автомобиль повредили, командир исчез... Часть рабочих Выборгской стороны забастовала... После митингов разошлись с песнями...»

УЧИТ АКСАКАЛ

Тажи-ата Ражапова из совхоза «40 лет Узбекской ССР», в Каракалпакии, проводили на отдых, на пенсию. Но руки старого хлопкороба тосковали по работе, и он попросил, чтобы ему вновь выделили участок. Посоветовавшись с руководителями совхоза, с рабочими, бригадир отвел Тажи-ата Ражапову шесть гектаров посевов и предупредил его: дескать, план-то бригаде дан по 16 центнеров с гектара, а обязательство взяли — не меньше 20.

70-летний человек трудился увлеченно, самозабвенно, ну, конечно, и помогали ему. А поливал только сам, к арыкам никого не подпускал. Сняли урожай, и пришла пора дивиться: с каждого гектара Тажи-ата Ражапов получил по 56 центнеров.

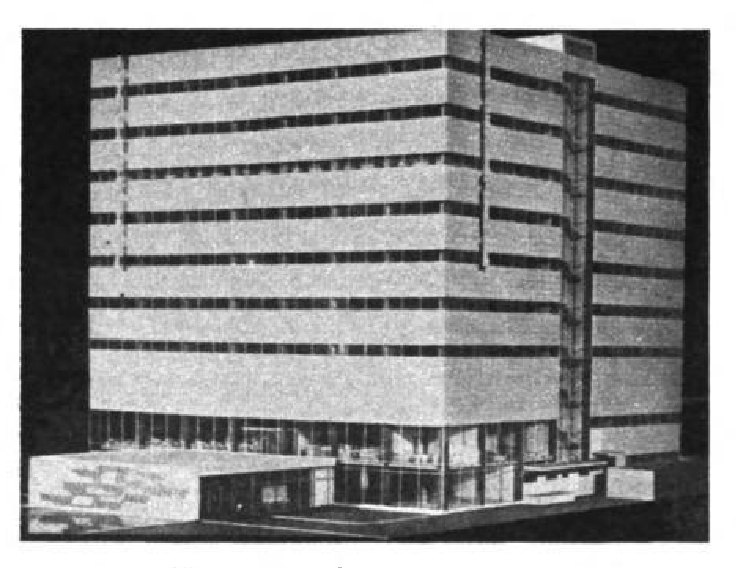
Сейчас молодые хлопкоробы просят у аксакала совета, а он вроде в шутку, вроде всерьез говорит: «Приходите в мое звено, научу работать!»

Эту историю рассказала недавно газета «Правда Востока».

Впрочем, в нынешнем году хлопкоробы Каракалпакской АССР трудились так, будто всех их учил работе большой мастер. Здесь в лучшие сроки завершили сев, обеспечили отличный уход за посевами и вырастили богатый урожай. Хлопкоробы республики обязались дополнительно продать государству не менее 51 тысячи тонн хлопка и довести валовой сбор до 280 тысяч тонн.

На нашей фотографии — Ходжейлийский заготовительный пункт, один из многих в республике. Целые горы хлопка высятся тут! В этом году Ходжейлийский заготпункт примет 6 тысяч тонн сырца.

Фото А. Ходакова. ТАСС.

Десять этажей химии

Москва получит вскоре необычное десятиэтажное здание — Дом химии. Его назначение — показ и продажа химических реактивов и особо чистых веществ.

Образцы таких веществ будут собраны на первом этаже здания — в демонстрационном зале. Здесь намечено устраивать выставки треста «Союзреактив» и зарубежных фирм. На втором этаже покупатели смогут ознакомиться с реактивами. Там же сделают оптовый заказ, оформят договор. Залы розничной торговли займут два этажа — третий и четвертый. Выше расположатся конференц-зал, экскурсионное бюро, хранилище образцов — реактека, столовая, машинно-счетная станция, фасовочные мастерские.

В Доме химии отводится место и для комплектации посылок: магазин будет обслуживать не только столицу, но и другие города страны.

Дом химии шагнет на строительную площадку в Новых Черемушках из стен второй мастерской ЦНИИЭП торговых зданий. Его проект разработал авторский коллектив, которым руководит Р. Семерджиев.

Посмотрите на фотографию макета Дома химии. Это — сооружение строгой формы. Его каркас будет воздвигнут из железобетонных конструкций. Стеновые плиты из керамзитобетона облицуют новым стекловидным материалом — эрклезом.

Ан. ВЕТРОВ

Радиостанция в телефонной трубке

Она незаменима для работников сельского и лесного хозяйства, геологов и рыбаков, геодезистов и картографов, альпинистов и туристов. С ее помощью можно поддерживать двустороннюю радиосвязь на расстоянии не менее 30—50 километров.

Радиостанция «Недра-II» выполнена на полупроводниках и помещается в утолщенной телефонной пластмассовой трубке весом всего 1 килограмм.

Питается электроэнергией она от широко распространенных батарей типа «Сатурн» или от трех батарей обычного карманного фонарика.

Комплект радиостанции помещен в удобный металлический футляр, предохраняющий ее от повреждений и атмосферных осадков. В нем она легко переносится на ремне через плечо.

Б. ЖЕЛЕЗНЯК

«ЗОЛОТО В КУБОК!»

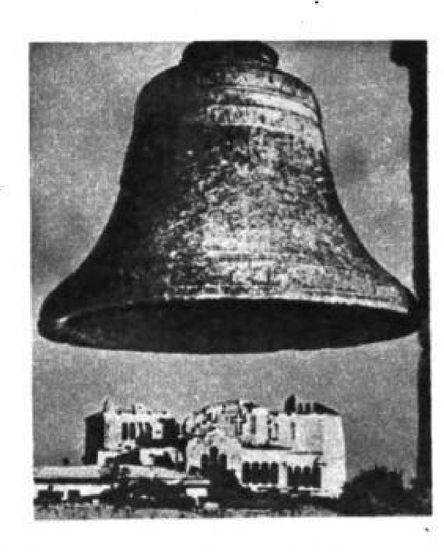

Еще до окончания всесоюзного чемпионата киевские динамовцы вне зависимости от исхода оставшихся игр обеспечили себе золотые медали чемпионов СССР, а затем 8 ноября в Москве завоевали и Кубок СССР по футболу.

70 тысяч зрителей, среди которых было немало болельщиков славной команды, приехавших в Москву из разных мест Украины, приветствовали победителей. Плакаты, поднятые болельщиками перед началом матча, призывали киевлян положить свои золотые медали в Кубок, и их соперники, торпедовцы Москвы, не смогли тому помешать. Голы, забитые Анатолием Бышовцом и Андреем Бибой, обеспечили команде «Динамо» (Киев) желанный дубль. Золото в Кубке!

Фото А. Бочинина.

КАК ВОИН-ВЕТЕРАН

Если вы были в Севастополе на мысе Херсонес, то наверняка видели этот колокол. Он висит, опершись стальной перекладиной на два каменных столба, напротив полуразрушенного монастыря. Почерневший от времени, покрытый зеленью окиси колокол.

В его верхней части две полосы орнамента, внизу надпись, местами поврежденная: «Сей колокол вылит... Николая Чудотворц... в Таганр... из турецкой... артиллерии весом... пу...ду 1778 года лета август... числа».

Этот колокол десятки лет висел на одной из башен Собора Парижской богоматери.

В период Крымской войны, в 1854 году, Херсонесский монастырь был занят французскими войсками. Здесь были пороховые склады, траншеи, отсюда пушки обстреливали Севастополь. А когда французы уходили, они в качестве трофея взяли монастырский колокол.

В Париже его установили на одной из башен Нотр-Дам.

В городской Севастопольский архив поступила синяя папка: «Дело № 41. О возвращении из Франции колокола, плененного в Крымскую кампанию и висевшего в башне храма в Париже. Начато в 1898 г.».

Первый документ в папке датирован сентябрем 1898 года. В нем сообщалось, что начались розыски русского колокола. Между командованием севастопольского порта и французским правительством шла оживленная переписка о возвращении колокола в Херсонес. Особенно активное участие приняли в ней французский консул в Севастополе Луи Ге и директор музея армии в Париже дивизионный генерал Ниокс.

И вот 23 ноября 1913 года колокол был возвращен на прежнее место в Херсонесский монастырь. Французский консул Луи Ге за то, что «оказал содействие по возвращению в Севастополь колокола», награжден русскими орденами — Анны 2-й степени и Владимира 4-й степени.

Колокол водрузили на новую деревянную колокольню. Она выполняла и роль сигнального поста. Как только наплывал туман, начинали бить в колокол, и капитаны по звуку определяли местонахождение корабля. Таким маяком колокол был еще и до Крымской войны. Старожилы помнят, что и в 20-х годах нашего столетия он служил сигналом во время тумана.

На одной стороне колокола вмятины от пуль, осколков, снарядов. В дни второй обороны города колокол, как и в первую оборону, был здесь же, на холме, открытом со всех сторон. Как солдат-ветеран.

Сейчас есть современная сигнализация. Но херсонесский колокол по-прежнему на посту. Он выполняет роль дублера сирены. Если вдруг сирена выйдет из строя, начинает работать старинный колокол. Звук его по-прежнему высокий и чистый, как и полтора века назад.

В. ТЕПЛУХИН

На снимке: херсонесский колокол.

Фото К. Панова.

Кто продолжит рассказ о мальчишке?

Это случилось в годы войны во Франции, в небольшом селении близ Шербура.

По дороге мимо селения двигалась под конвоем гитлеровцев колонна угнанных в рабство советских людей — с Украины, из Белоруссии, Молдавии. Когда колонна скрылась из виду, жители селения услыхали детский плач и на пыльной обочине увидели зареванного, до предела истощенного оборвыша.

Было ему, наверное, лет семь-восемь. Костлявое тельце, все в кровоподтеках, покрывали язвы. С мальчуганом пытались заговорить, но добиться от него ничего не смогли. Он лишь пугливо озирался по сторонам, дрожал, видимо, от страха. И люди догадались: оборвыш имеет отношение к тем несчастным, которые только что тут прошли.

Уже потом выяснилось, что мальчик французского языка не понимает, что он не то русский, не то белорус, не то украинец. Фашисты угнали его на чужбину вместе со взрослыми. Отец парнишки погиб: не вынес каторжной работы на строительстве немецких укреплений. После его смерти заботу о сироте взяли на себя друзья отца, такие же пленники, как и он сам.

И вот... То ли мальчик отстал от колонны, то ли старшим удалось незаметно для охраны вытолкать его на обочину в надежде, что найдутся добрые люди, которые спасут ребенка.

— И добрые люди нашлись,— сказал нам Василий Андреевич Касьянов, с которым мы познакомились в подмосковном городе Калининграде и который рассказал нам эту историю.— Взгляните на фотографию — вот семья, которая приютила мальчишку из Страны Советов. Паренек в берете, с портфелем в руках и есть тот самый мальчуган, правда, уже немного подросший.

Как попал к Касьянову этот снимок? Когда враг подступал к стенам Москвы, Василий Андреевич ушел на фронт. Участвовал в боях под Москвой, Орлом, Курском, сражался в Белоруссии, затем в Польше. Потом вместе с другими советскими офицерами занимался делами репатриированных во Франции.

— Однажды,— рассказывает Василий Андреевич,— к нам пришло письмо из Советского Союза. Мать просила помочь вернуть ей сына, увезенного гитлеровцами. Выполнить просьбу матери было не так уж трудно, поскольку она каким-то образом узнала, что ее сын находится в селении вблизи Шербура. В местечко это мы приехали затемно. Разыскали дом, где, по нашим сведениям, должен был быть русский мальчик. Оказалось, что здесь живет супружеская чета — учителя. Навстречу нам вышли хозяева.

— Да,— подтвердили они,— у нас воспитывается паренек из России.

Когда Касьянов с помощью переводчика прочитал им письмо из Советского Союза,

на их лица набежала тучка. Сначала они не нашли даже что ответить. Потом рассказали, как все случилось. Мальчик знает свою историю, но считает их, французов, отцом и матерью. По всему было видно, что добрые люди заботились о приемном сыне, как о родном.

Супруги сказали:

— Как решит сам мальчик, так и будет.

...Неделю длились сборы. Сына собирали в дорогу тщательно, заботливо, участливо. Наконец наступил день отъезда. Проводить мальчика на родину пришла вся школа.

Через некоторое время Василий Андреевич получил фотографию, которую мы у него видели.

— Но случилось так,— говорит он,— что передать этот снимок мальчику или переслать его матери я тогда не смог. Так он и остался у меня, и лишь недавно, роясь в старых бумагах, я на него наткнулся. А сейчас, как ни напрягаю память, не могу вспомнить ни имени, ни фамилии паренька. А как хотелось бы знать, где сейчас мой «крестник», как сложилась его судьба. Помнит ли он о тех благородных людях, кто спас ему жизнь? Может быть, он даже переписывается с ними? Как я рад был бы получить ответ на эти вопросы.

Может, в этом помогут Касьянову читатели? Может, откликнется тот паренек, о котором идет здесь речь?

Ю. МАРЧУКОВ,
Б. ПЕРЕЛЬМУТЕР

Неучтивое послание бородатому чудовищу

На американской военной базе в Южном Вьетнаме, которую посетил президент США Джонсон во время своей последней поездки, его встретили серенадой. Серенаду исполнял некий капитан Гувер. Как видно на снимке, и американский президент и главнокомандующий американской агрессией во Вьетнаме генерал Уэстморленд остались довольны этой музыкой. Но настоящим аккомпанементом поездки Линдона Джонсона и совещания в Маниле были взрывы бомб с клеймом «Сделано в США» на вьетнамской земле и гневные протесты демонстрантов, которыми встречали американского президента всюду, где ступала его нога. На втором снимке изображена сцена на улице в Куала-Лумпуре, столице Малайзии, где полицейские жестоко расправились с теми, кто протестовал против визита Джонсона и американской агрессии во Вьетнаме. После схватки с полицией двое демонстрантов было убито и восемнадцать ранено.

Совещание в Маниле — новый этап эскалации преступлений агрессоров — осуждают все, кто хочет мира во Вьетнаме.

Годовщина Октябрьской революции — это в некоторой степени и Ваша памятная дата, сударь.

Я просто придерживаюсь фактов: в ноябре 1919 года Ваша бородатая рожа с ножом в зубах глядела со стен домов Парижа и многих городов и сел Франции. И должен сказать: Вы сыграли тогда определенную роль в дальнейшем развитии моей страны...

Впрочем, слава Ваша оказалась эфемерной. Неблагодарные Ваши работодатели, которые обязаны были Вам сохранением на несколько десятков лет солидных прибылей, колониального грабежа, эксплуатации своих ближних, забыли об услугах, которые Вы им оказали. Они только я решил напомнить о Вас сегодня, каким бы кисло-сладким не казалось это мне самому!

Итак, это было то время, когда история совершала один из своих крупнейших поворотов. Всеобщий кризис капитализма становился фактом, хотя никто еще не мог предсказать продолжительность этого кризиса. Советская республика насчитывала всего два года своего существования. В Будапеште взвилось красное знамя Советов. Бавария бурлила. В столицах великих капиталистических держав еще колебались: чтобы разгромить молодую Республику Советов, требовалось двинуть в бой все силы, огромные массы **«своих»** граждан, а это был слишком большой риск. Франция, как и вся Европа, была на распутье. Две силы встретились лицом к лицу: буржуазные партии вступили в блок (разумеется, его окрестили «Национальным блоком»), социалисты ему противостояли, хотя среди них были разные направления. Вы, господин «большевик с ножом в зубах», отнюдь не представляли уже в то время только русский «коммунизм». Действовали, боролись Марсель Кашен, молодой Морис Торез и многие другие, которые сейчас являются моими товарищами. Ваш всклокоченный парик по-прежнему торчал над Вашей зверской физиономией, такой же устрашающей была и борода. Но тогда Вы уже стали брюнетом — ничего, абсолютно ничего славянского. Ну, конечно, Вы же были не русским «большевиком», а французским!

Позвольте мне поэтому напомнить Вам, кто стоял у Вашей колыбели. Вас рисовали, печатали в типографиях и расклеивали на стенах наших городов на солидные денежные подачки политической партии, которая меняет свое название чаще, чем Вы свою рубашку. Эта партия всегда уверена в поддержке банков и монополий. Это партия Золота, в рядах которой находят приют реакционеры всех сортов, все те, кто несет человечеству бедствия, кровь, войны.

Помните, в Париже был один небольшой театрик, носивший название «Гран Гиньоль». Это был театр ужасов; там на сцене людей резали на куски, насиловали, мучили слепых, сходили с ума, убийцам снились в кошмарных снах их жертвы, короче говоря, весь садизм, все извращения, которые только может вообразить человек, находили там прибежище. Театрик имел целью пробуждать самые темные инстинкты толпы.

Точно так же и Вы усердно вызывали страх мещанина, страх перед тем, что привычное может ужасно измениться (а Ленин говорил, что сила привычки миллионов — это страшная сила). Когда же «привычное» на некоторый период сохранилось, Вы, чудовище, отправились за сцену, в свою артистическую уборную. С Вас стерли грим, сняли парик и бороду, спрятали в шкаф картонный окровавленный нож и вытащили из кармана... ежедневную газету «Энформасьон экономик э финансьер». Нет, нет, это не было поспешным отступлением, Ваша карьера, сударь, продолжалась, но только под другой личиной, она продолжается и посейчас...

Мы с Вами вместе старели и состарились. Вот уже сорок семь лет я наблюдаю Вас. Поскольку наш век есть век специализации, изобличать Вас стало в некоторой степени моей специальностью. Срывать с Вас все и всяческие маски, какие Вы на себя напяливаете, держа, однако, всегда в кармане номер «Энформасьон экономик э финансьер».

Тридцатые годы Вас не баловали. В конце концов в 1919 году Европа — особенно Франция и Германия — как бы пыталась сделать выбор между капитализмом и социализмом, или, вернее говоря, между бездействием и тем «красным чудовищем», которое Вы изображали. Но стоило подлинному злодею и варвару взять власть в Германии, выбор уже потребовался не между капитализмом и социализмом, а между фашизмом и демократией. В эти времена Вам, сударь, и вовсе уже не оказывалось места на сценических подмостках.

И все-таки Вы напялили снова Ваш парик, прицепили бороду и сунули в почерневшие губы картонный нож с пятнами цвета зрелого томата. Вы делали свое дело для тех, кто оккупировал Францию, кто проливал кровь ее патриотов,— о, этим сослужил службу Ваш облик образца 1919 года. Я вспоминаю один плакат. На нем были изображены «французские партизаны» — в образе армян, русских, поляков, и все это было озаглавлено: «Армия бандитизма». Гитлеровцы, расстреливавшие наших героев, изображали их волосатыми, бородатыми, грязными — похожими, сударь, на Вас, воображаемое чудовище! Но назавтра... назавтра же можно было прочесть под этим плакатом слова, написанные с опасностью для жизни: «Они умирают за Францию!»

Я предполагаю, что Ваш парик, и Ваша борода, и картонный нож сгорели где-то на костре у гитлеровских вояк, под Сталинградом. И я, право, не без удовольствия слежу за тем, как Вы бедствуете. Впрочем, чему удивляться? Гитлеровцы настолько превзошли «ужасы», которые изображали Вы, что даже театр «Гран Гиньоль» прогорел и закрылся.

Прошло еще 30 лет, и только тогда Вы появились снова, правда, в сильно «смягченном» виде. Вы наконец умылись, причесались, подстригли бороду, вместо ножа завели себе танк. Вас можно было по-прежнему увидеть на стенах городов Франции в 50-х годах. Ваша боевая машина катилась по улицам, за которыми виднелся силуэт Эйфелевой башни. Разумеется, адрес той кассы, из которой Вы, чудовище, получали пособия, не изменился. Но Вас с вашим «большевистским танком» уже больше не противопоставляли прелестям и благам капитализма. Кто же в наше время не рекламирует себя «социалистом»! Нет, Вам противопоставляли просто «свободу». (Впрочем,

Нам не удалось уточнить, при каких именно обстоятельствах была сделана эта фотография главы расистского правительства Южной Родезии Яна Смита. Но нет сомнения, что она очень удачно символизирует тот режим, который существует на этом кусочке африканской земли. Во имя своего благополучия, во имя прибылей колониальных компаний Смит и его подручные готовы стрелять, сажать в тюрьмы, заковывать в кандалы. Вот один из эпизодов, происходящих в Южной Родезии: белые обыскивают африканцев.

Школьную футбольную команду в городе Брэдфорде (Англия) тренирует монашка. Во время тренировок она сама надевает бутсы и выходит на поле. Англичане, безусловно, футбольная нация, но даже для них это зрелище в диковинку.

Этот снимок сделан в Южном Вьетнаме. Американские солдаты возвращаются после военной операции с «добычей». Они захватили в плен молодую женщину и ребенка. Женщина показалась им подозрительной. Теперь ее будут допрашивать заплечных дел мастера...

ОГОНЁК

Фото ТАСС, ЮПИ, журналов «Штерн», «ЦБ».

Усиление милитаризации, рост военной угрозы — вот что сулят трудящимся Западной Германии «чрезвычайные законы», которые правители ФРГ хотят сделать главным орудием в проведении своей политики. Небывалый по массовости конгресс протеста против «чрезвычайных законов» состоялся недавно во Франкфурте-на-Майне. Тысячи людей со всех концов Западной Германии приняли в нем участие. Конгресс показал, что в этой стране, где милитаристская атмосфера становится все гуще, крепнет воля народа к миру, к добрососедским отношениям с другими странами.

первенство в этом противопоставлении постепенно перехватила одна заокеанская держава, которая показывает миру непревзойденные образцы «защиты свободы» с помощью авиабомб, напалма и химикалиев, обрушиваемых на территорию азиатских стран.)

В общем, в результате всех этих трансформаций Вас, сударь, того, с ножом в зубах, основательно сегодня позабыли. Это все-таки не совсем справедливо. Право же, следовало бы кричать со всех крыш о Ваших прежних подвигах начиная с ноября 1919 года, когда Вы на много лет сохранили банкирам и монополистам их доходы и до ноября 1966-го, когда весь мир празднует 49-ю годовщину Октября. Почему бы не вспомнить Вас сегодня — страшного, всклокоченного, с кривыми зубами хищника, с ножом убийцы?

На этот случай хотелось бы мне быть карикатуристом! Я бы изобразил в карикатурной серии «Историю страшного большевика с ножом в зубах»! Как любопытно выглядели бы Вы, сударь, на празднестве открытия Днепрогэса! Как гармонировали бы Ваши всклокоченные волосы и оскаленные зубы с мощными домнами Магнитогорска и Кузнецка! Может быть, стоило бы изобразить Вас принимающим шпагу у капитулировавшего фон Паулюса на поле боя в Сталинграде? Или показать, как Вас сажают в космическую ракету и Ваша звериная шерсть становится дыбом от страха?

Но нет! Парик, борода, картонный нож — вся эта жалкая бутафория останется похороненной навсегда в шкафу. Человечество стало умнее и прозорливее за эти десятилетия. Люди сегодня ставят себе прямые вопросы. Почему победное знамя над гитлеровским рейхстагом воздвигли солдаты той страны, которую изображали в виде человекообразного чудовища с ножом в зубах? Почему Гагарин был первым человеком, отправившимся за пределы околоземного пространства в космос? Почему банкиры и монополисты из кожи лезли вон, чтобы заранее изобразить в Вашем обличье Ленина, русских коммунистов, русский народ, идущий теперь во главе сил мира и прогресса? Почему они лгали и заставляли лгать своих прислужников? И миллионы людей уже знают ответ на все эти вопросы.

Даже в 1927 году парижская газета писала: «Если Советы просуществуют еще десять месяцев, они смогут сказать, что всего их веку было десять лет». Это «пророчество» можно было извинить такой газете, как «Матэн». Но вот военный министр ФРГ, едва сдерживая ярость, говорит в 1966 году: «2000-й год не должен стать 83-й годовщиной Октябрьской революции». Право, это так же смешно и карикатурно сегодня, как Вы, бывшее страшилище!

Писатели, композиторы, кинематографисты, художники Советского Союза готовятся к празднованию 50-й годовщины Октября. Полстолетия победоносного социализма — как было трудно поверить этому тогда, когда со стен глядела Ваша разбойничья физиономия!

В эти дни, когда Париж готовится дружески приветствовать руководителей Союза Советских Социалистических Республик, я вызвал Вашу жалкую тень. Я делаю это со всем тем презрением и отвращением, которое вызывает во мне ложь, обман народа, все то, из чего соткана Ваша мерзкая маска. А также и те, кто были Вашими хозяевами и покровителями.

Сделав это, я оптимистически вздыхаю.

Андре ВЮРМСЕР

Перевел с французского Л. Чернявский.

ВЕЛИКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ

Вл. РОГОВ

12 ноября 1866 года родился великий китайский революционный демократ Сунь Ят-сен.

Сорок лет жизни отдал я делу национальной революции... Революция и теперь еще не завершена...» — такими словами подводил итог своей жизни Сунь Ят-сен в предсмертном завещании 11 марта 1925 года. А за несколько часов до смерти в письме членам ЦИК СССР он писал: «Мысли мои обращены и сейчас к вам, обращены к моей партии и к будущему моей страны».

Доктор Сунь Ят-сен вошел в мировую историю как человек, посвятивший свою жизнь борьбе китайского народа за национальное и социальное освобождение.

Революционная деятельность молодого Сунь Ят-сена началась под влиянием крестьянской войны тайпинов (1851—1864 годы), в недрах тех тайных обществ, которые на протяжении веков вели борьбу за независимость и свободу. От заговоров и реформ до понимания задач антиимпериалистической и антифеодальной революции лежал немалый и сложный путь. Многие годы Сунь Ят-сен стремился добиться национальной независимости Китая, используя противоречия между империалистическими державами, стремился достигнуть политического объединения страны, привлекая на сторону революции военные союзы милитаристов-феодалов, враждовавшие друг с другом. Каждый раз в решительный момент эти планы терпели поражение. В последние годы жизни Сунь Ят-сен сделал в ходе национально-освободительной революции очень важные выводы: для победы угнетенных народов над империализмом необходимо пробуждать массы к борьбе, опираться на поддержку крестьянских и рабочих масс; объединяться для «совместной борьбы с нациями, которые относятся к нам, как к равным».

Сунь Ят-сен понял, что успешная борьба против могущественного империализма возможна только совместно с новыми силами истории — с революционным пролетариатом и только в союзе с Советской Россией. История полностью подтвердила правильность этих выводов.

Начало революционной деятельности Сунь Ят-сена относится к 1885 году. Под его руководством в 1894 году создается «Союз возрождения Китая». Это была небольшая тайная организация интеллигенции и национальной буржуазии, ставившая своей целью путем заговора и террора свергнуть деспотический режим чужеземной маньчжурской династии. Смелые выступления революционеров потерпели неудачу, но убежденный республиканец Сунь Ят-сен упорно продолжал борьбу. Несколько лет он вынужден был вести тяжелую жизнь политэмигранта в странах Европы и в США, где познакомился с международным революционным движением.

На пробуждение народов Азии огромное влияние оказала первая русская революция 1905 года. К этому времени Сунь Ят-сен создал «Союзную лигу» и выдвинул свою программу преобразования китайского общества. Эта программа стала затем известна как «три народных принципа»: национализм (свержение маньчжурской династии), народовластие (создание республики) и народное благоденствие (национализация государством транспорта и средств связи, уравнение прав на землю). В. И. Ленин высоко оценил революционно-демократическое содержание программы Сунь Ят-сена, которую считал «платформой великой китайской демократии». В то же время он критиковал как утопию идею возможности «предупредить» развитие капитализма в Китае. В этой программе Ленин находил много общего со взглядами русского народничества и отвергал положение о том, что в Китае легче и проще осуществить социальную революцию вследствие его вековой отсталости. Ленин называл Сунь Ят-сена «революционным демократом, полным благородства и героизма» и выражал уверенность, что обновить Китай может «героизм революционных народных масс».

Синьхайская революция 1911 года свергла маньчжурскую династию. 1 января 1912 года в Нанкине доктор Сунь Ят-сен был провозглашен первым президентом Китайской республики. В результате революции для Китая создалась возможность развития на основе национальной независимости. Однако вследствие слабой организации народных масс в различных районах страны установилась власть местных феодалов-милитаристов, а в крупных городах и портах по-прежнему сохранилось господство империалистов. Под давлением сил реакции и под угрозой интервенции империалистов Сунь Ят-сен вынужден был отказаться от поста временного президента. После революции Сунь Ят-сен создает национальную партию Гоминьдан и продолжает борьбу против империалистов и феодалов-милитаристов. И хотя эта борьба не завершилась победой, идеалы демократической республики стали известны народу, в глазах китайцев и народов всего мира Сунь Ят-сен остался «отцом Китайской республики».

Русские большевики выражали солидарность с китайскими революционерами. На своей конференции 1912 года в Праге при обсуждении вопроса о китайской революции они единодушно высказались за ее поддержку.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, создание в 1921 году Коммунистической партии Китая и первые успехи национально-освободительной революции китайского народа оказали глубокое влияние на политические взгляды и революционную деятельность Сунь Ят-сена. Он приветствовал Октябрьскую революцию, внимательно изучал ее опыт, устанавливал деловые контакты с первым в мире социалистическим государством и настойчиво выступал за установление дипломатических отношений Китая с молодой Советской республикой. «Отныне мы больше не смотрим на западные страны,— говорил Сунь Ят-сен в своей новогодней речи 31 декабря 1923 года.— Наши взоры устремлены на Россию». Он был убежден, что без союза с СССР, без союза с Коммунистической партией Китая, без тесной связи с рабочим классом и крестьянством национально-освободительная революция не может одержать победу.

Национально - освободительная борьба китайского народа вызвала звериную ненависть западных империалистических держав. Они открыто применяли угрозы, политическое давление и вооруженное вмешательство против революционного правительства Южного Китая, созданного Сунь Ят-сеном в Гуанчжоу (Кантоне). По мере того, как Сунь Ят-Сен глубже понимал враждебность западных держав, он устанавливал деловые контакты и расширял сотрудничество с Советским Союзом. Он пригласил в революционный Кан-

тон советских советников, М. М. Бородина и группу военных специалистов во главе с В. К. Блюхером («генералом Галиным»). «Отныне,— говорил Сунь Ят-сен,— если не следовать примеру России, революция не сможет быть успешной...»

На Первом конгрессе Гоминьдана в январе 1924 года в Гуанчжоу были приняты манифест и устав, а также решение о принятии в Гоминьдан Компартии.

Сунь Ят-сен писал: «Наша партия верит в то, что китайский народ будет благодарен России за добрую волю, изъявленную в этом (советско-китайском.— **Вл. Р.**) соглашении, и народы обеих стран будут стремиться к еще лучшему взаимопониманию в будущем, чтобы сотрудничать друг с другом в деле укрепления независимости, суверенитета, взаимного уважения и помощи».

Сотрудничество Сунь Ят-сена с коммунистами Китая привело к созданию единого национального фронта во время первой гражданской революционной войны (1924—1927 годы).

В основу программы единого национального фронта были положены три народных принципа и три политические установки Гоминьдана, выдвинутые Сунь Ят-сеном: союз с СССР, союз с Компартией, поддержка рабочих и крестьян. К этому времени Сунь Ят-сен по-новому, более четко сформулировал свое учение о трех народных принципах: «национализм» как борьба за национальное освобождение и полное равенство всех национальностей в стране; «народовластие» как установление демократической республики; «народное благоденствие» как требование предоставить «каждому пахарю свое поле», ограничение капитализма и поддержка требований рабочего движения.

Сунь Ят-сен с большим уважением относился к В. И. Ленину, считал его своим другом и учителем. «Имя Ленина и память о нем,— писал Сунь Ят-сен после смерти Ленина,— будут жить в веках... Никогда не умрут и его труды, ибо они основаны на таких общественных идеях, которые, безусловно, овладеют и будут управлять мыслями и чаяниями грядущего человечества». На траурном митинге в Гуанчжоу Сунь Ят-сен проникновенно говорил о Ленине: «Ты не только говорил и учил, но претворил свои слова в действительность. Ты создал новую страну. Ты указал нам путь для совместной борьбы. Ты встречал на своем пути тысячи препятствий, которые встречаются и на моем пути. Я хочу идти твоим путем, и, хотя мои враги и против этого, мой народ будет меня приветствовать за это. Ты умер, небо не продлило твоей жизни, но в памяти угнетенных народов ты будешь жить веками, великий человек...»

Китайский демократ Сунь Ят-сен был одним из немногих вождей пробудившихся народов Азии, который в своей революционной борьбе смело осуществлял гениальную мысль Ленина о союзе мирового рабочего движения с освободительной борьбой колониальных народов. В этом сказалось мудрое понимание Сунь Ят-сеном одной из основных черт современной эпохи. Он без всякого сожаления отбросил груз узких националистических взглядов и признал историческую роль первого в мире социалистического государства, открывшего путь социалистическому переустройству мира. Величие Сунь Ят-сена заключается в том, что он объединял борьбу китайского народа за национальную независимость с нарождающимися силами социализма.

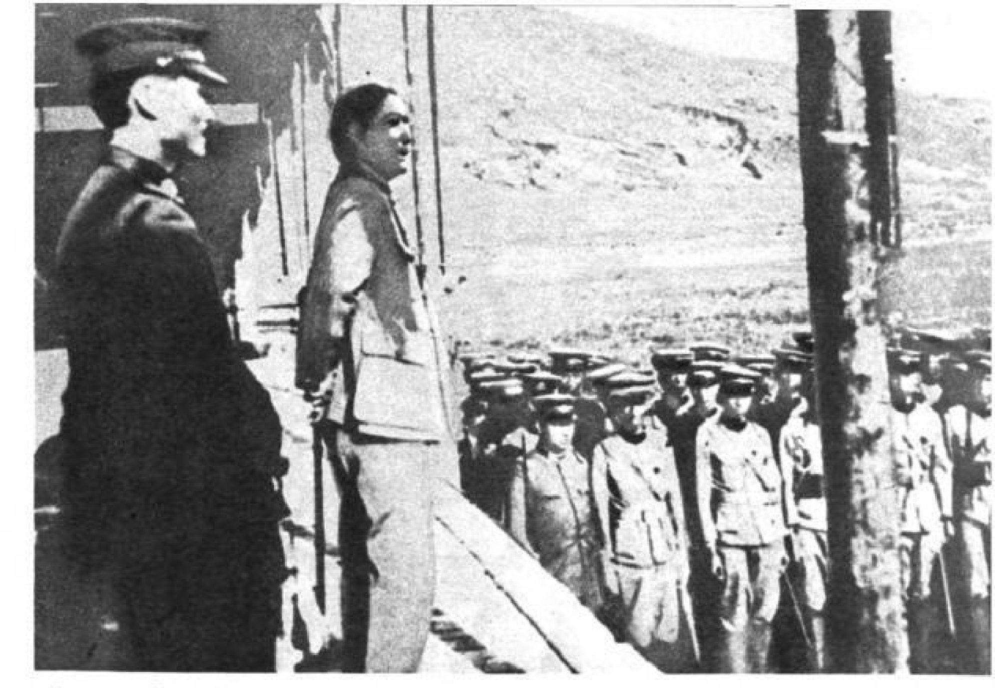
В предсмертном завещании своей партии Гоминьдану и в письме к членам ЦИК СССР Сунь Ят-сен не только выразил глубокое понимание значения Великой Октябрьской социалистической революции для освободительной борьбы угнетенных народов, но и призывал хранить братский союз с советским народом, возникший в первые тяжелые дни китайской революции. Он уверенно предвидел, что первое в мире социалистическое государство вместе с другими социалистическими странами навсегда останутся самыми верными друзьями китайского народа.

Эти заветы Сунь Ят-сена были в скором времени позорно нарушены группой реакционных гоминьдановцев, что привело их, так же как и всех противников советско-китайской дружбы, в лагерь злейших врагов китайского народа.

Начатое Сунь Ят-сеном в конце прошлого столетия великое дело национального освобождения китайского народа к моменту его смерти осталось незавершенным. Но он приветствовал первые революционные бои, которые повела новая, прогрессивная сила в китайской истории — рабочий класс, руководимый своей Коммунистической партией. Героическая борьба китайского народа 1 октября 1949 года увенчалась славной победой. И это был также вечный памятник великому китайскому демократу Сунь Ят-сену.

Сегодня мы отмечаем столетие со дня рождения доктора Сунь Ят-сена — великого китайского демократа, большого и верного друга Советского Союза.

ДЕМОКРАТ

1924 год. Сунь Ят-сен произносит речь перед офицерами кантонской армии.

Сунь Ят-сен:

«Революция в России породила у всего человечества великую надежду!»

●

«Не забывайте, что там, в свободной России, раздался призыв: «Руки прочь от Китая!» Быть может, европейские капиталисты иронически относятся к этому лозунгу, думая, что он ничего не сделает, ибо Советский Союз далек от Китая. Но в том-то и дело, что для лозунгов, раздающихся из Москвы, расстояния не существует. Молниеносно они облетают всю землю и находят отклик в сердце каждого труженика. Мы знаем, какую роль сыграло сочувствие Советов в победе освобожденной Турции над ее врагами. Это сочувствие надежнее пушек... Мы знаем, что Советы никогда не становятся на сторону неправого дела. Если они за нас, значит, истина за нас, а истина не может не победить, право не может не восторжествовать над насилием».

●

«Необходимо срочно создать Революционный комитет для решения различных чрезвычайных дел. Можно и без участия Ху Хань-миня и Ван Цзин-вэя. Поскольку сейчас революция немыслима без изучения опыта России, а Ху Хань-минь потерял веру в изучение этого опыта, естественно, не следует вводить его в Революционный комитет — так будет лучше для дела... Ван Цзин-вэй тоже не является сторонником русской революции, и его также можно не вводить в комитет. Дальнейшая революционная борьба нашей партии будет безрезультатной, если мы не будем учиться у России».

●

«Дорогие товарищи члены Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик!

Меня одолел неизлечимый недуг. Мысли мои обращены и сейчас к вам, обращены к моей партии и к будущему моей страны.

Вы возглавляете Союз свободных республик. Этот Союз свободных республик есть то подлинное наследие, которое бессмертный Ленин оставил миру угнетенных народов. Опираясь на это наследие, народы, изнывающие под гнетом империализма, отстоят свою свободу и добьются освобождения от существующего в мире строя, издревле основанного на рабстве, войнах и своекорыстии.

Я оставляю после себя партию и надеюсь, что Гоминьдан, завершая свою историческую работу по освобождению Китая и других павших жертвой агрессии государств от империалистического строя, объединит свои усилия с вами.

Волей судьбы я вынужден оставить дело своей жизни незавершенным и передать его тем, кто свято соблюдает принципы нашей партии, наставляет и организует моих истинных единомышленников. Поэтому я завещаю Гоминьдану продолжать работу в области национально-революционного движения, чтобы Китай смог сбросить с себя ярмо, навязав которое империалисты низвели его до положения полуколониальной страны. Ради этой цели я повелел партии и впредь укреплять сотрудничество с вами. Я глубоко убежден, что и ваше правительство будет, как прежде, помогать моему государству.

Дорогие товарищи! Прощаясь с вами, я хочу выразить мою пламенную надежду — надежду на то, что скоро наступит рассвет. Настанет время, когда Советский Союз, как лучший друг и союзник, будет приветствовать могучий и свободный Китай, когда в великой битве за свободу угнетенных наций мира обе страны рука об руку пойдут вперед и добьются победы.

С братскими пожеланиями вам всего наилучшего».

Письмо к членам ЦИК СССР

СОЛДАТЫ БЕЗ МУНДИРОВ

Натан РЫБАК

В Лондоне времени «для себя» у Федора Архиповича Шульги не осталось. Двух-трех часов, в которые уже нельзя было втиснуть заседания и встречи, было явно недостаточно для осуществления всех его планов. И так проходит уже четвертое посещение Лондона! Хорошо, что в прошлом году удалось урвать несколько часов на Британский музей. В этот приезд хлопоты начались сразу же после традиционного бекона и чашки черного чаю, отдававшего колесной мазью.

На аэродром ехать было еще рано. Федор Архипович вышел из гостиницы на скудно побрызганную солнцем Оксфорд-стрит, остановил такси и, усаживаясь в пропитанную запахами пыли и бензинных испарений кабину, попросил отвезти его к Вестминстеру. Такси включилось в бесконечную ленту таких же машин, а Федор Архипович, откинувшись на подушки и положив на колени шляпу, зажмурился, на какое-то мгновение опережая мыслями и поток машин на Оксфорд-стрит, и рейс самолета, билет на который лежал у него в боковом карманчике пиджака, и порывистый ветер, гнавший косматые тучи от черных, грузных волн Темзы в сизые просторы Северного моря, напоминавшего о себе чуть уловимым солоноватым привкусом на губах.

Мыслями Федор Архипович уже перенесся в Киев. Он видел лица Надежды Яковлевны и Евгения. Он мог бы поклясться, что хорошо знает, о чем они сейчас беседуют. Хотелось бы, чтобы там у них все уладилось. Даже мысленно Федор Архипович не стал расшифровывать, что значит это «уладилось». Слишком много было горького, чтобы все «уладилось» сразу, чтобы жизнь стала покойной и безоблачной. Впрочем, Федор Архипович твердо придерживался убеждения: безоблачное всегда бездумно. А бездумное не заслуживает ни внимания, ни малейшей траты времени. Время же теперь стоило дорого. Его нельзя было купить ни за какие деньги. Даже если они назывались английскими фунтами и насчитывались десятками тысяч. Напрасно вчера сэр Кроуфорд так хвастался десятками тысяч фунтов, какие банки предоставляли в распоряжение его ядерного института.

Все равно они проворонили... Разумеется, элементарная вежливость, не говоря уже об условностях этикета, не позволяла Федору Архиповичу выразить свое мнение по поводу неоправданных гипотез сэра Кроуфорда. А тот в продолжение всей их беседы проявлял недостойную ученого подозрительную осторожность и все поглядывал на своего помощника, услужливого и суетливого мистера Готфрида, который то и дело широко улыбался, но больше помалкивал.

Федор Архипович вздохнул. Сказать по правде, пять дней, которые он просидел тут, потрачены зря. Подготовительный комитет для созыва международного симпозиума по физике частиц высоких энергий не пришел к согласию ни насчет повестки предстоящего симпозиума, ни насчет времени и места проведения его.

Федор Архипович Шульга один представлял в комитете советских физиков. От других стран было по три, а то и по шесть представителей. Среди них немало старых знакомых, с которыми еще два года назад можно было говорить непринужденно и откровенно. Теперь это оказалось не так легко.

Американскую группу физиков возглавлял заместитель директора управления атомной энергии сенатор Коллинз. По бокам его всегда сидело двое помощников, лысоватых, в костюмах мешком, с какими-то стертыми лицами. Они упрямо твердили, что США обладают монополией в атомных делах, что это неоспоримо, а потому разговоры о контроле затрагивают национальные интересы и угрожают безопасности страны.

На замечание Федора Архиповича, что такой монополии уже давно нет да, в сущности, и не было, сам мистер Коллинз ответил безапелляционно:

— Но атомная бомба имеется только у нас и в достаточной степени укрепляет нашу монополию.

Федор Архипович засмеялся. Потом его охватила злость. Какого дьявола этот спесивый мистер запугивает всех?! Федор Архипович снял очки и характерным жестом, свойственным ему в минуты раздражения, ткнул ими в мистера Коллинза, не без язвительности добавив:

— Да, о том, что у вас есть бомба, мир знает. Хиросима и Нагасаки никогда не дадут людям забыть об этом.

Мистер Коллинз понял не сразу. Даже самодовольно закивал головой, но вдруг встопорщил коротко остриженные усики и небрежно кинул:

— Пропаганда.

Сэр Кроуфорд покраснел. Его раздражал самоуверенный американец. Он знал: Коллинз генерал, а не физик, и цель его — сорвать всякую возможность созыва симпозиума. Но сосед справа, мистер Готфрид, молниеносно подсунул сэру Кроуфорду записку. Это видели все. Единственное, что мог в знак протеста сделать сэр Кроуфорд вопреки подсказке советника,— просто объявить перерыв.

Подобные перерывы были спасительными для сэра Кроуфорда. Пожалуй, именно искусству объявлять их при самой острой ситуации он был обязан назначением возглавлять подготовительный комитет от имени британского правительства.

В перерыве за чашкой кофе сэр Кроуфорд предупредительно посоветовал Федору Архиповичу не принимать близко к сердцу резкость мистера Коллинза. Мистер Готфрид стоял далеко, в другом углу зала, и сэр Кроуфорд позволил себе с откровенностью, не вызывавшей сомнения, назвать Коллинза выскочкой. Ведь Шульга был для сэра Кроуфорда выдающимся ученым, с его мнением считался даже Нильс Бор, и хотя сам Кроуфорд давно не заглядывал в ядерные лаборатории, поручив эти обязанности своим ученикам, он мог оценить то, что делает академик Шульга. Уже тот факт, что Шульга прибыл в Лондон в четвертый раз, свидетельствовал о серьезном отношении советских ученых к вопросам мирного использования атомной энергии.

Сэр Кроуфорд сокрушенно смотрел в окно. На площадке, окруженной стенами домов, резвились дети. Аккуратно подстриженные, в коротеньких штанишках мальчуганы беззаботно гоняли мяч. И сэру Кроуфорду жаль стало этих маленьких британцев. Чувство, похожее на раскаяние, шевельнулось в его душе. Детвора и не подозревает даже, что происходит на высоте каких-нибудь девяти метров от земли, что, может быть, именно здесь решается их будущее. Все они могут стать пеплом, если мистер Коллинз и дальше будет держать руль таких конференций в своих мясистых, короткопалых руках, густо усеянных веснушками.

Шульга, как бы уловив невеселые мысли Кроуфорда, тоже смотрел в окно. Дети всегда привлекали его. Они заставляли думать о будущем.

В Киеве, во дворе их дома, мальчуганы тоже гоняли мяч по газонам. Обычно дворник шел на них в атаку, грозя облить водой из шланга, и тогда дети кричали, что это агрессия, что так полиция разгоняет демонстрантов. Дворника такой протест обезоруживал, смирял, к радости Федора Архиповича, его воинственный пыл. Стоило бы рассказать об этом Кроуфорду. Дети — всюду дети, и дворники тоже везде одинаковы. Но у сэра Кроуфорда слишком печальный вид, и шутка вряд ли поможет ему.

Кроуфорд вздохнул. Сжался. Забота сняла с его лица выраженче уверенности. Шульга понимал, что мучит Кроуфорда.

— Вы не хотите думать о будущем,— тихо проговорил Федор Архипович,— вы пренебрегаете здравым смыслом.

Мистер Готфрид словно вынырнул из-под старого, вытертого ковра. Он очутился рядом, как никогда, вовремя. Сэр Кроуфорд мог теперь не отвечать, поскольку мистер Готфрид

Отрывок из романа.

Рисунок
Е. Шукаева.

протянул ему спасительный лист бумаги с проектом резолюции.

К Шульге подобрался Коллинз. Бережно взял за локоть. Стал между ним и Кроуфордом.

— Нам следовало бы потолковать, как говорят у вас на Карпатах, «в четыре глаза».

— Вы бывали там?

— Не был, но знаю. Я люблю народные поговорки. В них всегда мудрость.

Федор Архипович ждал, что же последует дальше.

— Те, у кого в руках атомная бомба, всегда могут найти общий язык.

Коллинз нахально щурился, удовлетворенно облизывая жирные губы. Вот так, одной фразой, он выведет на чистую воду большевистского физика. И нечего морочить голову этими симпозиумами. Пускай скажет: есть или нет? Вокруг замерли, прислушиваясь.

— Те, кто стремится свои знания отдать человечеству, всегда придут к согласию,— сказал Шульга,— правда непобедима. Это известно ученым во всем мире. Даже и у вас, в Соединенных Штатах. Это также, по вашему мнению, пропаганда? — насмешливо спросил Шульга.

— Это истинная правда, как правда то, что расщепленный атом может принести счастье человечеству,— взволнованно нарушил молчание француз Шарпантье.

Коллинз принужденно засмеялся. «Спросите японцев»,— так и подмывало его сказать французу, но он с притворно веселым видом подхватил:

— Бизнес и счастье. Это верно.

— Однако советские ученые — дипломаты,— не то укоризненно, не то с восхищением заметил Коллинз, отпуская локоть Шульги.

— Патриоты, мистер Коллинз,— поправил его Шульга.— Патриоты,— повторил он.— Это не мешает науке, наоборот, помогает ей.

...Дорога до Вестминстера оказалась длиннее, чем пестрая лента воспоминаний и размышлений о том, что было, что может быть. Шульга открыл глаза. Поток машин задержался. Таксомотор фарами уперся в кузов машины, похожей на ракету. Руки шофера лежали неподвижно на баранке руля, точно приросли к ней.

— Трудно ездить в Лондоне,— сказал ему Шульга.

Шофер слегка повернул к нему лицо. Что-то похожее на улыбку осветило потрескавшиеся губы.

— И жить трудно, сэр.

Он уже снова глядел прямо вперед, и Шульга подумал, как мало похожи лондонские шоферы на своих коллег в других краях. Они сами никогда не заводят разговора. На вопрос ответят. Но первыми не нарушат молчания. Однако этот, утвердительно ответив на вопросы, невольно сказал больше. Разумеется, ему труднее жить, чем сэру Кроуфорду. Любопытно было бы поглядеть, как он вел бы себя в сумрачном зале британской корпорации ученых, где несколько дней его соотечественники с присущим британцам упорством неловко играли в самостоятельность, выполняя на самом деле чужую волю.

— Вы были на войне? — спросил Шульга шофера.

— В отряде противопожарной обороны, сэр,— проговорил водитель, сворачивая в узенькую и темную улочку. Он как бы сдержал бег таксомотора, оглянулся через плечо на разговорчивого пассажира и добавил:— Сын был за Ла-Маншем. Погиб под Арденнами. Остались мы вдвоем со старухой. Мне прислали его орден. Да и у меня медаль за доблестную службу королю.

— С вами легче было бы договориться, чем с сэром Кроуфордом,— сказал Шульга, надевая шляпу.

Шофера не интересовало, кто такой сэр Кроуфорд. Он не привык спрашивать. Он просто выполнял волю пассажира. Когда машина остановилась возле Вестминстера и Шульга положил на сиденье рядом с шофером деньги, тот сказал:

— Я могу вас обождать тут.

— К сожалению, у меня нет счета в Королевском банке,— пошутил Шульга.

Шоферу, должно быть, понравилась шутка. В его прошитых красными прожилками, усталых глазах мелькнули веселые огоньки, но он только вежливо пояснил иностранцу:

— Я буду стоять здесь, на площади. В эту пору мало пассажиров. И если вы снова возьмете меня, сэр, мне будет приятно.

— Хорошо,— согласился Шульга и зашагал к собору.

На площади перед Вестминстером собралась кучка туристов. Гид в потертом костюме объяснял по-французски молодым юношам и девицам что-то о величии сооружения, которое высилось на фоне серого неба, точно вписанное в театральную, обветшалую от времени декорацию.

Шульга прошел мимо шумливых туристов. В эту минуту он забыл все пережитое за последние дни. Сбывалась давняя мечта. Был ли это просто каприз или непобедимый атавизм, но за долгие годы в нем укрепилось убеждение, что, только увидев своими глазами клочок земли, ставшей последней обителью Ньютона, он сможет почтить память гения, впервые явившегося тому в тот далекий и все же незабываемый день, когда Федор Шульга вступил на трудный путь, еще никому не обещавший беззаботной и безоблачной жизни. Но люди, сильные верой в себя и в свою цель, почему-то избирали именно этот путь. И он, Шульга, ни разу не пожалел, что выбрал такой путь. Теперь он еще больше уверился в этом, прочитав пророческие слова, от которых долго не мог оторвать глаз.

Люди, сложившие их, проявили мудрость и проницательность. Они способны были понять величие человека, чьим останкам суждено было навеки опочить под сводами Вестминстера.

«Пусть поздравляют себя смертные,— неторопливо читал Шульга,— что существовало такое великое украшение рода человеческого».

«Любопытно, давно ли был здесь сэр Кроуфорд,— подумал Федор Архипович.— А если и был? Задумывался ли он над тем, что человек — украшение мира. Неужели в сердце Кроуфорда погас тот огонь, который в давние годы привел его к преддверию чудесных прозрений, повлиявших на работу Резерфорда и Бора? Преклонный возраст не может стать помехой для честности? Нет, не может!»

Федор Архипович смотрел на отполированную годами надгробную плиту с мудрой надписью, и ему припомнилась другая могила, на Хайгетском кладбище. Карл Маркс создал гениальную науку — как действительно сделать человека украшением вселенной.

Мысль, что Кроуфорд, как и большинство его коллег, был далек от понимания этой истины, опечалила Федора Архиповича.

Он стоял перед могилой Ньютона, склонив голову, отгоняя безрадостные мысли, стараясь убедить себя в том, что такие минуты неповторимы и вся суетность повседневности тленна пред лицом вечности гения. Но острая боль в левом плече возвратила его к суетности. Шульга горько улыбнулся, привычным жестом вынул из жилетного кармана таблетку нитроглицерина. Должно быть, он не заметил, как зашатался, потому что, когда он ухватился рукой за решетку могилы, кто-то заботливо поддержал его под локоть. Шульга с удивлением оглянулся. Седой человек в униформе служителя сочувственно спросил:

— Вам дурно, сэр? Может быть, глоток воды? Вот скамеечка. Присядьте.

— Спасибо. Это—минутное. Сердце,— коротко пояснил Шульга, ощущая под языком холодок от таблетки.

— О сэр,— воскликнул служитель, подводя Шульгу к скамейке в углу и почти силой усаживая его,— плохие люди расщепили этот проклятый атом, а лучше бы нашли лекарство, чтобы сердце не болело. На такие вещи им ума не хватает...

— Вы правы,— вяло отозвался Федор Архипович,— но скажу вам по секрету: атом здесь

ни при чем. И он принесет большую пользу людям.

Федор Архипович прислонился к стене. Стена была холодная, и это приятно успокаивало. Служитель стоял поодаль, с нескрываемым любопытством разглядывая человека, который так безапелляционно защитил атом.

Шульга вздохнул. Таблетка под языком уже растаяла. Сердце билось спокойнее, и стало легче дышать. Он благодарно улыбнулся служителю, а тот, ободренный приветливой улыбкой, осведомился:

— Простите, сэр, вы, должно быть, иностранец?

— Да. Притом издалека.

— Но вы так хорошо говорите по-английски,— развел руками служитель и запнулся, не зная, как вести себя дальше с этим странным посетителем.

И вдруг Шульге захотелось поговорить именно с этим незнакомым человеком, растолковать ему несложную истину гуманизма.

— В нашей стране чтят великого человека, который покоится под этой плитой.

— О, великий Ньютон,— благоговейно произнес служитель,— не слишком часто останавливаются теперь перед его могилой.

— А следовало бы,— сказал Федор Архипович, вставая.— Что же касается атома, то все относительно, друг мой. Таблетка, которая сняла боль в сердце, сделана из взрывчатого вещества. В критическом количестве оно разрушает мосты и несет смерть. Так и атомное ядро, друг мой. Все зависит от того, в чьих руках будут открытия науки. И только.

— О сэр!

Служитель, осторожно ступая, шел вслед за Федором Архиповичем к выходу. За тридцать лет, проведенных под этими суровыми сводами, он впервые слышал такие слова. Должно быть, этот высокий, с бородкой клинышком чудак какой-нибудь художник или богатый путешественник, а может быть, врач... Служитель терялся в догадках, и, когда серенький июньский денек повеял им в лицо гарью задымленных кварталов, Федор Архипович сказал ему:

— А я, друг мой, как раз из той страны, где стремятся силу расщепленного атома направить на благо людям. И называется эта страна — Советский Союз. А вас прошу, друг мой,— продолжал Федор Архипович, не давая опомниться ошеломленному служителю,— советовать всем, кто попадает сюда, прочесть надпись на могиле Исаака Ньютона. Желаю вам счастья.

Шульга приподнял над головой свою старую шляпу и пошел по площади. Шофер, привезший его сюда, гостеприимно открыл ему дверцу машины. Садясь в таксомотор, Федор Архипович оглянулся на Вестминстер.

Одинокая фигура служителя, в удивлении застывшего у входа, развеселила Шульгу.

Это последнее июньское утро в Лондоне действительно оказалось щедрым на встречи. Словно оно хотело вознаградить Шульгу за напряжение предыдущих тяжелых дней.

В полутемном холле гостиницы навстречу ему поднялась высокая, худощавая фигура.

— Сэр Чедвик!

— Здрав-ствуй-те,— выговаривая по слогам русское приветствие, отозвался Чедвик, обеими руками пожимая руку Шульги.— Я только сегодня из газет узнал, что вы здесь. А сколько лет прошло после нашей встречи в Швейцарии!..

— Сколько событий! — растроганно произнес Шульга.

И когда они уселись за низенький столик и официант подал на подносе чай, Чедвик с необычной для него поспешностью сказал:

— Я очень рад, мистер Шульга, очень рад...

— А я? Можете представить себе, сэр Чедвик? Все эти годы живет в моей памяти наша беседа.

Последовавшая затем минута молчания, казалось, привела из недр былого ту ночь в Лозанне. Может быть, для обоих она была своего рода берегом, оттолкнувшись от которого один поплыл, не задумываясь, навстрѐчу буре, а другой искал приюта на укромном островке, чтобы на нем переждать эту бурю. А что из этого вышло? Стоило ли сейчас, при этой короткой и неожиданной встрече, напоминать о том? Нет! Федор Архипович даже тряхнул головой. Рассыпалась густая шевелюра, которую Надя любила называть львиной, хотя годы покрыли ее серебряной изморозью.

— А вы такой же,— тепло сказал Чедвик.

— И вы не изменились,— искренне ответил Шульга.

— Я хотел бы вас пригласить к себе.

— С огромным удовольствием, но,— Шульга взглянул на часы,— через два часа я уезжаю. А хотелось бы поговорить с вами.

— Весьма сожалею. Может быть, я приеду к вам?

— Вы сами понимаете, какая это будет радость не только для меня.

— Но только как частное лицо,— как бы предупредил Чедвик,— я теперь в стороне...

«Чудак,— подумал Федор Архипович,— а когда же ты не был в стороне?..»

Будто угадав его мысль, Чедвик добавил:

— В самом деле, я не имею и не хочу иметь ничего общего с бизнесменами, которые рыщут в лабораториях. Хватит с меня.

— Они и сейчас хозяйничают там и тут,— заметил Федор Архипович,— и ключи от ящика Пандоры остаются у них в руках. Но расскажите лучше о себе...

Чедвик с признательностью поглядел на Федора Архиповича. Хорошо, что тот понял, насколько затруднительна для него подобная тема. Ведь тогда неизбежно последуют и другие вопросы, касаться которых именно сейчас не только неуместно, а главное — не ко времени. Так по крайней мере искренне считал Чедвик. Разумеется, даже в эти краткие минуты можно было бы многое сказать о том, что так беспокоило и тяготило его все эти долгие годы.

Удивился бы, пожалуй, русский ученый, узнав, что Чедвик отказался работать в каких бы то ни было научных институтах, разрабатывающих атомные проекты, а в связи с этим ему намекнули, что визит его в Принстон, куда он собирался выехать весной по приглашению руководства института, нежелателен... Даже протест самого Эйнштейна не подействовал на чиновников государственного департамента.

Что же касается свидания с Шульгой, то, прочитав краткую заметку в «Таймсе» о работе подготовительной ассамблеи и увидав в списке гостей имя академика Шульги, Чедвик решил непременно его разыскать. Ему было приятно, что Шульга с такой радостью встретил его. Разве можно забыть разговор с ним в Лозанне? Нет! Сказать бы сейчас Шульге, как часто в те ночи, когда над Лондоном рвались немецкие бомбы, он вспоминал в подвале убежища его пророческие слова! Тогда еще была уверенность: как только будет покончено с фашистами, самая мысль о войне станет отвратительна людям.

Еще стояла пыль над руинами Ковентри, еще громоздились развалины на улицах Лондона, еще земля дымилась кровью, а уже за кулисами мирных конференций начался бесстыдный торг новым, страшным оружием, от которого не будет пощады даже тем, кто кичится сейчас исключительной монополией на него.

Кто-кто, а сэр Чедвик, член Королевского общества, хорошо разбирается в этом. Не так мало прожил он на этой планете, чтобы примириться с самоубийственной ложью.

Может быть, поэтому сэр Чедвик вопреки обычной своей осторожности (о необходимости которой ему то и дело напоминали близкие) решился прийти сюда, в гостиницу, к советскому коллеге? Но почему он старательно обходит то, о чем следовало бы сейчас сказать? Почему он не спросит прямо о том, что его мучает? Совсем некстати, без всякой связи с предыдущими словами он, подавляя свои сомнения, говорит:

— Наука заблудилась, мистер Шульга, ученые бессильны.

Стынет чай в фарфоровых чашках. Шульга с беспокойством посматривает на Чедвика. Слова, только что услышанные от него, полны отчаяния. Федор Архипович не может промолчать, хотя обстановка отнюдь не благоприятствует такому разговору. Но ведь и Чедвик не смог заглушить в себе голос совести!

— Дорогой коллега, события научили меня и, смею думать, вас также смотреть правде в лицо, даже если она не дарит нас улыбками. Поверьте мне, а впрочем, вы сами знаете: наука не заблудилась. Нет! И ученые не бессильны. Скажу точнее: нас хотят обессилить, внушить легковерным, будто от нас ничто не зависит, да еще распустить повсеместно дешевую ложь: мол, эти хироманты в лабораториях способны дать людям только безумие смерти. О, так легко обмануть людей! Жестокая, каинова работа.

Голос Шульги звучал напряженно-тихо, полный сдержанного гнева и тревоги.

— Дорогой Чедвик, вы сами немало сделали для того, чтобы ядро атома раскрыло нам свои тайны. Вправе ли вы теперь уйти за кулисы истории? Простите суровый тон, но ведь это истина вынуждает меня спрашивать вас.

Шульга вздохнул. Словно иголкой, невидимая рука дважды кольнула под сердцем. Неужто опять? Это, пожалуй, слишком щедро для одного утра. Он взял чашку и едва удержал ее. Но усилием воли заставил пальцы повиноваться и припал губами к краю чашки. Глоток — и как будто полегчало.

— Я не жду сейчас от вас ответа. И не нужно его,— тихо проговорил Шульга, ставя чашку на блюдце.— Одно только скажу я вам, дорогой Чедвик,— вернитесь в жизнь. Мы с вами отвечаем перед людьми за то, чтобы освобожденная энергия атома украсила землю, а не испепелила ее.

— Хорошо сказано,— откликнулся Чедвик.— В самом деле, лучше не скажешь!

...После, уже в громоздком воздушном лайнере бельгийской компании «Сабена», когда зазубренный клочок суши, именуемый Британским королевством, оказался мизерно малым с высоты лазурного океана, Федор Архипович снова увидел перед собой сутулую, озабоченную фигуру Джемса Чедвика, насупленные, сведенные острым углом густые брови, взгляд, полный противоречивых чувств.

В глубине души, перебирая газеты, положенные перед ним на столик стюардессой, Федор Архипович чувствовал — пройдет немного

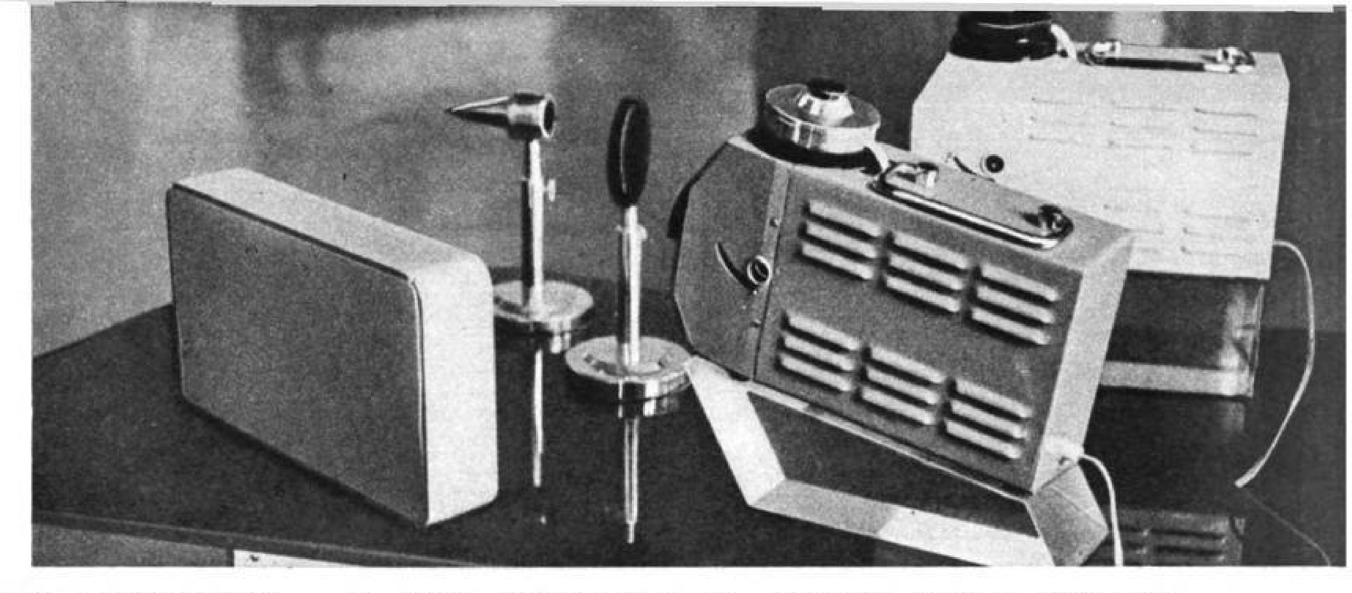
ЛАЗ
В ПОД

Все вроде бы началось с подарка, правда, довольно необычного. Никогда не думал, что можно кому-то преподнести гиперболоид. Так вот, запросто, взять в руки квантовый генератор и принести в дом уважаемого именинника: примите, пожалуйста. Еще вчера фантастический, шагавший разве что по страницам книг и журналов лазер — чудо XX века — и вдруг подарок: словно это фотоаппарат или, скажем, табакерка для пополнения коллекции...

Между тем так оно и было! Случилось, что молодые физики одного из научно-исследовательских институтов решили преподнести своему профессору лазер. Но что делать, не понесешь же прибор размером едва ли не в железнодорожный контейнер.

И началась нелегкая работа по созданию принципиально новой схемы аппарата, который бы приличествовал моменту, как сказали его авторы. Над чертежами и схемами корпели не один вечер. А когда идеи воплотились в оригинальный прибор, о нем прослышали в соседнем конструкторском бюро лазерного приборостроения. Прослышали и сначала подивились. Затем посмотрели новинку так и этак и нашли, что прибор можно усовершенствовать. Перекомпоновали схему, свели

ЕР
АРОК...

все в единый небольшой блок. Это было принципиальной важности вторжением, может, первым словом в подобном взгляде на прибор; прежде блок питания обычно выносился отдельно. И появился на свет ГОР-0,2 — «генератор оптический рубиновый», в котором стерженек рубина — чуть более полусантиметра диаметром. Тогда-то и подумали, что неплохо бы наладить массовый выпуск аппаратов.

Когда мне показали такой лазер, как-то невольно вырвалось:

— Уж очень он на игрушку похож.

Конструктор, услышавший эти слова, охотно согласился: действительно, как игрушка. Таким и делали. Но — работает! Годится для научно-исследовательских институтов. Нужен для анализа некоторых веществ, для проведения физических опытов. И еще есть одна область его применения.

— Скажите, как учить лазерному конструированию в институтах? На схемах, на пальцах, по книгам? А не лучше ли на таких приборах? Ведь ГОР, имея все, чем располагает любой лазер, вдобавок обладает целым рядом преимуществ: схема наглядна, блок один, небольшой и легкий, можно самому разобрать и собрать прибор...

Так, говорят, и начинался один из серийных лазеров, самый младший в большой и представительной их семье.

Я иду вместе с ведущим конструктором, которого по молодости его лет хочется назвать просто Юрой.

Мы идем через просторный двор. В глубине виден светлый многоэтажный корпус. Там располагается лазерное хозяйство — конструкторское бюро, мастерские, экспериментальные службы, испытательные стенды.

— Сначала посмотрите первый подарочный лазер,— советует конструктор.

Голубой, с белой оторочкой, аккуратный аппарат. Весом всего в шесть килограммов. Полегче, пожалуй, иного магнитофона. А длиной под стать небольшому транзистору — всего 40 сантиметров. Удобная ручка. По торцу несколько отверстий, из которых и вырывается луч.

Потом мне показали, на что способны такие лазеры. Конструктор нажал на клавишу, и крепчайшей стали лезвие перочинного ножа было в мгновение прошито лучом игрушечного прибора. Познакомили и с тем, как с его помощью исследуют различные вещества, их структуру, особенности.

У новых приборов — широкое поле деятельности. Сейчас их создано немало. Эти приборы соединяют металлы и режут их. Создают плазму и даже выполняют роль телефонного кабеля: одна из московских АТС, та, что с индексом «Г-6», охотно пользуется таким проводом.

...В этом цехе фантастика уже воплощена в действительность, включена в производственный план, ее заказали и ждут различные предприятия, лаборатории и отрасли промышленности.

У создателей квантовых генераторов много интересных замыслов. Здесь с уверенностью говорят о световом резце, который позволит обрабатывать материалы с самыми различными свойствами и характеристиками. Пример того, как ловко лазерный луч прожигает сверхтвердый алмаз, стал уже хрестоматийным. Но ведь надо заставить квантовый генератор обрабатывать и другие материалы, трудиться в других областях науки, техники, народного хозяйства. И это осуществляется...

При мне как-то провели несколько сеансов микросварки. Установки «СУ-1» и «УЛ-20» позволили выполнять такую широкую программу работ, что диву даешься: они могут сваривать чрезвычайно тугоплавкие материалы, соединять контакты полупроводниковых приборов, на твердых схемах и микроэлементах, на микроплатах. Вот несколько примеров — золото сварили с кремнием, никель — с алюминием, тантал — с медью. Специалист знает, как трудно соединить эти металлы. А тут нажимаешь кнопку, вырывается невидимый луч, и только чуть приметный, какой-то особый и, хочется сказать, изящный всплеск свидетельствует: дело сделано. Меня познакомили с разработкой прибора для спектрального анализа. Такого анализа, который не выполнишь, сказали, ни одним из ныне применяемых способов. Лазер же может произвести точнейший анализ даже в том случае, если вкрапление исследуемого материала не превышает тридцати микрон. Я видел приборы различной мощности. И небольшие ГОРы, о которых здесь говорилось, и в несколько сотен, а может, и тысяч раз превосходящие их по мощности.

...Стоят готовые лазеры. Их упакуют. И уйдут приборы, может, к геологам, может, на предприятия текстильного машиностроения, в институты, к строителям, к сварщикам. Словом, туда уйдут, где они нужны.

К. БАРЫКИН
Фото автора.

времени, и Чедвик отбросит эти «но». И на решение старого Чедвика не так повлияет эта их короткая и сбивчивая беседа в холле гостиницы на горделивой Оксфорд-стрит, в центре британской столицы, как то мгновение, когда Чедвик отважился прийти к нему в гостиницу. Но иначе быть не могло. Шульга был в этом непреклонно убежден. А настанет и такой день, когда лорд Кроуфорд опомнится и перестанет заглядывать в рот сенатору Коллинзу. Но когда же придет этот благословенный день?

Вопрос, который пора задать самому себе. Не слишком ли полагается он на спасительную силу времени? А люди? А факты? А что, если засучив рукава кинуться навстречу злу? Что? Может, ты устал, Федор Шульга? Может, и тебе хочется уйти за кулисы?

Легче всего ответить на это бодрым словом: нет! И таким способом прекратить разговор со своими собственными сомнениями. Но уместно ли здесь самое слово «сомнения»? О, теперь и вправду — нет! Не сомнения, а забота, а желание, не полагаясь на время, сейчас же, сегодня же, завтра же вырвать из оков лживого самообмана своих коллег, которые утратили веру и отступили перед страшным лицом правды. Ведь все мы кружились вокруг ядра. Осторожно, но настойчиво проклевывали его своими поисками. Редкий из нас не понимал, чем все закончится. Нужно идти дальше. Нужно двигаться, дорогой Чедвик!

И какое-то нетерпение входит в сердце, в мозг, наполняет мускулы Федора Архиповича. Будь на то его воля, он удесятерил бы скорость самолета. Кивком головы он подзывает к себе стюардессу.

— Скоро ли Париж?— спрашивает он стройную красавицу, точно сошедшую с рекламного плаката Голливуда.

— Минуем Париж, сэр. Погода не позволяет. Идем прямо на Брюссель.

— Придет время, мисс, когда скорость самолетов не будет зависеть от погоды. Больше того, мы сможем управлять стихией с помощью вот такой пуговицы.

Шульга указал на черную кнопку выключателя. Стюардесса улыбалась ему профессиональной улыбкой. Разве мало диковинных пассажиров приходится встречать ей?

— Позвольте предложить вам кофе, сэр?

— Спасибо, мисс. И знаете, что поможет человеку изменять погоду?

— Нет, сэр,— осторожно, с деланной заинтересованностью ответила стюардесса. В ее обязанности входило поддерживать разговоры с пассажирами, и она старательно выполняла это.

— Атомная энергия, мисс,— пояснил Федор Архипович. Не то с сомнением, не то утвердительно он кивнул головой, и стюардесса поняла: она свободна. Забыв, что по инструкции должна выступать грациозно, она стремглав кинулась в кабину обслуживания — поделиться впечатлением от беседы со странным пассажиром.

Шульга развернул «Таймс». В правом углу второй полосы сенатор Коллинз заверял читателей: разговоры о радиоактивных осадках — большевистская пропаганда, монополия на атомное оружие сдерживает агрессию красных. Советские ученые не в силах создать атомное оружие. «Свободный мир» может быть спокоен за свою судьбу, ее зорко оберегают Соединенные Штаты. Интервью Коллинза сопровождал его портрет, под ним сообщалось, что сенатор Коллинз во время войны в чине полковника, а затем генерала выполнял ответственные поручения президента Трумэна, что с молодых лет он близок к науке и как юрист представлял различные компании, финансировавшие атомные проекты.

Чуть пониже этой биографии безымянный комментатор не без ехидства спрашивал мистера Коллинза: известно ли ему, что атомное ядро было расщеплено в Советском Союзе задолго до войны и что теперь в Стране Советов озабочены использованием атомной энергии в мирных целях?

«Таймс» оставил себе путь к отступлению. Мол, красные — это не сахар, но и самохвальство мистера Коллинза, который ведет себя на Британских островах, точно в Аризоне, тоже должно иметь предел.

Шульга скомкал пухлый номер газеты.

Сложность оставалась, те же противоречия, те же знаки вопроса, нерешенные проблемы. Здесь, в лайнере, между небом и землей, можно было на несколько минут отстраниться от событий, но такое состояние долго не продлится. Ни для него, старика Шульги, ни для всех этих пассажиров, которых судьба случайно свела на эллипсовидной территории, собственности всепроникающей «Сабены».

Интересно было бы провести наскоро опрос, что они, эти толстые, солидные, холеные, самодовольные, озабоченные и просто ничем не выделяющиеся мужчины и женщины, думают об атомной энергии и как относятся к хвастливым угрозам господ типа сенатора Коллинза.

Понимая, что такой референдум в нынешней ситуации невозможен, Федор Архипович решил отдохнуть и, если удастся, поспать.

Закрыв глаза, проникаясь неумолчно-ритмической вибрацией воздушного корабля, он искал сна как спасения от назойливых мыслей, а они, сказать по правде, не давали покоя ни на суше, ни в воздухе, ни на воде.

Авторизованный перевод с украинского Бориса Турганова.

Ю. СБИТНЕВ, Л. ШЕРСТЕННИКОВ

Ташкент пропах пылью, бензином, взрыхленной землей, цементом, асфальтом...

Улицы забиты транспортом, на «кразах», «мазах», «четвертаках», «зилах», на юрких «газиках» — московские, киевские, тбилисские, кишиневские, ленинградские номера... С 26 апреля количество машин в городе выросло на несколько тысяч. И на проезжих магистралях с утра до позднего вечера часы пик. А строительная техника и автомашины все прибывают и прибывают в столицу Узбекистана. Срочные грузы, цемент, гравий, сборно-бетонные панели, лес непрерывным потоком текут через Ташкент к громадной строительной площадке на окраине города.

Мы ходим по городу, ищем героя репортажа. И, как это часто бывает в жизни, находим неожиданно на самом оживленном перекрестке.

Не знаем, сколько градусов показывал тогда термометр, но только вода, разбрызганная поливочной машиной, высохла на асфальте в течение двух минут. Где-то совсем рядом с перекрестком рухнули стены аварийного здания, подсеченные ножом бульдозера, пыль затейливыми клубами повисла над головой нашего героя, замер и снова стремительно рванулся мимо нас поток машин.

Человек работал. Он дирижировал улицей, многоголосым трудовым ритмом. Работали его руки, лицо, глаза и даже черные шикарные гусарские усы.

Трудно найти в Ташкенте жителя, который не знал бы человека на перекрестке — Садыка Касымова!

— Он эмблема Ташкента,— шутят одни.

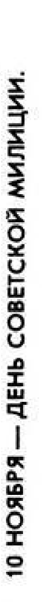
— Садык-ака — виртуоз-дирижер! Артуро Тосканини! — серьезно говорят другие.

— Сколько себя помним, столько знаем этого старшину,— сообщают третьи.

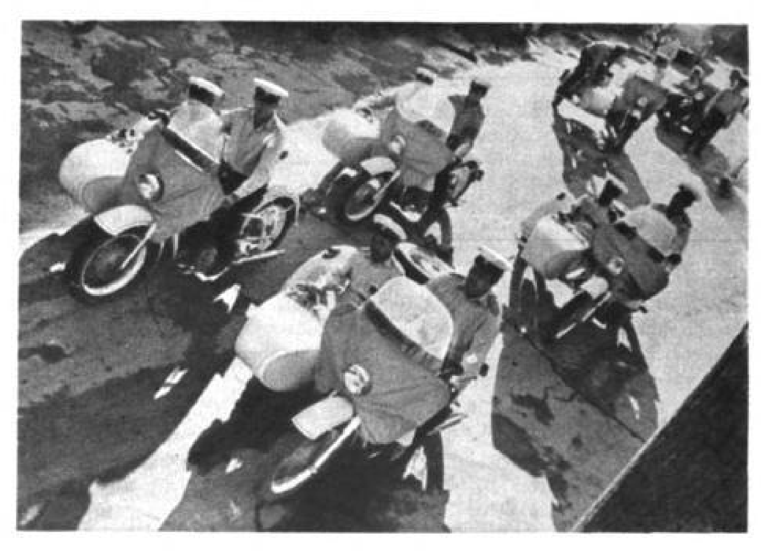
Тридцать шесть лет работает на перекрестке старшина милиции Садык Касымов. Тридцать шесть лет повинуются его жезлу потоки машин от первых трескучих полуторок до последних современных марок. И за всю долгую и сложную службу не было у Садык-ака на перекрестке ни аварий, ни серьезных нарушений.

Нет, впрочем, одно было. Дождливой зимней ночью на него, как это принято писать в протоколах, был совершен наезд. Водитель такси не смог удержать «Волгу» на мокрой мостовой, и старшину Касымова отправили в больницу.

О несчастье всего через несколько часов уже знали почти во всех автобазах Ташкента. Десятки незнакомых людей — в основном это были шоферы — отправились проведать пострадавшего. Нянечки и сестры сбились с ног. То и дело звонки в приемный покой. Перед больницей, как перед вокзалом,— грузовики, легковые машины. Шоферы требуют пропустить их к больному старшине милиции. Садык-ака выздоровел, но еще долго, проезжая мимо, водители неизменно интересовались его здоровьем.

Чело
на
пере

Дирижеры движения.

Старшина милиции Садык Касымов.

→ Это не часы пик.

С памятного утра 26 апреля постовые на улицах работали по 16—18 часов. В штабе дивизиона составлялись новые схемы движения городского транспорта, менялись маршруты, дежурные инспектора снимали с рейсов машины, направляя их на помощь пострадавшим. И в первом же сообщении ТАСС, как, впрочем, и в последующих, об их работе будет сказано просто и лаконично: «Городской транспорт работает нормально».

Городской транспорт работал нормально... Только свыше двух тысяч машин вывозили из центра города обломки разрушенных и снесенных домов, еще несколько десятков тысяч спешили к строительным площадкам, карьерам, бетонным заводам, к грузовым станциям, шли по точному графику троллейбусы, автобусы, трамваи, ходко пробегали такси.

Каждое утро на самом оживленном перекрестке города занимает свой пост старшина Садык Касымов.

В тот день, когда мы познакомились с ним, Садык-ака стал в двадцать первый раз дедушкой.

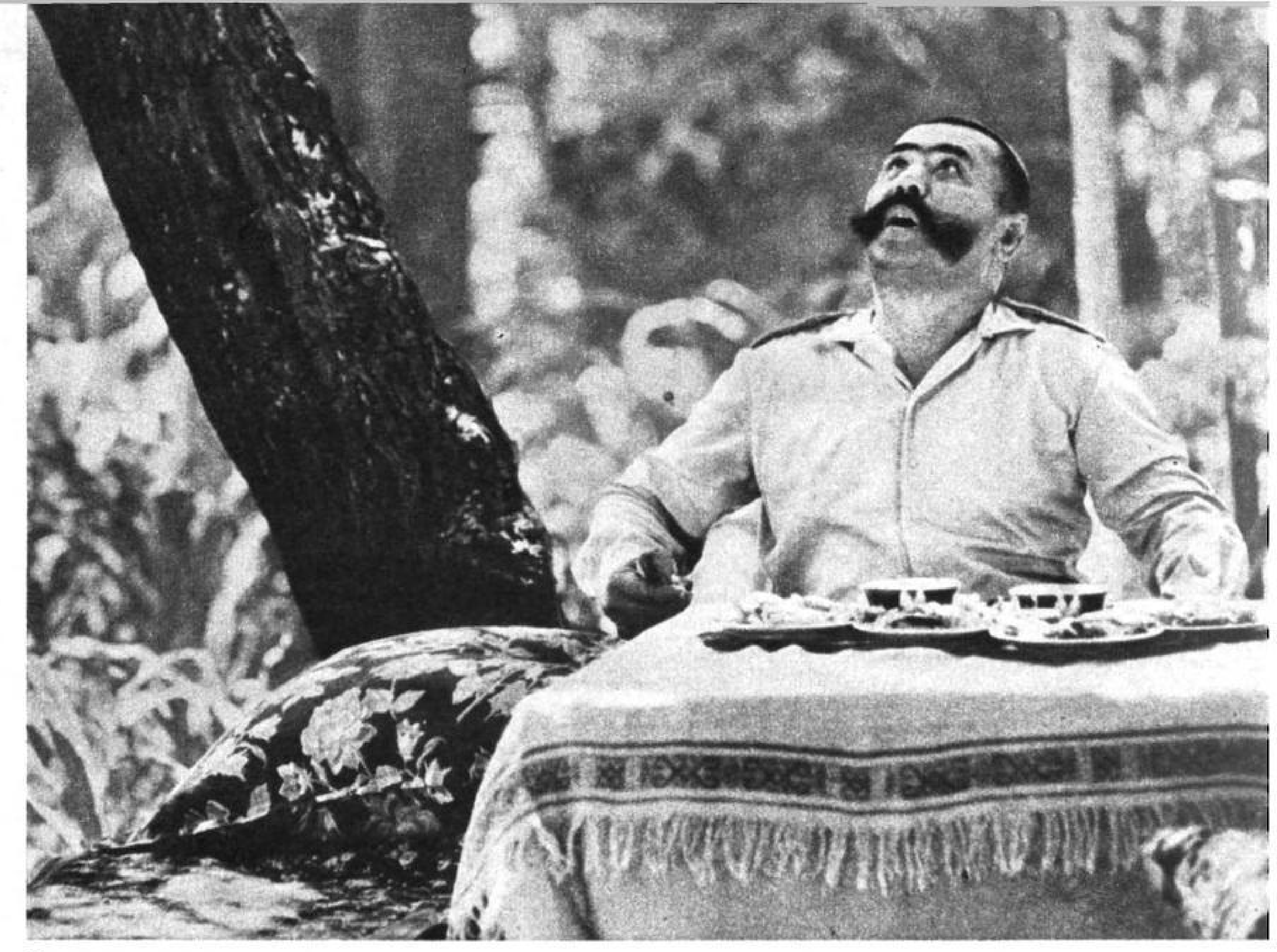
— Сегодня родился внук. Бахтиор. Бахтиор — по-русски счастье,— объяснил он нам.

Мы сидим со старшиной в тени деревьев. Через два часа ему снова на пост.

Садык-ака смотрит на верхушки деревьев.

— У меня свой сейсмограф. Смотрю на верхушку дерева. Трясет или не трясет? Трясет — сразу же бегу на пост. Где ни буду, все равно на пост бегу.

И снова мы на перекрестке. **Работает старшина милиции Садык Касымов.**

Трясет или не трясет...

век крестке

К 21-му внуку.

«Важной народнохозяйственной задачей новой пятилетки считать ускоренное развитие производительных сил в районах Сибири и Дальнего Востока».

Из Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы.

Камчатка

Юрий РЫТОВ. Фото Николая КОЗЛОВСКОГО, специальные корреспонденты «Огонька»

С ЧЕГО НАЧАТЬ!

Конечно, мы тщательно готовились к поездке. Читали книги, посвященные области, встречались с людьми, которым довелось здесь побывать. И все же первый день в Петропавловске-Камчатском мы чувствовали себя несколько растерянно. С чего начать? Куда поехать?

Выбрать маршрут нам помог первый секретарь Камчатского обкома партии Михаил Анатольевич Орлов.

— Наша область славится рыбой,— сказал он.— Особенно в последнее время. Если раньше мы ловили рыбу только у берегов и довольно робко, то теперь рыболовство стало важной отраслью индустрии. Сейчас у нас десяток больших морозильных траулеров, а в ближайшую пятилетку мы получим еще сорок два. Наши суда уходят далеко в море. Доля активного — морского и океанского — промысла возрастет в ближайшее время до 93—95 процентов. В этом году мы должны дать стране пять миллионов центнеров рыбы. Это примерно десятая часть улова в Советском Союзе.

— Значит, нам нужно обязательно побывать у рыбаков?

— Разумеется. Но рыбаков вы найдете везде: и на западе, и на востоке, и на севере, и на юге. Поезжайте на северо-восток, там сейчас идет лов сельди...

— Куда нам поехать после этого?

— Познакомьтесь с геологами. Мне кажется, что настанет время, когда Камчатка будет поставлять в другие районы страны золото и серу. А наши предприятия получают местный уголь. Уже точно установлено, что в недрах полуострова есть нефть, золото, ртуть, каменный уголь, титаномагнетитовые пески. А наши подземные воды? Горячая подземная вода даст дешевую электроэнергию, тепло в производственные и жилые здания, в теплицы и парники... В ближайшие месяцы начнется эксплуатация первой в Советском Союзе термальной электростанции на Паужетских горячих источниках.

Посмотрите нашу сельскохозяйственную базу. Еще совсем недавно все овощи мы завозили из центральных районов страны. А сейчас созданы собственные крупные хозяйства, которые дают картофель и овощи, мясо и молоко. Один пример: производство яиц за семилетку увеличилось более чем в двадцать раз!

Вам обязательно надо побывать у оленеводов и охотников. Все знают о наших командорских котиках. Но, кроме того, мы поставляем на мировой рынок шкурки соболя, песца, норки, выдры...

РЫБАК И МОРЕ...

Сегодня море сравнительно спокойно. Оно темно-зеленое, густое, с белой пеной на изломе волн. В воде неторопливо покачиваются облака. Сейнер тоже легко качает, и потому, если свеситься с его низенького борта и смотреть в воду, движение облаков покажется невыразимо причудливым и странным.

Машина молчит. Сейнер лежит в дрейфе. Так же, как и два десятка больших и малых рыболовецких судов, отчетливо различимых у горизонта. А всего чуть ли не сотня судов собралась сейчас здесь, в Олюторском заливе Берингова моря. Эта могучая армада пришла на лов сельди.

Обычно во второй половине августа нагул сельди заканчивается, и, объединившись в огромные косяки, она возвращается из открытого моря к берегам, к местам зимовки. В заливах, у поверхности воды, появляются протяженностью в несколько миль сплошные поля рыбы. Этот момент используют рыбаки. Сельдь упитанная, жирная. К тому же недалеко от берега. И лов ведут даже маленькие суденышки, не имеющие морозильных установок да и возможности уходить далеко в море.

Однако косяки не стоят на месте — они перемещаются, опускаются на дно и неожиданно снова поднимаются на поверхность, повинуясь каким-то своим, не изученным еще полностью людьми, рыбьим законам. Поэтому труд рыбака — прежде всего нудное, долгое, терпеливое ожидание.

Сейчас косяков не видно. Мы покачиваемся на волнах и ждем. Тонкие заржавленные тросы свернуты в круги. Из трюма остро пахнет рыбой. Матрос в голубом берете и желтой робе не теряет времени даром: удобно усевшись на кнехте, закинул в море удочку. Другой лежит прямо на палубе, покуривает трубку и читает толстую книгу «Дифференциальные уравнения». А на корме играет аккордеон. Матросы вспоминают берег, дом, который покинули три месяца назад.

Ты только жди рыбака,
Вернется издалека,—
Объятья ему раскроют
Камчатские берега...

Сквозь пелену облаков прорвалось солнце. Над водой летали чайки, пронзительно кричали. А над морем, над судами, над чайками кружила главная «чайка»— самолет рыбонаводки: чайка—это его позывные. Сверху толща воды хорошо просматривалась. Заметив косяк, наблюдатель сообщал о нем на ближайшее судно и выводил его на цель. Но пока «чайка» ничего не обнаружила. Не нашла рыбу и «рыба»— второй самолет наводки. Все в море было спокойно. И, наверное, потому особенно нервно, трепетно жил эфир.

— Рыба, рыба!— доносилось из рации.— Я чайка, чайка. Ответьте мне...

— Я рыба. Слушаю вас...

— Рыба, рыба, поднимитесь метров на двести. Я уйду ниже...

— Понял, чайка, понял...

— Чайка, я тридцать четвертый...— Это обращался к наводчику один из наших соседей.— Потерял вас из виду. Сообщите, где вы. Чайка, где вы?..

Тревогу капитана, потерявшего самолет-наводчик, легко было понять. Разумеется, ловить рыбу можно и без самолетов. На судах установлены эхолоты. Посылая на дно звуковые сигналы, они непременно обнаружат преграду—косяки рыбы. Кроме того, поздним вечером и ночью на мачтах иногда укрепляют факелы. При густом скоплении сельди море начинает светиться.

И все же самый простой, точнее, самый производительный и эффективный способ обнаружить мощное рыбное поле и разметить его границы — это самолет-наводчик. Но судов много, а самолетов всего два. Вот и следят ревниво капитаны и за самолетами и друг за другом. Чтобы не вверять полностью свою рыбацкую судьбу злодею-случаю, капитаны и летчики договорились: в наводке должна быть очередность. Скажем, если сегодня на косяк вышла тридцатьчетверка, то завтра преимущественное право пользоваться наводкой будет у сейнера под номером одиннадцать. Но, к сожалению, в этом соглашении не участвовала рыба. И, не признавая конвенции, появлялась где попало. Чаще всего очень далеко от того судна, которому полагались льготы. И, естественно, случай торжествует: летчик вызывает судно, ближайшее к косяку. А капитаны жалуются на несправедливость, ругают летчиков и стараются не упускать самолеты из виду, держаться к ним поближе. Эфир слушают все: матросы, механики, капитан. Репродукторы, подключенные к рации, установлены в капитанской рубке, в кубриках, машинном отделении, на палубе...

Мы с капитаном сейнера Мстиславом Матвеевичем Матвеевым сидим в его каюте, слушаем рацию, курим «Ароматные» и говорим о тяжелых рыбацких буднях.

Сейнер «Мария Цуканова» принадлежит колхозу имени Ленина. Это самая большая в нашей стране рыболовецкая артель. В прошлом году доход ее составил двенадцать с лишним миллионов рублей! В колхозном поселке современные пятиэтажные дома, своя ремонтная база и, конечно, собственный флот, состоящий из малых и средних судов. А в этом году для пополнения флота артель купила большой морозильный траулер. Десятая доля камчатского улова рыбы — 413 тысяч центнеров — принадлежала в 1965 году колхозу имени Ленина.

На борту сейнера «Мария Цукановa» рядом с названием нарисован большой комсомольский значок. Это — комсомольско-молодежное судно, экипаж которого — коллектив коммунистического труда. Капитан рассказывает, что годовой план они уже почти выполнили и хотят дать за сезон по меньшей мере полтора плана.

Сам капитан тоже еще очень молод. Сейчас, когда он по-домашнему уютно устроился на койке в спортивных брюках и тапочках, в расстегнутой на груди рубахе, даже не верится, что именно ему принадлежит полная власть на корабле, что каждое слово его команды обязательно для пятнадцати членов экипажа.

— Скажите, Слава, в чем главный секрет вашей профессии?

— Нашего ремесла?— улыбается капитан.— Секрет очень простой. Нужно, чтобы тебе везло.

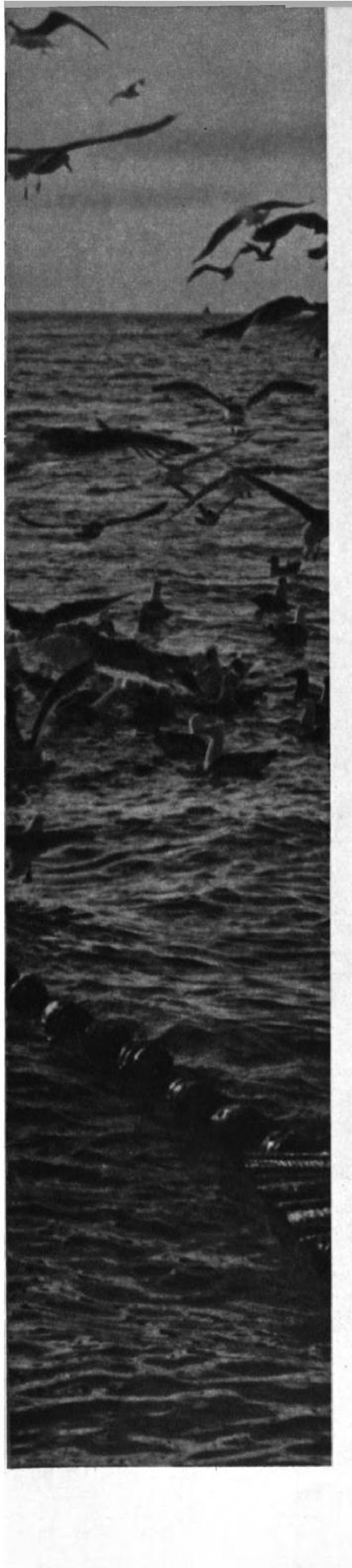
Василий Аймик — охотник и рыбак. Село Ачайваям.

Облака плывут, облака...

Никифор Терентьевич Чаповский был организатором первого на Камчатке рыболовецкого колхоза «Путь Ленина».

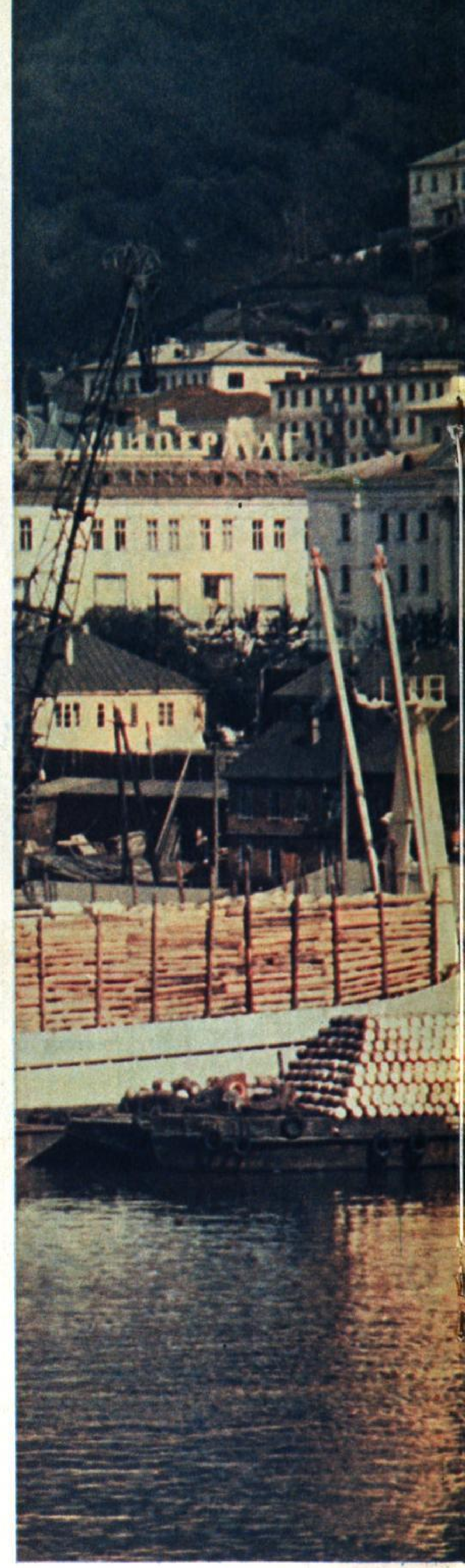

Лов сельди. Сброшен кошельковый невод.

Велик ли улов!

Юные камчадалы.

Петропавловск — столица Камчатки.

Вернулся из плавания.

Люда Тайнав учится в 5-м классе в селе Ачайваям.

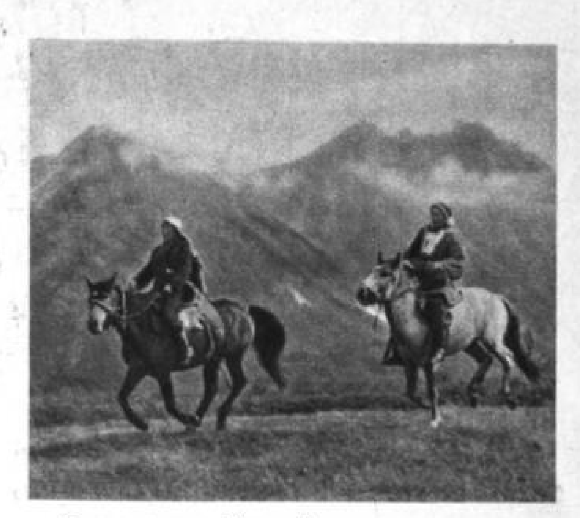
Вода, вода, кругом вода: Тихий океан...

река Ачайваям...

река Камчатка...

Оленеводы в бухте Наталия.

«ТУ-104» в Петропавловском аэропорту.

Пограничники.

Авачинская губа. «Три брата».

Рыбная ловля — это как карточная игра: одним везет, другим нет. Помните Хемингуэя: «Старик же постоянно думал о море, как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки,— что поделаешь, такова уж ее природа». Насчет везения я, конечно, шучу. Техника современной рыбодобычи такова, что решающая роль принадлежит ей. То есть нашим эхолотам плюс двум самолетам-наводчикам. Это понятно. И все-таки. Один сейнер дает два плана, а другой — только полтора. В чем дело? Думаю, что в нашем деле тоже должен быть талант. Опыт, интуиция и здравый смысл. Однако далеко не все зависит от нас. В каждом стаде сельди обычно одно-два урожайных поколения, одно-два-три среднеурожайных и несколько неурожайных.

— Что значит урожайных?

— Это значит, что определенное количество лет назад был обильный нерест, и в стаде много рыбы соответствующего возраста. Урожайные поколения обычно дают промыслу три — три с половиной миллиона центнеров, а неурожайные — всего сто — двести тысяч. Так что год на год не приходится. Но этот год, кажется, должен быть удачным...

Капитан рассказывает, что колхозные рыбаки не пользуются обязательными для этих районов льготами, коэффициентами и надбавками к окладам. Зарплата сдельная. За каждый центнер сельди, например, моряки получают восемь рублей. Неплохо: за последние двадцать дней рядовой матрос заработал шестьсот рублей. А средний заработок колхозника в прошлом году составил больше пяти тысяч...

Так мы беседовали и слушали рацию.

И вдруг капитан быстро вскочил.

— Двадцать восьмой, двадцать восьмой, двадцать восьмой!— гремело в рации.— Я чайка, я чайка. Вижу косяк! Полный вперед! Следите за мной!

— Быстро в рубку!— распорядился капитан. (Он уже успел переодеться.)— Есть рыба. Идем за двадцать восьмым.

По узкой отвесной лестнице карабкаемся в рубку. Отсюда хорошо просматривается палуба. Праздных людей на ней уже нет. Рацию слушали все.

Заработала машина. Сейнер завибрировал, задрал нос и двинулся вперед.

Качка усилилась. Мы все дальше уходили в море. Солнце теперь светило ярко, уверенно, волны раскачивали солнечные блики, а сама вода казалась прозрачнее, светлее, чище.

Капитан сам вел судно. Здесь же, в рубке, матрос следил за эхолотом. Прибор мелодично щелкал, бумажная лента неторопливо бежала вниз, самописец наносил на нее ровную вертикальную черту. И вдруг...

— Есть косяк!— воскликнул матрос: на бумажной ленте эхолота появилась жирная горизонтальная зарубка.

— Бросить вешку!— скомандовал в мегафон Матвеев.— Всем по местам! Приготовиться к замёту.

Сейнер продолжал быстро двигаться вперед. Рулевой встал к штурвалу. Матвеев и стармех судна Виктор Константинович Крашенинин следили за эхолотом. Нужно было точно засечь границы рыбного поля. И вот на ленте прибора возникла еще одна горизонтальная полоска. Сейнер прошел косяк.

— Спустить шлюпку!— приказал капитан.

Небольшая шлюпка, подвешенная над кормой сейнера, с двумя матросами, сидевшими в ней, с трехметровой высоты упала в море, взметнув фонтан воды. Один из матросов ловко заработал веслами. Второй держал конец кошелькового невода. Сейнер, описывая круг, быстро отходил от лодки. Невод разматывался, опускался в море, запирая рыбу в сетчатом кольце. Миновали первую вешку, идем дальше. Кольцо замкнулось. Теперь затягивается нижний трос. Сеть внизу сжимается — и рыба в кошельке. Она уже не может никуда уйти. Включается лебедка. Невод медленно вытягивается на палубу. Сотни чаек кружатся над морем неподалеку от судна, кричат, ждут, когда из воды появится рыба. Ждем этого и мы. Матросы столпились у борта. Хорош ли улов? На палубе, у самой лебедки, появилась рыбина, запутавшаяся в сети, за ней еще одна. А внизу, в воде, подтянутая к ее поверхности неводом-кошельком, колыхалась, переливаясь и вспыхивая на солнце, плотная серебристая масса сельди. Это зрелище приводит в восторг нас, новичков, однако моряки хмурятся. Улов хуже, чем они думали. Они хотели взять по крайней мере центнеров пятьсот, а здесь не более трехсот...

...РЫБАК И БЕРЕГ

Уже смеркалось, когда мы высадились на одном из причалов поселка Пахачи. Главный инженер Олюторского рыбокомбината Александр Павлович Старцев ведет нас посмотреть его хозяйство. Баночный цех. Технологический процесс здесь чрезвычайно простой. Прямо из трюма судна сельдь засасывается в трубопровод и подается на конвейер. Здесь закладывается в банки, взвешивается и, перемещаясь по конвейеру, засыпается солью и другими необходимыми компонентами. Затем банки запечатываются и отправляются в холодильник. После полуторамесячной выдержки при температуре минус два — минус пять градусов получим сельдь слабого посола.

Нехитрое производство, простая технология... Да, но даже простейшая технология требует оборудования, механизмов, помещений — всего того, что принято называть капитальными вложениями. Александр Павлович рассказал, что рыбообработка в поселке Пахачи возникла недавно, буквально за несколько лет. К жизни вызвали ее обильные косяки сельди, появляющиеся в последнее время в Олюторском заливе. Сейчас в Пахачах, кроме Олюторского комбината, разместилось два десятка рыбообрабатывающих баз других комбинатов и колхозов. И все-таки производственных мощностей не всегда хватает. То есть теоретически должно хватить. Однако на практике часто случается так, что у причалов одновременно швартуется несколько судов, груженных рыбой. Возникает очередь, рыба портится...

Кстати, нечеткая организация рыбообработки — болезнь всей Камчатки. Капитаны многих судов сетовали, что нет надежных контактов и взаимопонимания между морем и берегом. Об этом же чуть ли не в каждом номере пишет «Камчатская правда». Не могу не процитировать несколько строк из одного очень грустного письма, опубликованного в газете: «Сейчас сейнер «Зуйково» стоит в бухте Лаврова. На его борту 300 центнеров сельди. Команда решает необычную задачу: как лучше выбросить рыбу — своими силами или насосом. Пока ожидали рыбаки разгрузки, сельдь испортилась. Пропала ценная продукция, оказался напрасным нелегкий рыбацкий труд».

Как же можно помочь делу?

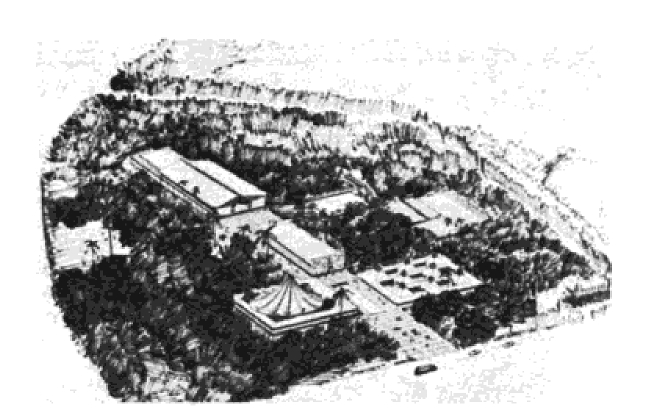
Интереснейшая идея возникла у наших знакомых с сейнера «Мария Цуканова». Они заключили товарищеский договор о сотрудничестве с комсомольско-молодежными бригадами рабочих базы Хайлюлинского комбината. Моряки обязались снабдить базу достаточным количеством рыбы. Рабочие — принимать ее без задержки. Так возникли прямые связи между берегом и морем.

Александр Павлович Старцев видит, применительно к условиям поселка Пахачи, еще одну возможность. Он считает, что все базы на берегу Олюторского залива нужно объединить в большой промышленный комплекс. Производственных мощностей от этого вроде бы и не прибавится, но маневрировать ими станет гораздо легче. Мысль эта, между прочим, не так уж нова. Она давно дебатируется в области. Но никак пока не реализуется. Все как будто бы «за». Против Камчатрыбпром. Это могучее ведомство имеет базы и на восточном и на западном побережье. На западе многие предприятия убыточны (там идет лов камбалы, наваги, лосося — рыбы, которая не дает такого большого дохода, как сельдь), а на востоке рентабельны. И потому, чем меньше баз на восточном побережье, тем больший процент нерентабельных предприятий в системе Камчатрыбпрома. (Хотя общий доход управления от этого и не изменится...) Очень простая и очень печальная арифметика...

И я снова вспоминаю море, сейнер, томительные часы ожидания, напряженные лица моряков, рассматривающих улов. Вспоминаю немудреную песенку на палубе. Конечно, эта песня должна стать, если можно так выразиться, программой действий не только для подруг моряков, но и для тех кто обрабатывает добытую рыбу. Они тоже должны ждать рыбаков, думать и заботиться о них. Должны быть всегда готовы к приему рыбы. Тогда и будет так, как мечтают моряки:

...Вернется издалека,
Объятья ему раскроют
Камчатские берега.

Окончание следует.

ЕРЕВАН — БРАЗЗАВИЛЬ

Из Москвы в Ереван — а точнее, от Комитета молодежных организаций в институт «Ереванпроект» — поступило предложение: создать проект дворца в Браззавиле для молодежи Конго. Предложение это заинтересовало ереванских архитекторов.

Прежде чем начать проектирование, нужно было познакомиться с архитектурой Конго, осмотреть участок, отведенный под строительство, узнать, каким хотели бы видеть свой дворец молодые конголезцы. Архитектор Арсен Меликян вылетел в Африку.

Возвратившись в Ереван, он рассказал о своих впечатлениях, о пожеланиях конголезцев. Архитекторы Спартак Кнтехцян, Сасун Григорян, Леонард Давтян и Арсен Меликян, инженеры Георг Балян и Константин Алтунян по вечерам, на общественных началах начали работать над проектом.

Сейчас он готов. Дворец молодежи состоит из четырех зданий, объединенных в единую архитектурную композицию. В центре — трехэтажное здание ЦК ЖМНР (Молодежь национального революционного движения). На торцовой части здания, выходящей на площадь, будет монументальная фреска, которая отобразит этапы борьбы Конго за независимость. Выполнят фреску ученики художественной школы «Пото-Пото» в Браззавиле.

Авторы попытались сочетать современные архитектурные формы с традиционными формами конголезского жилища. Зрелищный комплекс представляет собою огромное бунгало. Кстати, такое решение обеспечивает хорошую вентиляцию. Принцип трансформации помещений лежит в основе проекта клубного комплекса. Раздвижные стенки дают возможность всякий раз по-разному использовать большие залы с внутренними двориками.

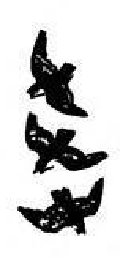
Проект предусматривает строительство гостиницы на 130 мест, столовой, бассейна, спортивных площадок для тенниса, волейбола, баскетбола.

Секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов, побывавший в Конго, передал конголезской молодежи проект дворца — подарок советских архитекторов.

Л. КАФАНОВА

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ВЕСНА!

Хоть громко распевает зяблик,
Хоть песни ввысь вознесены,
Весну знобит меж веток зяблых,
Ей лед уже прописан в каплях,
И все же нет ее, весны.

Недаром азбукою Морзе
Пророчит дятел недород.
Напрасно бедный зяблик-мерзлик
Бодрит свой маленький народ —
Кружит пурга невпроворот.

В снегах промчалась электричка...
Но что это за перекличка?
Трепещет свистик на весу.
Ах, это пеночка-весничка
В названье принесла весну.

РОЗЫ

Белые розы пахнут снегом,
У желтых роз лучевой аромат,
Махровые с черно-багровым мехом
Чуть-чуть табаком бесовским томят.

Но в розовой розе, в ее пыланье
Недаром таится вздох соловья:
Розовые —
твое дыханье,
Так пахнут только твои слова.

* * *

Когда я был молод,
Силен
И была у меня улыбка,
Завораживавшая женщин,
Я никогда не читал им
Своих стихов.
Я находил, что такое средство
Ниже достоинства моей музы.

Но сейчас,
Когда я очень устал
И улыбка моя
Может выразить только неудавшуюся жизнь,
Ради вас, дорогая,
Я иду и на это...

Мне стыдно,
Но я читаю
Старые свои баллады,
В которых осталось что-то
От виолончельного тембра,
Каким когда-то
Была полна моя грудь.

ОДА ВОДЕ

Люблю я воду. Ведь она живая!
Послушай, как грассирует ручей,
Когда весною, скорость развивая,
Он осуждает карканье грачей.

А как порой гремит вода из крана,
Тарелки разбивая в прах и пух!
Я слышу в ней военный стих корана
В ответ на бормотание стряпух.

Вода, вода...
Во-первых и в-последних,
Она твой друг, какую ни возьми!
Вода — великолепный собеседник,
Когда нельзя поговорить с людьми.

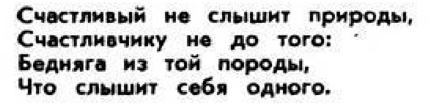
К ПОРТРЕТУ МОЕГО ВНУКА

На фоне буро-черных пятен,
Объятый мраками и мглами,
Сидит, причесан и опрятен,
Ребенок с грустными глазами.

В них глубина предчувствий вещих,
Тревожных и чего-то ждущих...
Сидит печальный человечек,
И зреют громы в бурых тучах.

Глядит он. Нет на нем вины.
Но здесь трагедия вне действа:
Я вижу — это смотрит детство
На сказку атомной войны.

* * *

Счастливый не слышит природы,
Счастливчику не до того:
Бедняга из той породы,
Что слышит себя одного.

Но тот, кто ушиблен жизнью,
Но тот, кто обижен судьбой,
Кто в битве кровью брызнул,
Кто жертвовал собой,

Тот, подымаясь над роком,
Оленя на всем ходу
Поздравит с четвертым отрогом,
Что вырос в этом году.

Ах, если бы кто из косных
Заметил, как, снег шевеля,
Купаются соболи в соснах,
Одетые в соболя!

Но нет! Он в величии глупом
И в обществе, как среди пней...
Чем больше природу мы любим,
Тем к человеку нежней.

А Я ДУМАЮ ТАК!

Материя в сумме своей конечна,
Материя времени не чета:
Она ограниченна, и, конечно,
Ее бы можно всю сосчитать.

Вода подымается к небу в тумане,
Но где-нибудь опадет всегда:
Над Волгой, в Киеве ли, за Таманью...
А это одна и та же вода.

Откуда же взяться другой? Ведь в сумме
Не сдвинешь материю ни на пядь.
Тихой росой или в блеске и шуме
Вода, испарившись, прольется опять.

Люди и рыбы, звери и птицы,
Подобно схеме вращения вод,
Умирают, чтоб возродиться,
Вечный свершая круговорот.

Жил Хафиз. Появился Байрон.
Или, быть может, Вийон, Поэ...
Один — бродяга, другой — барин,
А это один и тот же поэт.

ТРИЦЕРАТОПС

Сердце отдать временам на разрыв...
Маяковский.

В древнейшем мире, когда потоп
Еще и не снился эрам,
Жил на земле
трицератóпс,
Он был исполинским зверем.

Веками ревел в косматую тьму,
Но время его отлетело...
Чудовище вымерло. Почему?
Башка
перевесила тело.

К вулкану он брел, от мороза дрожа,
И в кратер нелепо сверзся...

А я оттого вымираю, друзья,
Что меня перевесило сердце.

А впрочем, дошел до вулкана — и баста!
Выпьем за жизнь и снова нальем!
С маленьким сердцем я был бы нулем,
Сердце — наше богатство.

ЮМОРЕСКА

Как часто среди горьких бед
Вдобавок нахлебаешься позора.
У человека
диабет,
А все кричат ему:
— Обжора!

СКАЗКУ СЪЕЛИ

В этих прудах нельзя утопиться.
Зато сквозь пенистый лепет
Здесь гордо плавал черный лебедь,
Австралийская птица.

Он так хорош был по краскам:
Сам дымчат, а клюв — ал.
В таком сочетании черного с красным
Стиль Рембрандт создавал.

Лебедя звали Борькой.
Он был совсем ручной.
Дети к нему приходили с коркой,
Пенсионеры — с травкой речной.

Но вдруг врываются два трепача,
Хватают птицу на ощупь,
И бедный лебедь, крылами треща,
Попадает, как кур в ощип.

И пир начинается — жжуть!
Послав благородство к черту,
Два палача лебедятину жрут,
Как Иоанн Четвертый.

Зачем вы сделали это?
Сказку развеяли в прах?
Ведь этот лебедь на мелких прудах
Из каждого делал поэта.

И девка, одетая в бантики,
Ответила, с тона сойдя:
— Нам очень хотелось романтики,
Товарищ народный судья.

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

БЕССМЕРТИЕ ПЕРВЫХ

Это было в день начала работы Второго конгресса Коминтерна. «Когда члены Исполкома заняли свои места в президиуме, на сцену вышел и товарищ Ленин. Он обвел взглядом огромный зал собрания, потом почему-то вдруг сошел в партер и направился вверх по проходу амфитеатра. Все оборачивались и не сводили с него глаз. Где-то в задних рядах сидел старый друг Ленина, ослепший питерский рабочий-революционер Шелгунов. Это один из самых старых друзей Владимира Ильича, оставшихся в живых... Когда Ленин подходил к его креслу, ослепшего большевика предупредили об этом. Шелгунов встал, сделал два шага навстречу Владимиру Ильичу, и два борца крепко расцеловались. Вот и все. Мне кажется, они не сказали друг другу ни слова. И все же встреча была прекрасна своей человечностью. Потом Ленин вернулся на сцену, и вскоре заседание началось...»

Слова Ивана Ольбрахта приводятся в эпилоге документальной повести Лидии Фоменко «Один из семи». Встреча, так впечатлившая чехословацкого писателя,— яркое проявление любви В. И. Ленина к одному из старейших представителей большевистской гвардии, признания партией революционных заслуг замечательного борца за народное дело — Василия Андреевича Шелгунова.

Как подвиг раскрывает жизнь Василия Шелгунова Лидия Фоменко в своей повести. Рабочий Обуховского завода Шелгунов стал одним из славных партийных деятелей — соратников Ленина.

Его биография революционера неразрывно связана с крупными историческими событиями. Вот почему писательница вводит в повесть широкий исторический материал. Организация марксистских кружков, борьба за единую, могучую партию, выступления и статьи В. И. Ленина, выход «Искры», «Звезды», «Правды», революция 1905 года, наконец, победоносный Октябрь, первые шаги молодой Советской власти... Все эти события насыщают повесть, помогая раскрыть героизм жизни не только Шелгунова, но и многих соратников Ленина. «Значителен и прост»,— пишет о своем герое Л. Фоменко.

Человек могучего духа, неукротимой энергии, он лишился зрения. Но и слепым он продолжал оставаться в рядах борцов. И уже в первые послереволюционные годы он едет на Кубань бороться за хлеб для голодающих рабочих. С редким мужеством преодолевает слепоту этот замечательный борец, всею жизнью оправдывая свои же слова: «Что же такое за существо этот старый большевик? Так вот, я вам скажу: это прежде всего такой человек, которого ничто не испугает».

Повесть «Один из семи» Л. Фоменко утверждает немеркнущую славу тех, кто беззаветно боролся за революцию. Их подвиги живут, им суждено бессмертие.

С. МАРТЫНОВА

Л. Фоменко. Один из семи. Журнал «Звезда», №№ 4—5 за 1966 год.

НЕЗАЕМНЫЙ ГОЛОС

Это не просто собранные под одной обложкой стихи, а цельная книга, согретая единым дыханием, которую поэт, так рано ушедший от нас, писал всю свою недолгую жизнь.

Сын и внук шахтера, подружившийся с горняцкой профессией, Н. Анциферов и в творчестве чуждался легких путей. Он разрабатывал самый крепкий и неподатливый пласт в поэзии — тему труда,— находя красоту в будничном и обыденном, высветляя ее сильным прожектором своего дарования.

За материалом молодому поэту не надо было ездить в творческую командировку: он прочно осел в его сердце за многие годы работы в шахте. Поэтому и лучшие строки приходили не за письменным столом:

Я писать не смогу
В непривычных условиях,
Если все под рукой
И нужды никакой.

Непременно застряну
На первом же слове я,
Сдавят горло петлей
Тишина и покой.

Писал он неторопливо, годами аккумулируя в душе и сознании сокровенные образы, детали, штрихи, пуще всего боясь декларативности. Но зато найденное им единственно точное слово предсказывало долгий век стихам. Отдельные его поэтические находки, меткие афористические словосочетания вошли в разговорную речь шахтеров: «Я работаю, как вельможа, я работаю только лежа», «До сих пор никакому рублю поклоняться я не люблю», «Книга жалоб в шахте не нужна. Не нужна, как евнуху жена».

Н. Анциферов обладал удивительной способностью передавать настроение человека труда в любых обстоятельствах, в любом проявлении его. Муза поэта одухотворена пониманием высокого назначения и устремления рабочего, его благородства, неизмеримого нравственного богатства. За внешней неброскостью видится не только мужественное, но и героическое начало. Через созданный поэтом лирический характер, как через увеличительное стекло, просматривается огромный и щедрый духовный мир современника, лучше распознаются его черты.

Виктор ЯКОВЕНКО

Николай Анциферов. Избранное. Издательство «Донбасс». 1966.

Путешествие по Африке

Бурлящая, пробуждающаяся, устремленная к солнцу Африка — такой мы узнали ее после второй мировой войны. Судьбы «Черного континента» в поле нашего зрения. Нас волнуют судьбы африканцев, нас влечет природа, непроходимые джунгли, потухший гигант Килиманджаро, озеро Виктория, Нил, истоки которого столько столетий были скрыты в африканских глубинах.

Все это вызывает у нас незатихающий интерес, мы с жадностью ловим каждое слово об Африке. Книги о ней не залеживаются на прилавках книжных магазинов и, едва появившись, становятся библиографической редкостью.

В книге Веры Шапошниковой «Большое сафари» Африка предстает перед нами во всей ее красочной палитре, в богатстве ее фантастической природы, в столкновении добра и зла, в сложности человеческих судеб и проблем.

Читатель как бы сам приобщается к тому, что видит автор, думает вместе с ним, любит природу, людей, любит Африку сердцем, эмоциями, старается узнать больше. В этом достоинство книги, богато иллюстрированной фотографиями автора.

Индийский океан, великие разломы земной коры с озерами, где обитают розовые фламинго, заповедники, гора Кения, встречи с борцами за освобождение своей страны — таково содержание книги.

Автор сообщает много неизвестных фактов, легенд, преданий о борьбе африканцев против незваных пришельцев. Симпатии автора на стороне борющихся народов. Одна из главных проблем — народное образование: перед детьми и молодежью «Черного континента» впервые так широко распахнулись двери школ, и с какой жадностью тянутся они к учению. Растет национальная интеллигенция Африки. С трудностями, в борьбе рождается новая жизнь. Все это новое, чем живет сегодня Кения и Уганда, как бы воплощено в скульптуре Грегори Малоба, установленной в Кампале — столице Уганды.

«Я смотрела, как лучи скользят по стоящей на холме скульптуре — тонкой высокой женщине с запеленатыми ногами. В руках ее, еще не полностью освобожденных от пут,— ребенок, такой же тонкий, устремленный к небу. Ребенок свободен. Он протягивает руки к солнцу».

Читатель увидит в книге одну из страниц жизни огромного, омываемого двумя океанами, лежащего в двух полушариях континента.

А. БАЖАНОВА

Вера Шапошникова. Большое сафари. Издательство «Молодая гвардия». 1966.

Лия ШЕЙНКМАН,
кандидат медицинских наук,
участковый врач

РУБЦЫ СЕРД

У астрономов бывают годы спокойного Солнца. У врачей — только беспокойные.

...Телефонный звонок. Чужой голос: «Маме очень плохо. Нет ли у вас изоланида? Говорят, он делает чудеса». Я знакома с Аней, дочерью больной.

— Изоланида нет. А что с мамой?

— Боюсь, инфаркт. Не заедете ли вы к нам вечером?

— Вечером?

Собственно, вечера уже не было. Оставался час между концом приема больных и сном. Вежливо отказать и повесить трубку?

В восемь пятнадцать я была в одном из арбатских переулков. Желтый, облупившийся дом с мезонином, три подслеповатых окошка... Я знаю дома, в которых выросли и живут целые рабочие династии. Например, в доме № 13 по Б. Калитниковской — Субботины. Я лечила дедов, родителей, теперь лечу Субботиных-младших.

* * *

Наша с Аней (да, теперь и моя) мама живет на первом этаже. Ей очень плохо... Тридцать седьмой день я приезжаю сюда. Держу ее руку в золотых веснушках, так похожую на руку моей матери. Идет борьба за ее жизнь. Мой товарищ, майор, определил бы это так: атака противника, отход на последние рубежи. На языке медиков это звучит иначе: состояние тяжелое... Без перемен.

Вариант первый: у больного приступ сердечной болезни. Вы выслушиваете сердце, вспоминая все, чему учили вас в институте. Мысленно листаете фармацевтический справочник. Выписываете многоэтажный рецепт. Кто-то бежит в аптеку. Булькает спасительная микстура. Больному легче. Он улыбается. И все как в рассказе О. Генри — счастливый конец.

Вариант второй: лекарство не помогло. Больную увозит «неотложка». И где-то там, в больнице, не на вашем участке, возможно, случится тяжелый исход.

У нашей мамы — пароксизмальная тахикардия. Пульс — сто, сто двадцать ударов в минуту. К этому невозможно привыкнуть. И хотя за тридцать пять лет врачебной работы сердце под моей рукой десятки раз выходило из подчинения, у меня всегда одно и то же ощущение: экспресс. Слепой черный туннель. Где-то далеко-далеко крохотное золотое пятнышко света. Удастся ли поймать его, зажать в ладони? Вместе с бешено бьющимся сердцем больного и мое сердце набирает скорость. Но я должна пересилить себя, стать еще собранней.

На страницах книг и газет мы часто читаем репортажи о чудесных операциях на сердце. О зорких глазах хирурга. О его руках.

С детства я знаю и люблю эти руки, ибо это и руки моего отца-хирурга. Это руки, спасающие людей в последние минуты жизни. И все же участковому врачу труднее. Он, один на один, первым вступает в борьбу за жизнь человека. От его опыта, от быстроты ориентировки, от таланта зависит спасение больного. Сердце врача, оно все в памятных рубцах. Они как старые, боевые шрамы.

Я знаю рубцы на моем сердце. Вот этот — отметина после бабушки Вари. Тысяча девятьсот сорок второй год. Двустороннее крупозное воспаление легких. Сердечно-сосудистая недостаточность II степени. Лекарств не хватает. Мы с медсестрой Марией Васильевной Яичкиной не можем создать больной душевного покоя, который ей необходим. Против нас полтонная фугаска, разорвавшаяся на соседней улице, скудный военный паек, и «нет письма с фронта». Шесть сыновей бабушки Вари воюют. От младшего, Пети, давно нет весточки. Больная волнуется. Ее температурная кривая похожа на горную цепь. Вверх — вниз. От имени гвардии сержанта Петра Алексеева я сама пишу ей письма на листках, вырванных из тетради, читаю их бабушке Варе вслух. Мы уже почти не верили, что она поправится. Но бабушка Варя поправилась. Снова стирала белье, помогала соседям. За ее стол всегда садилась орава соседских ребятишек. И если бы в медицине встречался такой термин, я бы записала о ее сердце: «Сердечное».

Бабушка Варя здравствует в новой квартире в Кузьминках, воспитывает своих и чужих внуков. А на моем сердце рубец остался.

А этот? Помню... После перенесенного инфаркта Арина Трофимовна быстро поправилась. Я часто приходила к ней выслушать ее сердце, ее заботы. Но она больше жаловалась на внучку: озорная.

Когда я проходила мимо ее дома в Б. Калитниковском проезде, Арина Трофимовна, поливая цветы, издали улыбалась мне.

До сих пор помню ее сад. Совсем маленький. Береза, ромашки и лиловые гладиолусы... Несмотря на свои семьдесят лет, Арина Трофимовна варила обед, делала постирушки, развешивала белье на тугие веревки. И однажды...

Сколько было этих «однажды» в моей жизни!.. Обыкновенный вызов, который диспетчер поликлиники Тамара Гавриловна Богданова вынула из почтового ящика. На смятой бумажке адрес, имя, фамилия... «Опять что-нибудь с внучкой»,— подумала я.

Чудесный августовский день. В саду Арины Трофимовны так же качали головками пышные лиловые цветы. Брошенная лейка лежала рядом. Я постучалась. Никто не ответил. Я распахнула дверь. Арина Трофимовна сидела в подушках. Ноги в больших, тяжелых валенках свисали с кровати. Глаза выцветшие, напряженно уставились на дверь. Сколько времени просидела она так, дожидаясь меня, сберегая дыхание, надеясь на помощь, облегчение!.. Только один короткий, пронизывающий душу миг — миг разрушения и несчастья. Мы смотрели друг другу в глаза... Зажглась и погасла последняя искорка жизни. Арина Трофимовна судорожно глотнула воздух, ее веки дрогнули. По лицу прошла тень. Незримая нить, соединявшая нас, оборвалась.

Я не закричала. Перехватило дыхание. Только автоматически колола и колола безжизненно-белую руку, набухшую от щелока стирок и мытья полов.

А что было потом? Впричет голосили дочери. И только внучка Оленька белее бумаги не отрываясь смотрела на бабушку, отдавшую ей свою последнюю любовь...

* * *

Неужели и здесь, в Арбатском переулке, меня ждет горечь утраты? Крыльцо. Всего десять ступенек. В окне кухни мелькают лица соседок. Они уже привыкли к моим ранним визитам. Наверное, сейчас говорят обо мне. Верят, что я вытяну Марию Романовну, с которой они дружат сорок лет.

Форма — это не обязательно белый халат. Это лицо врача — приветливое, почти веселое. Это его слова — ободряющие, весомые. И его уверенная, твердая походка. Поглядеть со стороны — шагает по земле человек, не знающий забот.

А он, этот человек, бесконечно долгой ночью ворочается с боку на бок, прокручивая пленку воспоминаний. Облегчение не приходит. Уткнется в подушку — поскрипит зубами. Но все это про себя, дома. Перед больными он всегда весел. В трудную минуту каждое его слово — надежда. Это не игра, нет. Это — лекарство.

Сегодня ко мне обратилась девочка. Бледная, худенькая. У нее ревмокардит и миндалины не в порядке. Завтра с утра зайду к ней. Назначу лечение, приголублю. А в доме № 3 по Нижегородской ждет меня тяжелобольной парнишка. И еще много других пациентов.

...Небольшой, захламленный коридорчик ведет в комнату больной. За месяц я наизусть, до последней мелочи, изучила ее.

В трехстворчатое итальянское окно стучится ветка ольхи. Старый письменный стол — как сестринский пост в больнице: на белоснежной простыне коробочки с лекарствами. Стерилизатор. Шприцы. Слева, на стареньком диване, «наша» мама. Светлый взгляд, измученная улыбка. Седые волосы, заплетенные в косички, завязаны марлевой лентой. Голубая фланелевая кофточка... Несмотря на свое тяжелое состояние, Мария Романовна полна живых забот. Здоровы ли Анины ребята? Уже несколько дней, как за ними приглядывает соседка. Заботы, заботы. Большие и поменьше...

— Опять я вас мучаю, дорогая,— поворачивает ко мне бледное лицо Мария Романовна.

Выслушиваю ее сердце, легкие. Осматриваю горло, тело. Плохо.

Почти автоматически, как это бывает у врачей, мозг молниеносно начинает искать правильное решение. В нем одна за другой вспыхивают и гаснут красные сигнальные лампочки симптомов, предположений, диагнозов... Инфаркт? Пока нет. Но он может возникнуть в следующую минуту. Тяжелое нарушение коронарного кровообращения. Мерцание предсердий. Пульс — ритм галопа, и сразу — выпадение. Восемьдесят пять лет

ПЕСНЯ К ПОБЕДЕ ВЕДЕТ

В первые дни Всесоюзного конкурса на лучшее исполнение советской песни состоялось 70 премьер — 70 новых песен начали свой путь к слушателям. Восемь были признаны лучшими. Одна самой лучшей — песня, созданная в Белоруссии авторами, имена которых до той поры не были известны даже членам жюри. Называется она «Память сердца». Создатели ее — молодой композитор Игорь Лученок и участник Отечественной войны, инженер Михаил Ясень. Когда началась война, Игорю было два года, но память сердца хранит и горе утрат, и тяжелые картины возвращения на пепелище, и захватывающие рассказы близких о сражениях, и песни — песни его детства — песни о войне. Мог ли он мечтать, что его песня хоть на день встанет рядом с этими замечательными мелодиями?

Условия конкурса обязывали участников исполнить одну песню времен гражданской войны, одну — довоенную, одну — о Великой Отечественной...

Таким образом, конкурс этот превратился в смотр советских песен, созданных за 49 лет.

Право считаться лучшей песней великого полувека отстаивали мелодии Дунаевского, Александрова, братьев Покрасс, Листова, Новикова, Блантера, Белого, Книппера, Соловьева-Седого, Шостаковича, Хренникова, Мокроусова... К счастью для жюри, среди этих песен им не надо было распределять места и премии — это уже сделал народ, десятки лет не расставаясь с любимыми мелодиями. А сейчас молодые певцы, для которых Великая Отечественная война так же, как и гражданская,— история, поют их на конкурсе. Исполнение этих песен определило направленность конкурса, репертуар певцов, выбор современной песни. Ну разве можно после «Орленка», «Встречного», «Полюшка», «Землянки», «Песни о Родине» петь пошлую, вульгарную или примитивную мелодию? А ведь таких немало еще сегодня на эстраде.

работало это сердце. Ни один врач в мире не выдаст ему гарантию даже на сутки.

Участковый врач нашел состояние больной безнадежным. Нарушены все нервные регуляции сердца. Наверное, блокада Гисова пучка. Испробовано все. Даже волшебный строфантин.

Ночь была жестокой: четыре приступа сердцебиения. Мария Романовна, измученная уколами, едва дышит. Но ведь есть что-то еще, кроме лекарств?

Наверное, во внутренних резервах организма и в первую очередь в психике больной, в ее воле. Но как встряхнуть ее? Как снова заставить ее думать о дочерях, о том, как она им необходима? Наклоняюсь и целую узкое запястье.

Что-то мягкое, лучистое вспыхивает в ее взгляде.

Врач и больной... Какие сложные взаимоотношения между ними! Они основаны на доверии и искренности. К счастью, редко бывает так, что больной оказывается противником врача. Чаще всего он его союзник. И сегодня Мария Романовна — мой союзник. А как будет завтра?

Каждую минуту новая опасность: инфаркт... пневмония... Пневмонии я боюсь больше всего. Нам ее не перенести. Сердце, как тряпочка. И легкие такие же старенькие... А как поведут себя почки? И отсюда жди удара... Сосуды их, наверное, в достаточной степени изменены. Смогут ли они профильтровать все лекарства, вывести их из организма?

...Семьдесят часов с начала болезни...

Приезжал мой учитель, доктор медицинских наук, академик Арам Григорьевич Гукасян. Больную консультировала наш большой друг доктор Мария Григорьевна Машбиц. Электрокардиограммы... Анализы крови. Один за другим сменялся приступ мерцательной аритмии. К концу третьих суток Мария Романовна совсем ослабела. Было ясно: она смертельно устала. Не хочет и не может больше бороться, ищет только покоя, из которого нет возврата. И, как бы угадывая мои мысли, больная одними губами просит: «Отпустите меня. Я не могу больше...» Ее глаза смотрят куда-то мимо меня. Безразличие — исконный враг жизни — заполнило ее душу. Больная утомленно закрывает глаза. Силы на исходе. Мы обе молчим, думая об одном и том же: о жизни и смерти.

...Как это жестоко — умирать даже в восемьдесят пять лет! Ее мозга, ее души словно и не коснулось время. Только очень износилось сердце. Труд, горе, радости, заботы — всего было вдоволь в ее жизни. И каждый раз после болезни, словно стараясь исправить свою вину, сердце стремилось работать с удвоенной силой.

Нередко нам, врачам, приходится слышать: «Что это вы, доктор, возитесь со стариками? Читаете им лекции, вызываете на профилактические приемы? Они свое прожили. Надо лечить нас, молодых».

Помню, как меня вызвали к больной, родоначальнице большой семьи. Две комнаты пришлось разделить на четыре маленьких. По мере прибавления семейства жилплощадь делили еще и еще. Не тронули только угол с большим окном, возле которого лежала старушка.

— Чужую жизнь заживает...— ворчала невестка, сердито вытирая мокрой тряпкой пол.— Ишь, сколько места заняла! Пойду к депутату, пусть определит ее в инвалидный дом.

Должно быть, вид у меня был грозный, потому что женщина, глянув, попятилась к двери.

...Снова осматриваю Марию Романовну. Ватная тишина в комнате. Сейчас здесь идет примирение со смертью, прощание с жизнью. Выздоровление — почти чудо. А чудеса случаются так редко.

Ходят на цыпочках измученные дочери. Почти шепотом тикают часы. Луч заката свернулся калачиком на никелированной коробочке шприца. За моей спиной — дочери Аня и Оля. Я вижу, чувствую их глаза. Мне не скрыть, как мала надежда.

После двенадцати вызовов на дому и четырехчасового приема гудят ноги. Нет, это стучит кровь в висках. Гипертония.

Мы, медики, любим тишину. По больничным коридорам медсестры ходят на цыпочках. Ковровые дорожки заглушают шаги. «Внимание! Тихий час»,— шепчет табличка на дверях палаты. Мы говорим вполголоса, чтобы не помешать, не разбудить больного. Но есть другая тишина, которая душит, давит, лишает сил. От нее веет холодом. И теперь она уже не союзник — враг.

И вдруг я поняла, поняла не накопленными знаниями и опытом, а силой интуиции, которая иногда подсказывает нам пути: надо разорвать эту пелену сейчас, сию минуту. Впустить жизнь, солнце...

Но как? Решение еще не ощупано умом, памятью. Оно кажется диким. Может быть, это последний шанс. Риск? Большой риск... И все-таки...

— Мама, хотите, я спою вам песню про старого солдата?

Испуг на лицах окружающих. Недоумение.

Я поднимаю лакированную крышку старого «Рейниша». От времени у него пожелтели клавиши. «До» и «соль»— как выщербленные зубы. Сажусь на круглую, верткую табуретку. Так в детстве я усаживалась, чтобы сыграть маме «Осеннюю песню» Мендельсона. Уже год, как я не играла. Может быть, и петь не смогу. Только бы не подвел голос. Нет, зазвучал. Дошел до нее.

...Это было прошлой зимой. Я отдыхала после трудного дня. Не помню названия телеспектакля. Начала слушать только тогда, когда с экрана полилась песня о старом солдате.

Думала об одном: запомнить мелодию. Слова напишу сама.

И вот сейчас, теперь, песня взята на вооружение. Пою... Только чуть дрожат руки.

Обернуться нельзя. Страшно. Только краешком глаза вижу, как седая медсестра Александра Николаевна, протиравшая крышку стерилизатора, уронила полотенце на пол.

Старый солдат четверть века не видел любимую, и вот он встретился с ней.

На крыльце стоит молодая
жена —
Ни морщиночки, ни слезиночки,
Словно двадцать лет, хороша,
бела
И стройна она, как тростиночка.

Нет, это не его жена. Это дочь, сиротинушка.

Теперь я уже не слышу своего голоса. Только звон в ушах, как на вершине горы. Да сухость в горле. В дверях соседи.

Лицо Марии Романовны чуть порозовело. Отступило выражение обреченности. Дыхание стало ровнее. Неужели? Боюсь верить!

...Тревоги, надежды. В нижней доле правого легкого вспыхнула пневмония. Но сердце держалось... Так это было...

Сегодня у нас праздник, маму впервые сажают в кресло. Как терпеливо дожидалась она этой минуты! Как мечтала: «Сяду... Потом пойду... Приготовлю обед...»

Это было настоящее семейное торжество. Нельзя забыть ее счастливых глаз. Радость длилась долгих двадцать минут! Двадцать минут после полутора месяцев страданий. В половине третьего ночи меня разбудил телефонный звонок: маме плохо. Мерцательная аритмия... Неужели конец? Теперь? После тех двадцати счастливых минут?

И все же усилия медиков и самоотверженность ее дочерей помогли: наша мама поправляется. Медленно, как это бывает в старости. Вчера в телефонной трубке впервые я услышала ее голос. А на моем сердце еще один рубец.

Советская песенная классика, собственно, определила и лауреатов.

Ими смогли стать только взыскательные артисты, серьезные, думающие, глубокие, с хорошим вкусом, те, что не стремятся к дешевому успеху и не ищут в искусстве дорог, проторенней и легче.

Петь Виктор Вуячич начал служа на флоте. Хороший голос матроса привлек внимание, и вскоре Виктор стал солистом ансамбля Балтийского флота. С ансамблем побывал он в Югославии, Польше, ГДР, Англии, Дании, Голландии, ОАР, успешно выступая там в лучших концертных залах.

Казалось бы, что еще нужно парню? Ведь всего несколько лет тому назад на Алтае, когда работал он токарем на тракторном заводе, любые клубные подмостки были для него пределом мечты, а тут!.. Но когда срок службы окончился, Виктор демобилизовался и сел за парту — поступил в Минское музыкальное училище.

Сейчас он опять солист военного ансамбля — Ансамбля Белорусского военного округа. Что же, вернулся к тому, от чего ушел? Да, вернулся. Только вернулся уже не только певцом, а артистом с ясными, точными целями в искусстве.

Заканчивался последний день II тура, участникам только что сообщили имена счастливцев, допущенных на III тур, где предстояла борьба за первенство уже среди лауреатов. Не успели еще утихнуть дискуссии и остыть жар эмоций, как откуда-то из глубины театра зазвучала музыка и голос, сильный, мужской голос стал петь о чем-то большом и важном. Слов нельзя было разобрать — певец был далеко, но пел он, бесспорно, о вещах очень значительных. Такой уж характер голоса и дарования Виктора Вуячича, что какие бы песни он ни пел, песнь любви или песни гнева, призывы к миру или мечты о счастье с любимой,— это всегда мужественный разговор сильного человека.

О своем пристрастии к серьезной песне, той, что несет большую человечность, мне говорил другой лауреат — Владимир Макаров.

— Мне хочется, чтобы моя песня осталась в слушателе, разбередила его, заставила задуматься, звала на подвиг...

На конкурсе Владимир Макаров исполнил «Смело, товарищи, в ногу...». Трудно найти человека у нас в стране, который не знал бы этой песни наизусть, тем не менее, когда ее пел Макаров, даже жюри было изумлено — так свежо она звучала.

Газеты сообщили имена победителей, среди них есть давно уже признанные исполнители, такие, как Кобзон, квартет «Советская песня», ансамбль «Лайне», и ряд других, нам же хочется сказать несколько слов еще о двух открытиях.

Они очень разные: Нинель Богуславская и Венера Майсурадзе. И тем не менее этих певиц объединяет и выгодно отличает чистота, целомудрие, благородство, которые несут со сцены обе воспитанницы самодеятельности.

В творчестве Нинель Богуславской привлекает радостное приятие мира, во всем его многообразии. Страшные воспоминания о детстве на дорогах войны, словно призывают ее воспевать жизнь. Майсурадзе много поет и о том, какой ценой досталось сегодняшнее счастье, о тех, кто не вернулся...

Это песни-монологи: певица воплощается в их героинь, чтобы поведать нам о большой печали или большой любви, о богатом мире их мыслей и чувств. Чувства должны быть большими, сильными, глубокими. «Разве может человек на кургане солгать?» Эту любимую свою песню, эту фразу певица поет с такой искренностью, проникновенностью, значительностью, что понимаешь — в ней ключ к ее творчеству.

Конкурс окончился. Впереди у молодых артистов широкий путь. И очень важно, чтобы на этом пути они всегда оставались верными большому искусству.

И. ВЕРШИНИНА

Венера Майсурадзе (Грузия). 1-я премия.

Фото Л. Шерстенникова.

Виктор Вуячич (Белоруссия). 1-я премия.

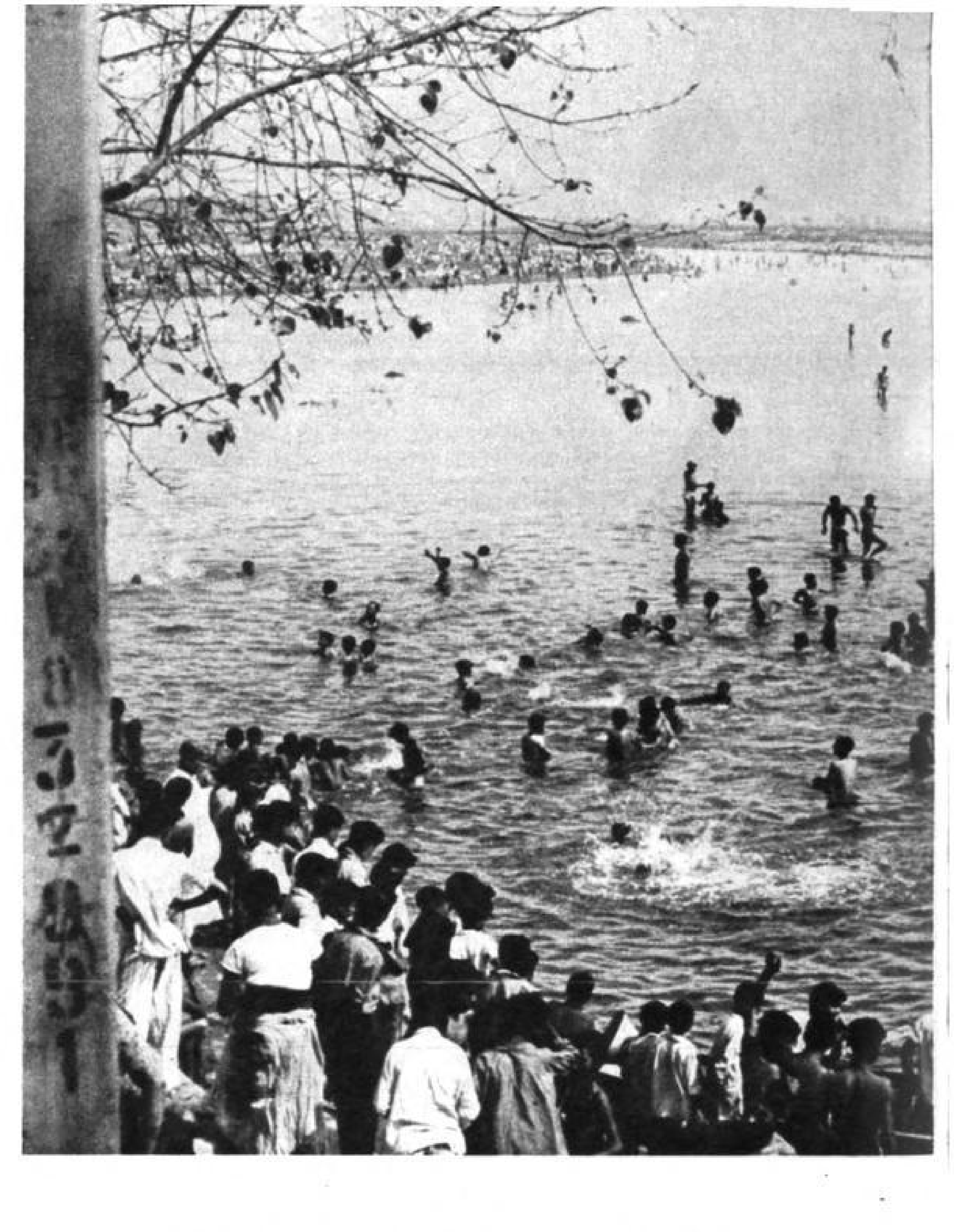

Школа йогов и РК-студия

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

ОРАНЖЕВЫЕ ХИТОНЫ

Есть на севере Индии городок Ришикеш. Расположен он на берегу Ганга, неподалеку от того места, где река вырывается из Гималаев.

Ганг — священная река. С ней связаны религиозные верования, корни которых уходят в глубь тысячелетий. Ришикеш считается одним из самых священных мест на Ганге. Ришикеш — место паломничества миллионов. Они стекаются в городок со всей необъятной страны не только во время религиозных праздников. Они бредут сюда ежедневно, год за годом, век за веком.

Одна из главных целей паломничества — омыть грешное тело в водах реки. Эта несложная процедура считается необходимой и даже целительной в любом месте великой реки, но здесь, в Ришикеше, омовение имеет особую ценность. Здесь паломники совершают это священнодействие, двигаясь вокруг искусственной круглой каменной насыпи, омываемой водами Ганга. Ее диаметр метров тридцать — сорок. Это на глазок. Измерить наверняка нельзя: европейцев туда не пускают, любуйся, сколько хочешь, со стороны. Не умеющие плавать могут совершить этот круг, держась за могучие цепи, опоясывающие насыпь.

С утра до вечера вся набережная усеяна паломниками. Они ходят, сидят, спят, едят, слушают проповеди священнослужителей. Много нищих и детей-попрошаек. Много больных, особенно прокаженных. Большинство прокаженных сидит по обеим сторонам дороги, ведущей к висячему мосту через Ганг. Мост — одна из главных достопримечательностей городка. Вот и сидят поэтому именно здесь, вдоль дороги, несчастнейшие из несчастных, прося подаяния у туристов и демонстрируя страшные приметы ужасной болезни. Если хочешь взглянуть на мост, не миновать тебе этот живой коридор людского горя и страданий. Когда идешь туда и обратно, эти несколько сот метров, то невольно думаешь и о том, что сейчас XX век, что скоро человек ступит на Луну...

На набережной множество торговцев, продающих и нехитрую еду и религиозные брошюрки. Любопытные без конца толпятся у самого края набережной, в каменную стену которой тычут свои тупые морды здоровенные рыбы, похожие на сомов. В такой рыбине метр-полтора! Их можно назвать ручными. Они кишат у берега и прямо-таки просяще смотрят на толпу любопытных. Может, кто-нибудь бросит им что-нибудь съедобное? Юркие мальчишки снуют вдоль берега, предлагая за гроши пакетики с кормом для рыб. Но у паломников на набережной нет ни лишних крошек хлеба, ни лишних грошей. Только туристы, американцы и европейцы, щедро бросают корм в реку. И в том месте, куда он падает, воды уже не видно: одни могучие серебристо-серые рыбы, жадно раскрывающие пасти и отталкивающие друг друга.

Среди шумной полунищей, разношерстной толпы на набережной и в узких улочках Ришикеша выделяются гордой осанкой и величавым спокойствием босоногие, но опрятные, обритые наголо люди в оранжевых хитонах. Это йоги. Кроме них, никто не имеет права присвоить себе оранжевый цвет. Поэтому их видно издалека. С толпой они не смешиваются, идут себе не спеша, но уверенно и прямо по своим, одним им известным делам. Есть среди них люди сравнительно молодые, лет тридцати, есть пожилые и старые.

Поднявшись от набережной Ганга в гору, вы попадаете к воротам школы йогов, где и живут эти на первый взгляд непонятные люди в оранжевых хитонах. Первый же йог, встретившийся мне в воротах, был хотя и насторожен, но любезен. Я объяснил ему цель моего визита: просто, мол, я советский журналист, хочу ознакомиться со школой. Он провел меня в небольшое, видимо, административное здание, но ни руководителя школы, ни его заместителя на месте не оказалось. Они, как мне сказали, выехали в другой город на какое-то собеседование йогов. Зато на месте оказался молодой йог, на котором, как я потом понял, кроме прочих обязанностей, лежит прием посетителей. Он вежливо и достойно приветствовал меня, охотно, не задумываясь, стал отвечать на мои вопросы.

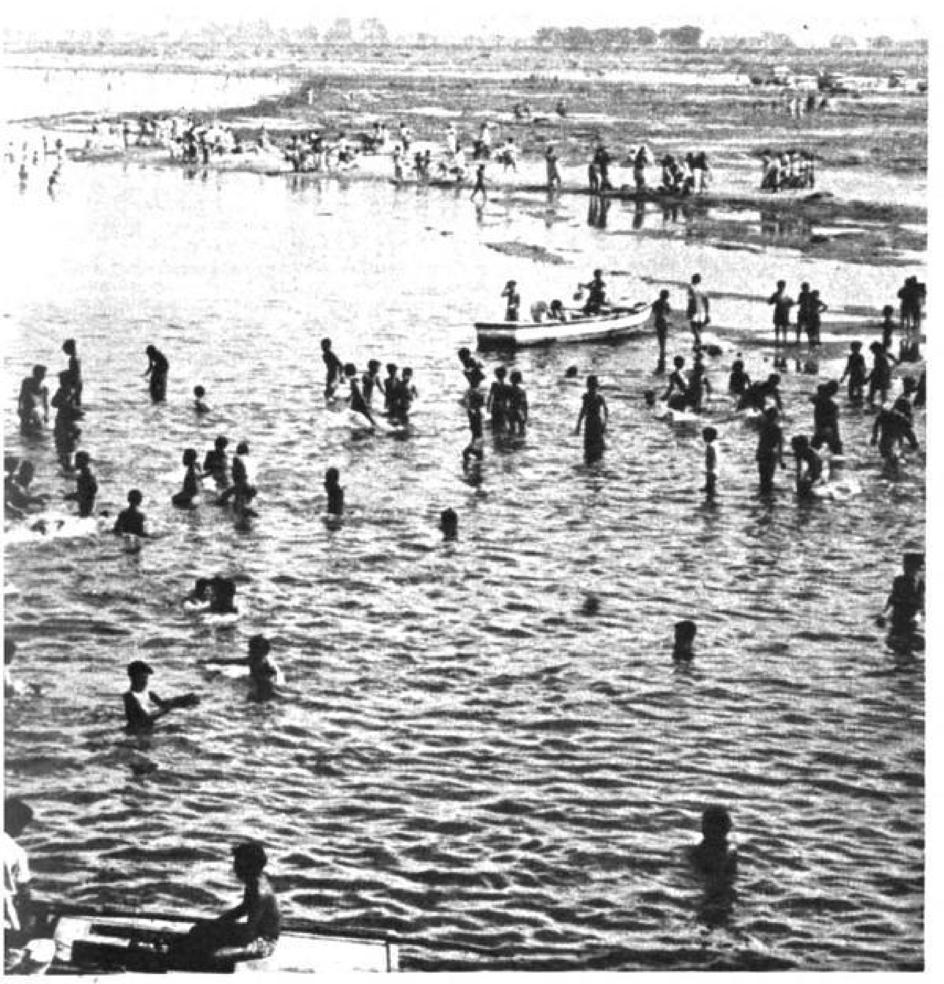
Зовут его Свами Девананда, ему 28 лет. В этой школе он с 15 лет. В школу принимают всех желающих в возрасте от 15 до 80 лет (кстати, таких учебных центров очень много в Индии, немало школ йогов и в других странах), любой национальности и вероисповедания, мужчин и женщин. Есть школы смешанные, есть раздельные, мужские и женские. В Ришикеше учатся и мужчины и женщины. Правда, из 80 учащихся женщин только десять.

Школа йогов напоминает монастырь. Срок обучения и пребывания в ней неограниченный. Можно пробыть здесь некоторое время и уйти. Свами Девананда, например, решил провести здесь всю жизнь. Он уже удостоился оранжевого хитона, который получают отнюдь не сразу.

О йогах, их теории и практике написано довольно много. Известно, что они начинают с физического совершенствования тела, затем (по принципу в здоровом теле — здоровый дух) переходят к нравственному совершенствованию. Начальная фаза их обучения, касающаяся человеческого организма, приносит плоды, которые людям неподготовленным, неосведомленным кажутся прямо-таки чудесами. Но это не чудеса. Это всего-навсего выработанная веками теория и практика, которые позволяют ставить на службу человеку колоссальнейшие неиспользуемые возможности его разума и тела.

Задержка дыхания на очень длительные сроки, временное отключение внутренних органов, прекращение сильнейшего кровотечения, например, за счет того, что мышцы зажимают артерию, телепатические опыты — все эти и другие факты в наше время общеизвестны и научно зафиксированы. По-моему, можно только сожалеть, что современная медицина не обращает должного внимания на многовековую практику йогов в этой области.

Другое дело — их теория и практика, касающиеся совершенствования души человека. Здесь высоконравственные заповеди перемешиваются с аскетическим мистицизмом, человек отрешается от «суеты мирской» во всех ее

Священное купание в Ганге.

проявлениях. Мы, материалисты, этого не приемлем. Йоги считают это единственно правильным путем развития человечества. Хотя когда пишешь вот сейчас слово «развитие», то тут же сталкиваешься с первым парадоксом: йоги отрицают половую жизнь...

Но вернемся к школе йогов в Ришикеше. Расписание занятий довольно суровое. Уроки, если их так можно назвать, проходят ранним утром, начиная с рассвета, затем—после полудня и вечером. На что же уходят годы и десятилетия? На изучение, освоение и исполнение специальных физических упражнений. В переводе на понятный нам язык они ближе всего к тому, что у нас называют статической гимнастикой. Эти упражнения довольно подробно описаны в современной литературе, их много, несколько десятков. Свами Девананда показал мне 24 основных. Перед этим вышел в другую комнату. Разделся там, остался только в плотно облегающей набедренной повязке. Расстелив коврик, он начал демонстрацию. По словам Свами, освоение и регулярное исполнение этих упражнений укрепляют организм, причем не только мышцы, сердце, легкие, но и все без исключения внутренние органы, и даже излечивают от многих болезней. Как следует из его объяснений, та или иная весьма необычная поза человека во время этих упражнений оказывает особое действие на тот или иной внутренний орган (давление, сжатие, растяжение, напряжение, расслабление, усиление или прекращение притока крови к отдельным органам и т. п.). Многовековая практика подсказывает йогам необходимые решения в каждом конкретном случае.

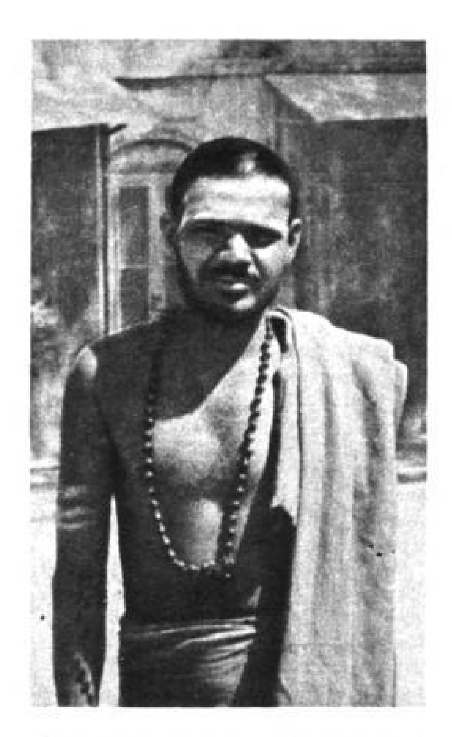
Мы продолжаем наш разговор и во время осмотра школы. Я пришел в нее, как говорится, с открытым сердцем, уже зная коечто о йогах по книгам, не идеализируя их, но и не считая религиозными шарлатанами и базарными фокусниками. Может быть, поэтому наша беседа со Свами Девanандой была сердечной и столь длительной. Кстати, в стенах школы и он и другие йоги, с которыми Девананда меня знакомил, были воплощением самой искренней доброжелательности. Они были совсем не теми замкнутыми людьми, каких я видел накануне на городских улочках. К ним пришел гость, интересующийся их учением, и они были готовы как можно больше рассказать, объяснить, показать.

Доброжелательность — фундамент для постижения учения йогов. Это их первая заповедь. На памятнике основателю школы высечены слова: «Будь добрым и твори добро». Но не только исполнение этой заповеди ощущал я в разговорах с йогами и в их отношении ко мне. Я увидел в них прекрасных пропагандистов своего учения. Бескорыстно, но увлеченно, страстно они стремятся обратить в свою веру каждого человека, проявляющего к ним интерес.

Ежедневными физическими упражнениями дело не ограничивается. Изучается философия и история йогов. Много часов уходит на размышление по поводу всего узнанного и прочитанного. История йогов оставила в наследство нынешним продолжателям их учения сотни и сотни томов. Так что неограниченный срок обучения в школе вполне закономерен. Это как бы бесконечное путешествие к духовному совершенству. Бесконечное не с точки зрения йога. Они считают, что лучшие из них в конце концов достигают этого совершенства и блаженства при жизни, а не в райских кущах. Но при этом так называемом блаженстве йог оказывается отрешенным буквально от всего, от всех мирских забот, тревог и радостей. Он как бы уже не живет среди живых людей...

Итак, с моим общительным гидом я иду по каменистым плитам школьного двора. Небольшие строения, в один-два этажа, карабкаются в гору. Заходим в здание, похожее на часовню. Это усыпальница основателя школы. Двое йогов совершают у надгробия нечто вроде молитвенного ритуала. Мне тоже мажут лоб белой и оранжевой краской, дают хлебнуть пригоршню воды (до этого кропили ею надгробие), одаляют меня белыми цветочными лепестками.

Другое здание. Вместительный зал. Каменная прохлада и сумрак. У стены скульптура многорукой богини познания. Около нее молится старый йог, почему-то с колокольчиком в руках. Увидев нас, тут же прерывает свое занятие и начинает беседу, отвечает на вопросы. Это охотно прерванное священнодействие и другие подмеченные мною детали позволяют предположить, что здесь обряд-

Свами Девананда, йог из Ришикеша.

ность — весьма условная и малозначительная сторона деятельности йогов.

Все-таки они довольно земные люди, эти йоги. При школе, например, существует глазная клиника, где они лечат больных и своими методами, но и не гнушаются достижений современной медицины. Есть у них и типография. Печатают там свою литературу. За лечение в клинике денег не берут, а за литературу — плати столько, сколько указано на обложке.

Печатают они в типографии также и свой ежемесячный журнал. В нем статьи религиозного и философского содержания, поучительные материалы на темы морали и нравственности. Вот типичная цитата из журнала: «Некоторые люди постоянно чем-то раздражены и подавлены. Они брюзгливы и мрачны. Они носители опасной, эпидемической болезни, потому что распространяют мрачность и депрессию повсюду. А депрессия убивает энергию. Поэтому старайтесь быть всегда жизнерадостными». Вот названия некоторых книг, выпущенных типографией школы: «Мощь разума», «Избегайте переедания», «Туберкулез», «Здоровье и счастье», «Сборник изречений из священных книг» (самых разных религий).

Школе и ее обитателям требуется очень немного. Одного хитона хватает надолго. Купание (ежедневное) в Ганге бесплатно. Питание: стакан-другой молока, миска риса, два банана. Это на весь день! Но все-таки у школы есть свой капитал в банке. Складывается он десятилетиями из частных пожертвований.

Физическая нагрузка и строгая диета (пища только вегетарианская) делают тело йога худым, жилистым, без выпирающих бицепсов, но сильным и гибким. Любопытно, как они всерьез и ежечасно следят за состоянием своего тела и духа. Например, по моей просьбе йог показал мне несколько упражнений. Затем я попросил его показать, как надо правильно, по-йоговски, дышать. Он ответил, что сейчас, к сожалению, это невозможно, так как полчаса назад он выпил стакан молока. Вот через час, пожалуйста, он подышит (они делают очень глубокий вдох и выдох с интенсивным движением диафрагмы).

Не менее любопытно вникать не только в основы их учения и уклад жизни, но и беседовать с ними о проблемах современных, далеких от их повседневной деятельности. Вот, например, такой диалог:

— Вы против того, чтобы человек убивал человека?

— Против. Решительно.

— Но, предположим, идет война. Враги ворвались в вашу школу и убивают ваших коллег.

— Нас никто убивать не будет.

— Ну, а если все-таки будут? Вы будете защищаться? Будете убивать, защищая свою жизнь, веру и принципы?

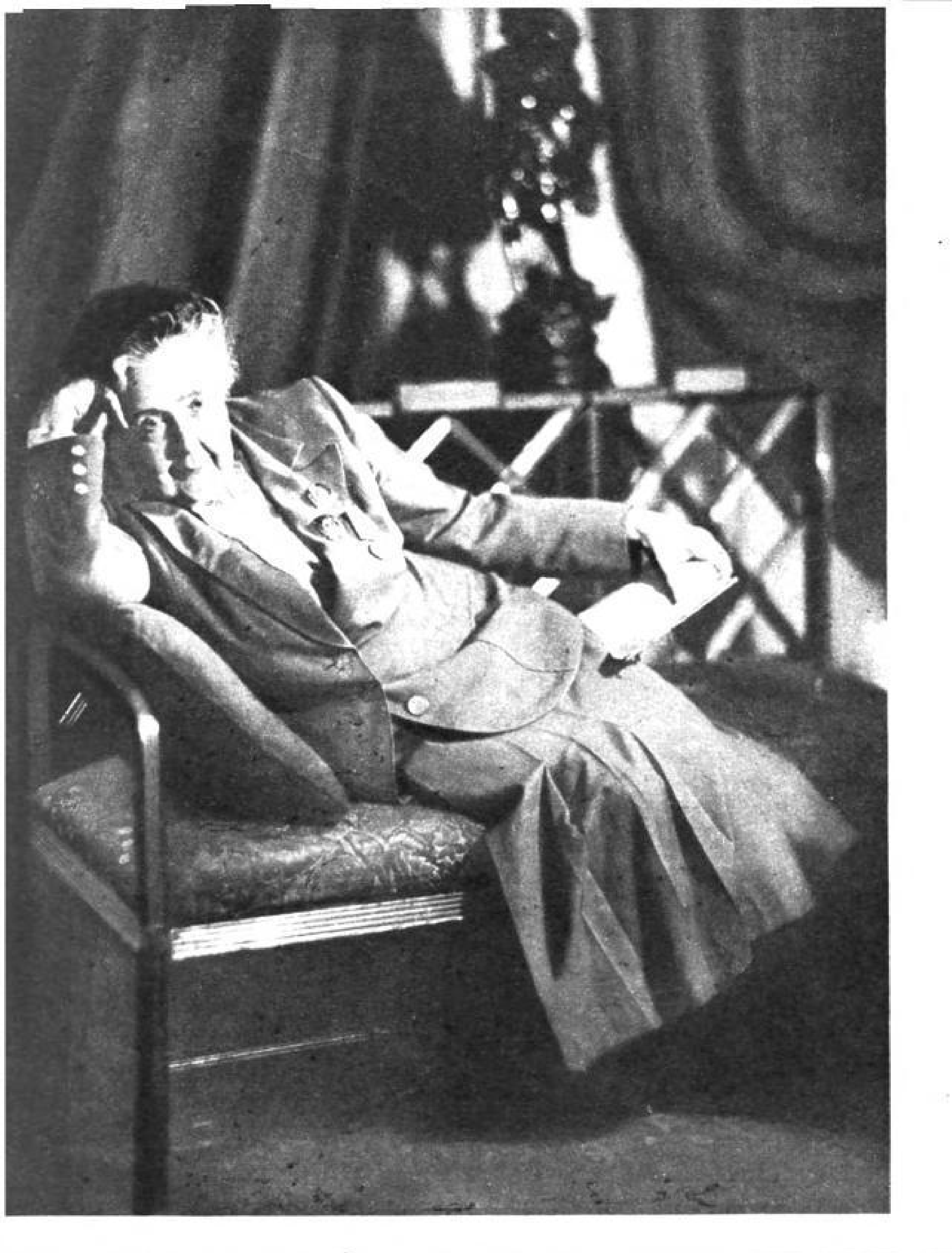
— Нет, не будем...

Вечереет. Пора и честь знать. Я прощаюсь со Свами Девanандой. Он предлагает приходить и завтра, и послезавтра, и вообще пожить у них в школе хотя бы три недели. Как минимум. Этот срок необходим, объясняет он, чтобы освоить главнейшие из физических упражнений. Освоить обязательно под их руководством и наблюдением. Девананда предостерегает, что нельзя самому, по картинкам и книжкам, начинать всерьез осваивать гимнастику йогов. Это слишком сильнодействующее средство. Для каждого человека нужен свой совет и дозировка.

В искреннем приглашении Девананды задержаться у них или на худой конец приехать еще раз и пожить подольше снова вижу не просто радушного хозяина, но и йога, желающего, чтобы на земле стало еще одним его сторонником больше.

Покидая школьный двор, я вдруг неожиданно замечаю, что

Жизнь от

Е. ШАТРОВА, народная артистка РСФСР

Триста ролей сыграла Александра Александровна за свою долгую творческую жизнь. Русская, мировая и советская классика,— не перечислить пьес, изученных актрисой. Этот список начинает маленькая роль мальчика Пети в пьесе «Испорченная жизнь», исполненная Александрой Александровной в Тифлисе в пятилетнем возрасте, когда она звалась еще Санечкой. С присущим ей мягким юмором любила рассказывать Яблочкина про свой «дебют». Она выучила роль наизусть, и на репетиции все прошло хорошо, но на спектакле, выйдя на сцену и увидев полный зал, девочка испугалась и запуталась в длинной фразе. Суфлер стал ей подавать текст. Санечка наклонилась к суфлерской будке и сказала: «Пожалуйста, не жужжите. Вы меня только сбиваете, я и без вас знаю»,— затем повернулась к своему партнеру и продолжала диалог.

Мне довелось работать вместе с Александрой Александровной с 1932 года. Я видела ее во всех ролях, сыгранных ею за последние 30 лет. Во многих пьесах мне посчастливилось играть с этой замечательной актрисой, и я не помню, чтобы когда-нибудь она изменила или облегчила свой грим, костюм, была не подготовлена к спектаклю, несобранна. В своем искусстве она была необыкновенно заразительна. Прекрасно владела голосом, мимикой, выразительностью жеста. В каждой пьесе виделся в ней другой человек с ярко выраженным характером. Все это результат громадного труда, присущего ей с первых шагов на сцене.

Весной 1888 года Яблочкина дебютировала в Малом театре в роли Софьи в «Горе от ума» и с 1 сентября того же года зачислена в его труппу, где состояла в течение 76 лет, до конца жизни.

С большой болью рассказывала Александра Александровна о первых годах своей работы в императорском Малом театре. К новому человеку в труппе присматривались, не доверяли. Актриса вспоминает об этом в своей книге: «Я мечтала о многих ролях, не получая их, я все равно их переписывала и тщательно разучивала для себя. И сколько радостных, творческих часов проводила я у себя в комнате, работая над ролями, которые — я это знала — будут играть другие. Я плакала слезами своих героинь, смеялась их смехом, радовалась их радостью...» Но актриса все вытерпела, все перенесла. Она выработала в своем характере необыкновенную твердость, научилась терпеть и бороться и победила. Пришло признание. Товарищи поняли ее, оценили, полюбили и навсегда приняли в свою семью, в соратники той постоянной борьбы с реакционным начальством, которую приходилось вести корифеям Малого театра — Ермоловой, Федотовой, Садовским, Ленскому, Южину. А. А. Яблочкина являлась их верной союзницей и осталась до конца жизни борцом за справедливость.

Александра Александровна любила людей театра, актеров, товарищей, которые работали с ней, и отдавала им свое заботливое сердце.

Никогда не забуду я один характерный для нее случай. Александра Александровна приехала в театр, чтобы играть Мамаеву в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты», но при входе в

у многих йогов на носу самые обыкновенные очки. А ведь у них есть и специальная гимнастика для глаз, которая должна по идее обеспечивать 100-процентное зрение. Без помощи очков, разумеется...

ДИНАСТИЯ КАПУРОВ

Радж Капур. Он же «Бродяга». Кто у нас не знает этого популярного киноактера? Кто не помнит его знаменитой песни «Авара я»? Потому, наверное, я и решил, что нельзя не повстречаться с ним, коль попал в Бомбей, где он живет и работает.

Первая наша встреча произошла в обстановке, можно сказать, экзотической. Прошу прощения за это затасканное слово. Но представьте себе ночной волшебный сад со всеми чудесами индийской флоры. Да к тому же все они подсвечены разноцветными огнями. И вдруг тут же, на поляне,— самый что ни на есть модерный бар! Около него мужчины в черном, красивые смуглые женщины — и в европейских вечерних платьях и в традиционном сари. Под общие шумные приветствия появляется могучий старик, очень похожий на почти уже легендарного московского репортера и писателя Гиляровского.

Это прямо с какой-то репетиции прибыл Капур-старший, ветеран индийского кино, который в течение двадцати лет был одним из популярнейших актеров Индии. Радж Капур пошел по отцовской стезе.

А вот входит в сад и сам Радж Капур. Вместе с ним высокий (на голову выше Раджа) юноша, стройный, с красивым, чуть женственным лицом, очень деликатный и застенчивый. Ему 17 лет, а его уже успел узнать и полюбить индийский кинозритель. И не потому, что он внук Капура-старшего и сын Раджа Капура. Нет! У юноши открылся талант, ему предрекают большое будущее. Актерская династия Капуров!

Место действия — сад при киностудии Раджа Капура. Она находится в пригороде Бомбея. У меня создалось впечатление, что Радж Капур гордится самим фактом ее существования больше, чем всеми прочими своими успехами на поприще актера, продюсера и режиссера. Это не тщеславие собственника. Студия Капура позволяет ему, художнику, быть и оставаться самим собой — Капуром.

Вечер в саду при студии был устроен в честь прибывшей в Бомбей делегации советских кинематографистов. Сначала он был назван приемом, но через полчаса-час стало ясно, что это встреча друзей-профессионалов, у которых не только общие интересы, но и взаимная симпатия. Очень душевно и сердечно принимали и угощали своих коллег из Советского Союза семья Раджа Капура и коллектив его студии, украшенный звездами индийского кино. И очень тепло было на сердце еще и потому, что хозяева с неподдельной искренностью говорили о любви к СССР, об огромном уважении к огромной дружественной стране. Чувствовалось и знание нашей истории, литературы, музыки, не говоря уже о кино. До рассвета затянулась эта встреча... И уже по ней можно было составить себе первое представление о Радже Капуре как человеке. И не только потому, что он оказался душой этой встречи. О нем можно было уже судить по его друзьям — актерам, кинооператорам, художникам студии Раджа Капура.

С точки зрения наших, скажем, мосфильмовских масштабов, РК-студия (так называют в Бомбее студию Раджа Капура) выглядит едва ли не игрушечной. Но продукцию ее уже не назовешь несоизмеримой с мосфильмовской. Мне, неспециалисту в области кино, трудно квалифицированно судить об этом, но одно я могу сказать уверенно: съем продукции РК-студии с одного квадратного метра ее площади и с одной творческой единицы много выше наших стандартов.

С 14 лет Радж стал мальчиком на побегушках на одной из киностудий. В 19 лет получил первую роль, а в 22 года уже поставил свой первый фильм, в котором и сыграл главную роль. Это было в 1947 году. А через несколько лет его имя перешагнуло границы Индии. Хотя надо сказать, что признание индийских зрителей тоже значит немало. В этой стране я столкнулся с удивительно жадным до кино народом. В каждом городе множество кинотеатров, огромных и крошечных, и все они набиты битком. Имена звезд национального экрана у всех на устах. И популярность эта, по-моему, не носит на себе столь толстого налета пошлого обывательского любопытства, как это часто случается в Западной Европе и США. Мне показалось, что в Индии известные актеры еще не стали жертвой собственной славы, ее рабами. Любовь зрителя к актеру в Индии похожа на трогательное обожание. Дежурные администраторы в гостинице, вызывавшие мне такси, когда я ездил к Раджу Капуру, шоферы такси, возившие на РК-студию или в дом к Капуру,— все они при одном упоминании его имени становились какими-то почтительно-торжественными.

В Индии, которая независима и самостоятельна всего 19 лет, много настоящих патриотов, и они по праву гордятся всем индийским: своими автомашинами и теплоходами, своими университетами и мирным атомом, своим Капуром. Зритель ценит его и за то, что он решительно на стороне простого человека из народа, знает этого человека, понимает и любит его. Ведь это не только и не столько он лично шагнул на экраны мира. Это вместе с ним на экранах появилась Индия с ее удивительно талантливым народом, с ее сказочной красотой и нелегкой судьбой. И недаром именно он, Радж Капур, стал первым индийским продюсером, получившим Гран-при на международном кинофестивале...

В Индии каждый его новый

...данная театру

К столетию со дня рождения А. А. Яблочкиной

театр упала, расшиблась, и ее увезли домой. Отменять спектакль было поздно, и экстренно вызвали меня (я числилась второй исполнительницей роли, но ни разу ее не играла и не репетировала).

Спектакль прошел. Как? Мне до сих пор непонятно и иногда кажется, что это был страшный сон,— профессиональный кошмар, как называют актеры, которые хорошо знают, что это такое. На другой день я получаю от Александры Александровны приглашение прийти к ней. Прихожу, надо сказать, не без волнения. Она лежит без движения на своей кровати, вся забинтованная, говорить ей трудно. «Голубчик мой, как я вас подвела вчера! Не огорчайтесь, говорят, все прошло хорошо. Я, наверно, пролежу долго, а спектакль скоро опять пойдет, и вам придется играть. Я вам сейчас расскажу все». И слово за словом, реплика за репликой она проиграла передо мной всю роль, объясняя мне все внутренние ходы, все мысли, паузы, движения, взгляды, повороты головы — словом, все; открыла мне все тайны создания образа Мамаевой, и всю ее физическую жизнь на сцене, вплоть до того, на каких словах брать в руки сумочку, доставать платок и т. д. И все это отдано было мне от всего сердца.

Я, конечно, не могла не только выполнить, но даже запомнить сразу все, что набросала так щедро Александра Александровна, но эта творческая беседа у ее постели принесла мне громадную пользу в дальнейшей работе над ролью. Никогда не забуду я этот чудный дар широкой актерской души. Так могла поступить только актриса, действительно влюбленная в свою профессию, в свой театр, и настоящий товарищ.

Беседовать с Яблочкиной всегда было неизъяснимо приятно и поучительно.

Помнится, как однажды мы, небольшая группа артистов Малого театра, пришли поздравить Александру Александровну с днем ее рождения и засиделись довольно долго за ее гостеприимным столом. Хозяйка была прелестна в своем новом голубом платье, необычайно радушна и не хотела нас отпускать. Мы же просили разрешения уйти, так как на следующий день в 10 часов утра нам предстояли серьезные занятия.

Отпуская нас, она сказала: «Счастливые, вы учитесь. Как я завидую вам! Это ведь так необходимо актерам, а мне уже поздно». И вздохнула при этом так искренне, так по-детски чисто, что мы долго-долго говорили тогда об этом и теперь с большой теплотой вспоминаем эту встречу.

Помочь своим товарищам во что бы то ни стало — таков был смолоду девиз жизни актрисы. Еще в юности заступалась она за невинно обиженных подруг, и они ее любили и называли «адвокатом». Никогда не отказывалась она от концертов, если сбор с них шел на оказание помощи кому-нибудь.

В годы войны она с легким сердцем отдала половину Государственной премии на постройку самолета.

Отзывчивость на нужды других людей сделала имя Яблочкиной очень популярным и уважаемым в народе. Люди несли к ней свои боли, печали и нужды, и она помогала всем, чем могла,— делом или советом. Если не была в состоянии сама выполнить просьбу — направляла письма людям, которые могли это сделать, присоединяя и свою просьбу...

Помогать людям было ее потребностью.

Деятельность Александры Александровны во Всероссийском театральном обществе, в котором она председательствовала с 1915 года в течение почти полувека, дала широкую возможность удовлетворить эту потребность ее души.

Казалось, что Александра Александровна создана для общественной работы — так увлеченно, с чувством громадной ответственности отдавала она этому всю себя. «Общественная деятельность свята; ее цели — благо общества, благо своих товарищей, их творчества, их дел, их жизни, их запросов». Это она исповедовала, этому она посвятила жизнь.

Боролась она с теми режиссерами, которые своими формалистическими вывертами «рассудку вопреки» калечили спектакли русской классики в Малом театре. Александра Александровна бесконечно радовалась успеху и победе «Любови Яровой» К. Тренева. А как сама она играла в «Огненном мосте» Б. Ромашова или — много позднее — в «Крыльях» А. Корнейчука.

Она с восторгом принимала все новое, свежее в искусстве. После революции постепенно расширился ее гражданский кругозор, и некоторые роли, сыгранные прежде, она сознательно пересмотрела, осудила героинь с позиций советской актрисы. В последних постановках ее Мамаева в «На всякого мудреца довольно простоты», Гурмыжская в «Лесе», Мурзавецкая в «Волках и овцах», Чебоксарова в «Бешеных деньгах» А. Н. Островского звучали совершенно по-иному. Новый подход к творчеству содействовал расцвету ее таланта. И работала Александра Александровна с наслаждением, с восторгом. Репетиции и спектакли доставляли ей несказанную радость. Как, впрочем, и сама жизнь и наша действительность.

Она непременно должна была знать все, все достижения, успехи.

Искренне, по-детски волновалась она и с трепетом ждала приземления космонавтов. Помню, в сентябре 1961 года ждали мы приезда Юрия Гагарина и Германа Титова в Дом актера. Все ожидавшие были огорчены тем, что не будет Яблочкиной. Врачи запретили ей всякие волнения и уложили в постель. Каково же было наше изумление, когда мы увидели Александру Александровну, нежно обнимавшую героев!

Александру Александровну очень радовало то обстоятельство, что Всероссийское театральное общество в советское время стало заниматься коренными творческими вопросами жизни театра. Это давало ей громадное удовлетворение.

Последний ее спектакль был 27 января 1961 года. В этот вечер она играла мисс Кроули в «Ярмарке тщеславия» Теккерея. Но и в последующие годы жизни она не расставалась душой и мыслями с театром, с артистами, со всем коллективом. Когда позволяло здоровье, приходила на генеральные репетиции, посещала собрания, писала друзьям, принимала артистов у себя дома. И так до последней минуты жизни, до последнего дыхания.

Александра Александровна ближе многих других — и намного ближе! — подошла к своему столетию, не дожив до него двух с половиной лет. А ей хотелось дожить до него. И сейчас, когда вся театральная общественность отмечает столетие этой славной жизни, мы, ее соратники, с нежной грустью вспоминаем о ней. Помним ее — чистую, светлую, искреннюю, никогда не лукавившую, прямую. Такой она пришла в театр — такой и ушла от нас, и окончился с нею род Яблочкиных на театре...

Она добровольно отказалась от личной жизни, от создания семьи. Говорила, что театр заменил ей все, чего не доставало в жизни, что театр — это ее дом, ее семья.

Мы, и следующие за нами поколения, и следующие за ними — ее дети. Я уверена, что театральная молодежь тоже пойдет по пути Александры Александровны, научится по-настоящему любить театр, изучать жизнь. Ведь без сознательного, упорного актерского труда, без любви к своему народу, к своей Родине не может вырасти хороший актер.

фильм — событие. И это тем более отрадно, что каждый его фильм, будучи от начала до конца индийским, как бы противостоит той американской киномакулатуре, которая наводняет страну. Можно смело сказать, что на каждые десять фильмов, пришедших в Индию из США, девять — это низкопробная стряпня в духе худших ковбойских традиций Голливуда. И факт остается фактом: эту макулатуру смотрят миллионы индийских зрителей. Но те же миллионы смотрят теперь уже и фильмы, сделанные в Индии (и не только, разумеется, одной РК-студии). Я слышал не раз горячие, страстные, восторженные разговоры о фильмах Капура, но не слышал ни разу, чтобы так говорили о ковбойских боевиках Голливуда.

Наш разговор с Капуром, уже не на вечере, а у него дома на другой день, начинается с современного кино. Это, вероятно, традиционно. Но мы еще не знаем друг друга, а кино для него — это не только работа, а сама жизнь. Он уже успел посмотреть «Войну и мир» Бондарчука и восторгается Наташей — Савельевой. Он вообще хорошо знает нашу страну и советское кино, и с ним легко и быстро находишь общий язык. Уже не раз и не два бывал он в Советском Союзе, и не только в Москве. С энтузиазмом и благодарностью вспоминает нашего чуткого и понимающего зрителя. Особенно тепло говорит о Грузии и Тбилиси. Расспрашивает меня о новых и старых советских фильмах, об актерах и режиссерах. Отвечая на его вопросы, я упомянул «Сорок первый». Оказалось, что он не видел его. Я передал ему вкратце содержание рассказа Б. Лавренева и сделанного по нему прекрасного фильма. Капура очень заинтересовал необычный и в то же время столь ярко отражающий революцию сюжет. Он много расспрашивал меня о рассказе и фильме и тут же, при мне, попросил одного из зашедших к нам сотрудников РК-студии взять на заметку «Сорок первый» и выяснить, как можно его достать, посмотреть самим и показать индийскому зрителю.

Потом заходит разговор о соперничестве между кино и телевидением. В Индии телевидение еще делает первые шаги, но ясно, что скоро оно выйдет на большую дорогу. Радж Капур много поездил по свету, хорошо знаком с американским телевидением, в котором коммерция стала десятой и главной музой. Он считает, что телевидение такого сорта угрожает не столько кино и театру, сколько душам людским. Сравнивает эту угрозу с радиацией. Он говорит о том, что в США его вообще поразило коммерческое начало во всем, начало, пожирающее душу человека. И тут же с доброй улыбкой вспоминает Советский Союз, где увидел людей, как он говорит, широких, без разъедающего их жизнь меркантилизма.

Дел у него, разумеется, по горло. В своей студии он, как говорится, и жнец, и швец, и на дуде игрец. Ему очень трудно отрываться от работы. Тем не менее он говорит о том, что обязательно приедет в Советский Союз на будущий год. Приедет не один, а со своим новым фильмом. И еще добавляет, что очень хочет побродить по московским улицам и площадям. Не спеша, не экономя минуты ради деловых, официальных встреч.

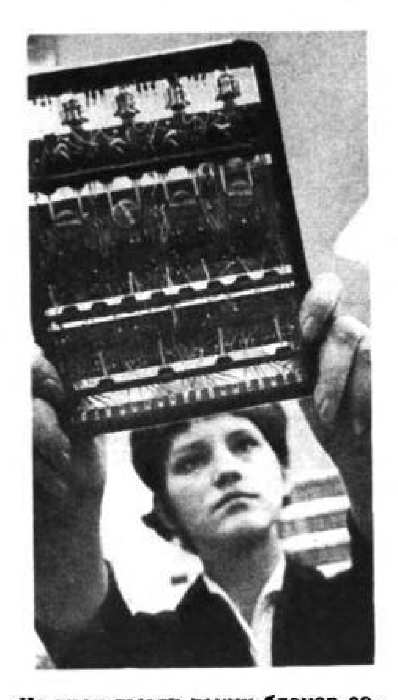
В Советском Союзе его узнают всюду. Он все так же похож на своего «Бродягу», разве что с годами погрузнел немного. Но обаяния у него не убавилось.

Радж Капур — отец пятерых детей. Когда видишь его среди них, то понимаешь, какой хороший и добрый перед тобой человек. Он познакомил меня со своей 15-летней дочерью Ритой. Под небом Индии девушки в таком возрасте обычно выглядят уже не школьницами, а вполне взрослыми. Рита собирается пойти по пути отца и деда. Если к ее удивительной даже для Индии красоте и грации добавится и талант, то, наверное, она приумножит славу династии Капуров.

Радж Капур с дочерью Ритой.

МИЛЛИОНЕР РЕШАЕТ

Из трех тысяч таких блоков состоит это чудо современной техники.

МИНУТА, РАВНАЯ ЧАСУ

●

НА КОСМИЧЕСКИХ СКОРОСТЯХ

●

МИЛЛИОН ДЕЙСТВИЙ В СЕКУНДУ

Это было давно. Тогда еще не существовали искусственные спутники Земли, не давала тока Братская ГЭС, а на месте, где стоят институты Сибирского отделения Академии наук, шумела тайга.

Это было десять лет назад.

В журнале «Огонек» был опубликован репортаж о работе первых вычислительных машин, в том числе и о БЭСМ-1, созданной группой ученых под руководством академика С. А. Лебедева.

БЭСМ-1 казалась чудом, она считала в сто тысяч раз быстрее человека. Когда она работала, от нее веяло теплом, как от живого организма, и охлаждающие устройства едва успевали справляться со своей задачей. В огромном зале с трудом умещались мозг, сердце и нервы этой машины. Быстрота ее подсчетов—8 тысяч операций в секунду!— поражала воображение.

Наши корреспонденты тогда осторожно спросили академика Лебедева, смогут ли подобные машины принимать участие в выработке орбит будущих спутников Земли. «Да, вероятно, смогут»,— ответил академик.

— А ведь была старушка БЭСМ-1 громоздка и медлительна,— прерывает наши воспоминания Владимир Андреевич Мельников.

Мы стоим в зале, где идет монтаж вычислительной машины БЭСМ-6, созданной почти той же группой сотрудников под руководством академика С. А. Лебедева. БЭСМ-6 производит миллион операций в секунду! Цифра эта так велика, что скорость подсчетов даже не с чем сравнить. БЭСМ-6 вступает в эксплуатацию в Вычислительном центре Академии наук СССР. Она создана на полупроводниках (десять лет назад об этом только мечталось), поэтому гораздо компактнее, миниатюрнее той, первой.

А БЭСМ-1 уже нет. Совсем нет. Ее разобрали.

— Один блочок, правда, Мельников стащил на память,— смеется кто-то из конструкторов.

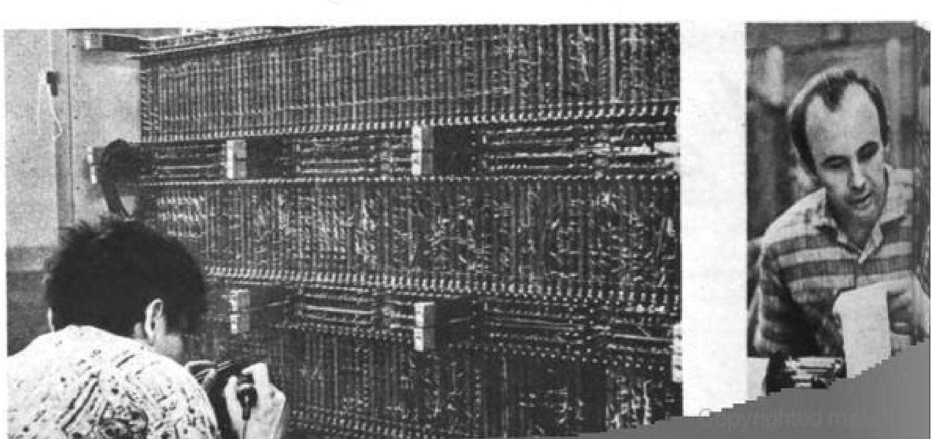
«Блочок на память». На пульте управления повесили шутливый некролог. И все.

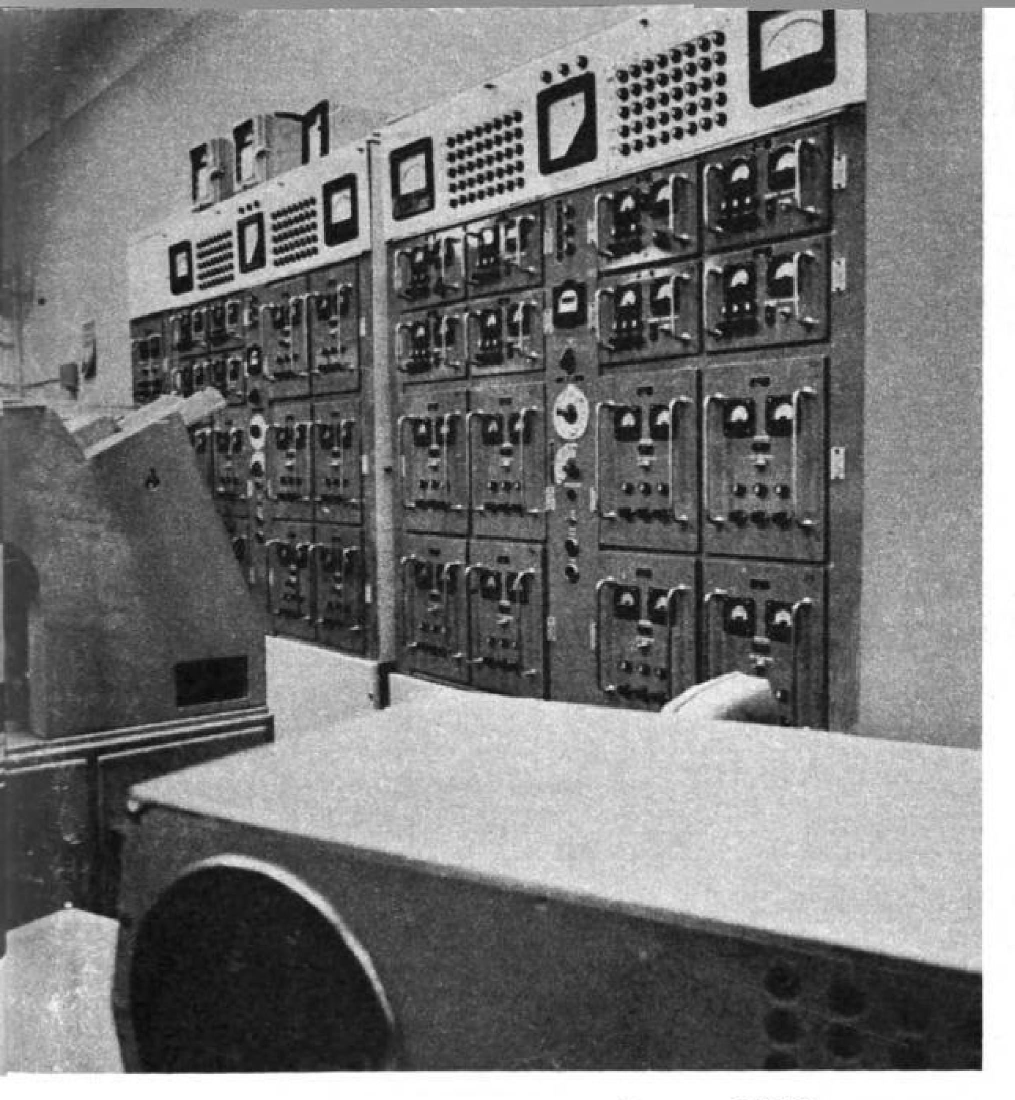
Нет, не все. Недалеко от зала, где стоит сейчас машина, уже много лет по 24 часа в сутки работает старушка БЭСМ-2. Она и ее сестры во многих городах страны решили тысячи, десятки тысяч сложнейших задач. Эти машины безотказно работали и по заданиям астрономов, и торговых

Счастливчики из Института теоретической и экспериментальной физики АН СССР.

Углубился.

Вот она, БЭСМ-6 — миллионер.

Главный конструктор академик С. А. Лебедев и его заместитель В. А. Мельников.

ЗАДАЧИ

Репортаж ведут Ванда БЕЛЕЦКАЯ, Евгений УМНОВ, специальные корреспонденты «Огонька»

организаций, и транспортников, и строителей. На БЭСМ-2 была рассчитана и проверена схема, математическая модель той самой машины, которая вызывает сейчас наше восхищение.

Она красива, современна, мы бы даже сказали, элегантна. Миллион действий в секунду не единственное ее достоинство. БЭСМ-6 выполняет одновременно несколько заданий и поэтому на фоне основных, более сложных задач, решает несколько и более мелких.

На иных электронно-вычислительных машинах до 40 процентов времени занимает отлаживание программы, а ввод информации порой значительно превышает самое время вычисления. На БЭСМ-6 благодаря параллельности решений нескольких задач фактически простоев не бывает, ни одна секунда машинного времени не теряется.

БЭСМ-6 позволяет заказчику не выезжать на место ее работы. Телеграфные линии могут связать машину с другими городами. По телеграфу можно следить за ходом решения, по телеграфу можно высылать дополнительную информацию. Даже в наш век огромных свершений это кажется фантастикой.

В Вычислительном центре, откуда мы ведем репортаж, конструкторы проводят последние проверки перед сдачей машины в эксплуатацию. Многие сотрудники уже давно знакомы «Огоньку». Они пришли в Институт точной механики и вычислительной техники студентами-дипломниками МЭИ. Дипломной работой каждого из них, если можно так сказать, была конструкция какой-то части, кусочка первой вычислительной машины БЭСМ-1. Алексей Федоров, например, занимался магнитными лентами; Валерий Лаут защищал диплом по конструкции памяти на электронно-лучевых трубках; работой Владимира Мельникова (теперь заместителя главного конструктора) была система управления БЭСМ-1. Много труда вложил в создание структурной схемы машины и управляющих программ и другой заместитель главного конструктора, Лев Королев.

Выросли люди, неизмеримо сложнее стала новая, созданная ими машина, шире диапазон ее возможностей. Это видно даже по обычным контрольным задачам, которые предлагаются ей для проверки. Вот Александр Томилин (он занимался моделированием структурной схемы новой машины на БЭСМ-2) проверяет быстроту работы.

За сколько времени она вычислит интеграл Френеля? Секундная стрелка переползает деления. Все правильно. БЭСМ-6 справилась с задачей в 55 раз быстрее, чем БЭСМ-2. Как и полагалось по предварительным расчетам.

Конструкторы, сдающие машину, чрезвычайно придирчивы к ней. Но еще более строги те, в чье распоряжение она поступит,— сотрудники Вычислительного центра. Лемар Чайковский, будущий хозяин машины, сам принимает участие во всех проверках. Ведь скоро она станет его богатством, его собственностью, ему с ней работать дальше.

Нет, нет и заглянут в зал, где стоит БЭСМ-6, те, кто работает сейчас на более, так сказать, «тихоходных» (всего несколько десятков тысяч действий в секунду!) машинах. Все они, не задумываясь, готовы изменить своим старым привязанностям. Еще бы: один час работы на БЭСМ-2 равен одной минуте новой машины.

Среди будущих претендентов на рабочее время БЭСМ-6 есть и биохимики, мечтающие с ее помощью провести исследования, связанные со строением живого; и транспортники, составляющие более рациональныо планы перевозок грузов; и гидрологи, рассчитывающие движение вод под телом строящихся плотин ГЭС; и конструкторы новых заводов; и физики, которым необходимо знать угол отклонения частицы в синхрофазотроне.

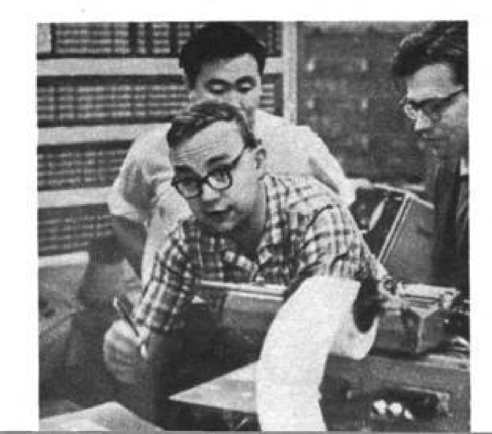
Уже появились счастливцы, узнавшие новую машину в деле, как, например, сотрудники Института теоретической и экспериментальной физики. У них было задание, которое требовало двухнедельной работы на машинах в Вычислительном центре. Вместо двух недель физики справились с заданием за несколько часов (с помощью БЭСМ-6, конечно).

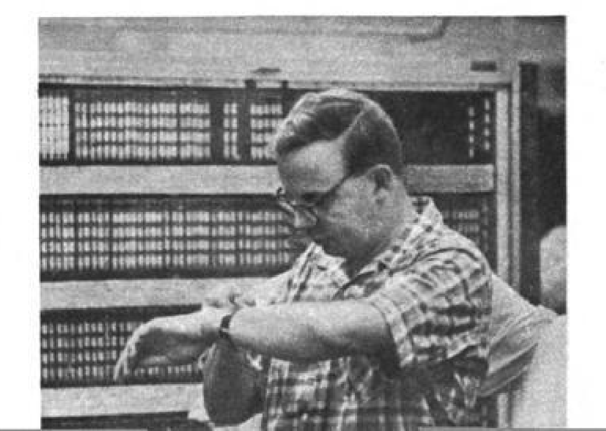
Скоро количество таких счастливцев в Вычислительном центре неизмеримо возрастет. Ведь рабочий день БЭСМ-6 длится 24 часа в сутки, а скорость — миллион действий в секунду!

...10 лет. Много это или мало? Тут, в зале, видя, как работает новая машина, отчетливо понимаешь: мы живем в эпоху, когда время летит так стремительно, что день вмещает события, происходящие за годы, а часы сжимаются до секунд.

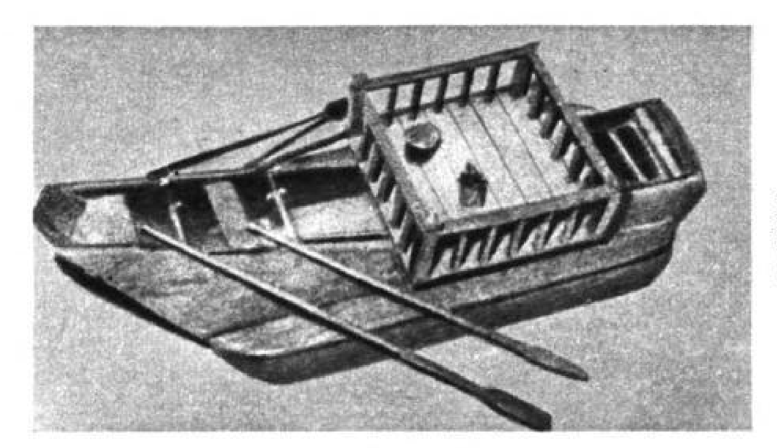
Человек и машина. Александр Томилин и БЭСМ-6. Соперничество? Нет, содружество.

ОХРИДСКИЙ ЧЕЛН

Более тысячи лет назад такими челнами пользовались люди, жившие на берегах Охридского озера. Макет челна хранится в Белградском речном музее.

БУДУЩИЕ НЯНИ

В Швеции считают, что и мужчины могут быть хорошими нянями. Сейчас для мальчиков в шведских школах введен новый предмет: уход за младенцами.

Забавные мелочи забавные

ВЕЛОКОЛЕСНИЦА

Автор этого экипажа — инженер из Белграда Михайло Прелевич. Изобретатель доволен: испытания машины прошли отлично.

ПЛАВАЮЩАЯ ДАЧА

Такие плавающие домики для отдыха начали выпускать в Германской Демократической Республике.

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН

Роман

Они шли теперь по тропинке, поднимающейся вверх к вершине скалы; через равные промежутки времени небо прорезал луч маяка, и издалека доносился зловещий вой сирены, включенной по случаю тумана. Даже здесь, наверху, чувствовался сильный запах водорослей. Несмотря на высокие каблуки и парижский костюм, Арлетта не проявляла признаков усталости и не жаловалась на холод.

— Я задам еще один вопрос.

— Я знаю заранее почти все ваши вопросы.

— Как бы вы себя повели, если бы ваша мать вдруг заявила вам, что ей известна та сторона вашей жизни, о которой мы говорили?

— Я бы сказала ей, чтобы она не совала нос не в свои дела.

— Предположим, что она, надеясь вас спасти, заявляет, что считает своим долгом поставить в известность вашего мужа?

Молчание. Арлетта замедлила шаг.

— Так вот вы к чему клоните! — произнесла она с упреком.

— Право, я не хотел этого.

— Я уже говорила вам, что готова на все, чтобы Жюльен ничего не узнал.

— Но почему?

— Неужели вам непонятно!

— Вы не хотите причинить ему боль?

— И это тоже. Жюльен счастлив. Это один из самых счастливых людей, каких я встречала в жизни. И никто не имеет права нарушить его покой. И еще...

— Что еще?

— Возможно, он единственный мужчина, который уважает меня, относится ко мне иначе, чем... Вы знаете, о чем я хочу сказать.

— И вам необходимо это?

— Может быть.

— Настолько, что, если бы ваша мать...

— Если бы она стала угрожать, что очернит меня в его глазах, я пошла бы на все, чтобы не допустить этого.

— Вплоть до убийства?

— Да.

Она добавила:

— Могу заверить вас, что такой случай пока еще не представился.

— Почему *пока еще*?

— Потому что теперь она уже не только догадывается, но у нее есть прямое доказательство. Сегодня она сказала мне об Эрве.

— Что же она вам сказала?

— Вы будете поражены, если я повторю то, что она говорила. Видите ли, моя мамаша, внешне походя на маркизу, по сути осталась простолюдинкой, дочерью рыбака, и в семейной обстановке она не стесняется в выражениях. Она сказала, что прелюбодействовать я могла бы и в другом месте, а не под ее крышей, а по поводу того, что было между мной и Эрве, она разразилась самой отборной бранью. О Жюльене она говорила в не менее грубых выражениях, обозвав его рогатой скотиной, поскольку она уверена, что он все знает и даже извлекает из этого пользу.

— Вы защищали его?

— Я приказала ей замолчать.

— Каким образом?

— Глядя ей прямо в глаза, я потребовала, чтобы она замолчала. Но она продолжала свое, и я дала ей пощечину. Это настолько ее ошеломило, что она тотчас же успокоилась.

— Она ждет вас?

— Она, конечно, не ляжет до моего прихода.

— Вы действительно собираетесь там ночевать?

— Вы знаете обстановку и должны согласиться, что мне трудно поступить иначе. Перед отъездом я должна знать наверняка, что она ничего не скажет Жюльену и ничего не сделает, что встревожило бы его.

Она помолчала, потом, догадываясь о беспокойстве Мегрэ, добавила с усмешкой:

— Не бойтесь. Никакой драмы не произойдет!

Они добрались до самой вершины скалы. Молочная завеса тумана отделяла их от моря, которое билось о прибрежные камни.

— Спуститься мы можем, свернув направо. Дорога здесь лучше и выведет нас прямо к «Гнездышку». Вы уверены, что у вас больше нет вопросов ко мне?

Должно быть, взошла луна, туман стал прозрачнее, и, когда Арлетта остановилась, он увидел бледное пятно ее лица и темную полосу рта.

— Пока вопросов нет,— ответил он.

— Признайтесь: вы думаете, что я пыталась убить мою мать?

— Пока не думаю.

— Вы хотите сказать, что не вполне уверены?

— Я хочу сказать то, что говорю. Я пока ничего не знаю.

— Когда вы сочтете меня виновной, вы мне скажете?

— Вероятно.

— Скажете мне с глазу на глаз?

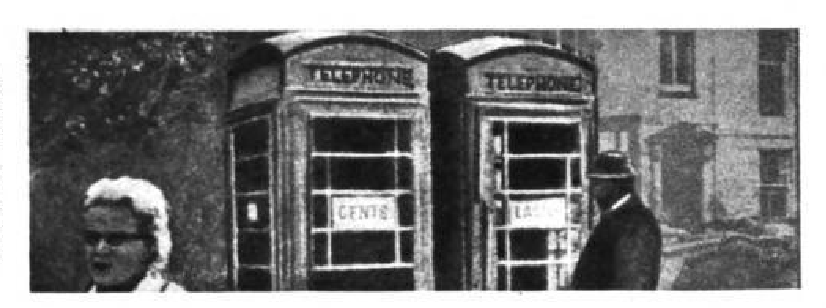
— Это я могу вам обещать.

— Но я ведь не виновна.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—45.

ДИСЦИПЛИНА

Одна лондонская газета, желая установить, насколько англичане подчиняются правилам, провела такой эксперимент. На дверях телефонных кабин были вывешены таблички «Для дам» и «Для мужчин». За два часа ни один мужчина не вошел в женскую будку, в то время как мужскую посетили девятнадцать женщин.

WIENER TIERSCHUTZVEREIN
120 JAHRE
S 1.80
REPUBLIK ÖSTERREICH

РЫЦАРИ ТОПОРА

На снимке вы видите австралийских лесорубов, которые соревнуются, кто быстрее перерубит ствол дерева. Такой оригинальный вид спорта известен и в Канаде.

ЮБИЛЕЙНАЯ МАРКА

В Австрии в честь стодвадцатилетия со дня основания общества защиты животных выпущена почтовая марка с изображением щенка.

ВЕРНУЛАСЬ С ПОТОМСТВОМ

Весной прошлого года охотники подобрали в лесу близ города Градиште (Чехословакия) раненую серну и подарили ее супругам Сливковым. К осени серна выздоровела, ее выпустили в лес. Благодарная Зуська не раз навещала дом Сливковых. А недавно пришла со своими тремя детенышами и без всяких опасений оставила их у своих друзей. Когда малыши окрепнут и подрастут, Сливковы вернут их лесу.

— Мне бы хотелось, чтоб это было так.

Ему уже претил этот затянувшийся, напряженный разговор, назойливость Арлетты стала его раздражать. Ему казалось, что, рассказывая о себе, она слишком уж охотно грязнила себя.

— Мамаша еще не легла,— сказала Арлетта.

— Как вы это узнали?

— Видите свет? Это — окно гостиной.

— Когда завтра отходит ваш поезд?

— Мне бы хотелось успеть на восьмичасовой. Если, конечно, вы меня не задержите здесь. Тогда я позвоню Жюльену и скажу, что я еще нужна маме.

— Он знает, что вам отвратительна ваша мать?

— Она мне не отвратительна. Я не люблю ее, вот и все. Так можно мне уехать восьмичасовым поездом?

— Да.

— Вас я не увижу до отъезда?

— Пока еще не знаю.

— Вы, наверно, захотите удостовериться перед моим отъездом, что мамаша жива?

— Может быть.

Они миновали еще более крутой склон, нечто вроде насыпи, и вышли на дорогу в пятидесяти метрах от ограды «Гнездышка».

— Вы не зайдете?

— Нет.

Окна виллы были скрыты кустами, и свет едва проникал сквозь густую листву.

— Спокойной ночи, господин Мегрэ.

— Спокойной ночи.

Сунув руки в карманы, он широко зашагал к городу. Мысли беспорядочно теснились в его голове. Теперь, когда он расстался с Арлеттой, ему приходили на ум десятки вопросов, которые он не додумался задать ей. Он упрекал себя в том, что позволил ей уехать завтра утром, и готов был сейчас же вернуться и отменить ее отъезд.

И не допустил ли он ошибку, дав возможность этим женщинам провести ночь вместе? Не повторится ли между ними сегодняшняя сцена, только с еще большей резкостью и более опасным неистовством? Хорошо бы снова повидать Валентину, побеседовать с ней, посидеть в ее крошечной гостиной среди невинных безделушек.

В девять часов у него встреча с этим громогласным Шарлем Бессоном, от которого могут лопнуть барабанные перепонки.

Город словно вымер. В казино за отсутствием посетителей тоже потушили огни. На углу одной из улиц светились еще окна бара или, скорее, бистро, которое, видимо, работало и зимой для местных жителей.

Мегрэ нерешительно потоптался на тротуаре — его мучила жажда. В желтоватом свете за окном он увидел уже знакомую фигуру Тео Бессона, как всегда, похожего на англичанина в своем костюме из шотландского букле.

В руке он держал стакан и разговаривал со стоящим рядом сильно загорелым парнем в черной паре, какую по воскресеньям надевают крестьяне, белой рубашке и темном галстуке.

Мегрэ нажал на дверную ручку, подошел к стойке и спросил кружку пива. Теперь он увидел этих двоих в зеркале, висевшем за стойкой, и ему показалось, что он перехватил взгляд Тео, приказывающий собеседнику замолчать.

Тишина воцарилась в баре, где их было четверо, включая хозяина, да еще черный кот растянулся на стуле возле печи.

— Опять туман,— произнес наконец хозяин.— Такое уж время настало. А дни все же солнечные...

Молодой человек обернулся и стал разглядывать Мегрэ, который, выколотив трубку о каблук, затаптывал ногой теплый пепел в опилки на полу. Смотрел парень вызывающе, напоминая тех деревенских забияк, которые, подгуляв на свадьбе или похоронах, ищут повода для драки.

— Не вы ли приехали утром из Парижа?— спросил хозяин, чтобы завязать разговор.

Мегрэ лишь кивнул утвердительно, отчего парень запетушился еще больше и еще пристальней уставился на комиссара.

Так продолжалось несколько минут. Тео Бессон безразлично разглядывал бутылки, стоящие перед ним на столе. Цвет его лица, глаза, особенно мешки под глазами свидетельствовали о том, что пьет он много, постоянно, с самого утра. У него было отсутствующее выражение лица и вялые движения.

— Еще две порции!— приказал он хозяину.

Тот взглянул на молодого человека, который кивнул в знак согласия. Значит, они были вместе.

Тео залпом выпил свой стакан. Парень поступил так же. Затем Бессон-старший небрежно бросил несколько ассигнаций на прилавок, и оба пошли к двери. Молодой парень, выходя, дважды обернулся на комиссара.

— Кто это?

— Вы разве его не знаете? Это мсье Тео — приемный сын Валентины.

— А парень?

— Один из братьев бедняжки Розы, покойницы. Она выпила яд, которым хотели отравить ее хозяйку.

— Старший брат?

— Да. Его зовут Анри. Он промышляет сельдь в Фекане.

— Сюда они пришли вместе?

— Как будто да. Впрочем, позвольте... В то время в зале было много народу. Во всяком случае, если и не вместе, то почти одновременно, один за другим.

— Вы не знаете, о чем они говорили?

— Нет. Вначале было шумно, разговаривали все сразу. Потом я выходил заряжать бочку.

— А прежде вы их не видели вместе?

— Как будто нет. Впрочем, я не уверен. Зато я видел Тео с барышней.

— Какой барышней?

— Розой.

— Где вы их видели, на улице?

— Я видел их здесь, в моем баре. Два раза по меньшей мере.

— Он за ней ухаживал?

— Смотря по тому, что вы подразумеваете под этим словом. Они не обнимались, и он не щупал ее, если вы это имеете в виду. Но они мило болтали, смеялись, и было ясно, что она охотно пила с ним. С Розой это было просто — с первого стакана она начинала хохотать, а после второго была готова.

— Давно вы их видели?

— Погодите-ка... Последний раз с неделю назад. Да, это было в среду, как раз в тот день моя жена ездила в Гавр. Она всегда отправляется туда по средам.

— А когда они здесь были в первый раз?

— Примерно за неделю или две до этого.

— Тео Бессон — ваш постоянный клиент?

— Нельзя сказать, чтобы он был только моим клиентом. Он бывает во всех заведениях, где можно выпить. Ведь ему нечего делать, вот он и прогуливается. Не может пройти мимо открытого бара или кафе. Правда, никогда не шумит, ни с кем не задирается. Бывает, что к вечеру у него заплетается язык, вот и все.

Хозяин вдруг спохватился, словно испугавшись, что наговорил лишнего.

— Надеюсь, вы не подозреваете, что он пытался отравить мачеху? За кого я поручусь, так это за него. К тому же люди, пьющие, как он, не способны на злой умысел. Много опаснее те, которые, напившись случайно, теряют рассудок и не ведают, что творят.

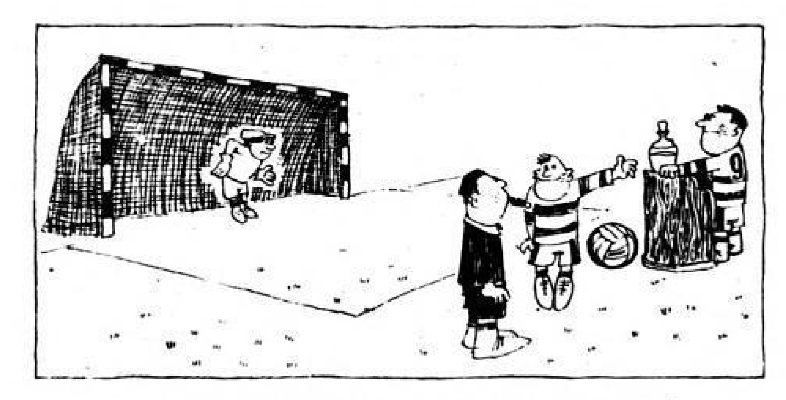
— Часто бывает у вас брат Розы?

— Редко. Рыбаки из Ипора неохотно приезжают в Этрета. Это особые люди. Они скорее поедут в Фекан: он ближе и более подходит им по духу. Рюмочку кальвадоса, чтобы сдобрить пиво? За мой счет.

— Нет. Еще кружку пива.

Пиво было несвежее, и Мегрэ чувствовал его в желудке всю ночь. Часто просыпался. Во сне его мучили кошмары. Какие именно, он не помнил, но в сознании они оставляли мучительный, неприятный осадок. Когда он наконец поднялся, сирена по-прежнему хриплым воем оповещала о тумане. Прилив, должно быть, достиг уже высокого уровня, потому что отель содрогался от могучих ударов волн.

Продолжение следует.

— Прежде чем пробить одиннадцатиметровый, он хотел бы сказать краткую вступительную речь.

Рисунок Е. Шабельника.

Моряк — всегда моряк.

Рисунок В. Кубала.

Братислава.

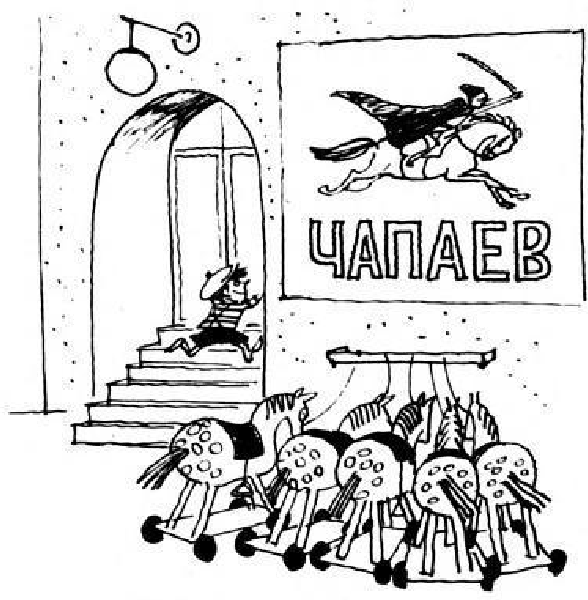
КРОСС-ВОРД

По горизонтали:

3. Спортивная игра. 4. Преобразование, переустройство. 8. Русский математик. 13. Передвижной цирк. 16. Шутка в одном действии А. П. Чехова. 17. Американский писатель. 18. Драгоценный камень, разновидность граната. 19. Тонкая ткань. 20. Птица отряда воробьиных. 23. Приток Амазонки. 24. Построение в шеренге по росту. 25. Действующее лицо оперы Д. Пуччини «Тоска». 28. Однородная смесь различных веществ. 29. Рассказ М. Горького.

По вертикали:

1. Город в Италии. 2. Название серии советских искусственных спутников. 5. Герой романа А. С. Пушкина. 6. Растение семейства бобовых. 7. Река в Амурской области. 9. Знак, обозначающий действие извлечения корня. 10. Прохладительный напиток. 11. Мероприятия, обеспечивающие сохранение здоровья. 12. Средний каменный век. 14. Сильный вихрь. 15. Часть парашюта. 20. Государство в Юго-Западной Азии. 21. Порт на острове Тасмания. 22. Объединение производственных предприятий определенной отрасли. 26. Земляной орех. 27. Мексиканский живописец и график.

На дневном сеансе.

Рисунок Ю. Черепанова.

— Чихал я на ваш вытрезвитель: я сам по себе лысый.

Рисунок Б. Боссарта.

ПОТУСТОРОННИЕ НРАВЫ

Дело верняк!

— Меня взяли на эту роль, потому что у меня талант! Слышите? Т а л а н т! — она чуть не плачет.

Корреспонденты стоят вокруг и, вежливо улыбаясь, записывают.

— А раньше?

— Что раньше?

— Раньше у вас не было таланта?

К ней подходит человек в вельветовых штанах. В одной руке — фотоаппарат, в другой — только что вынутый из сумки черный жирный кот с рыжими нахальными глазами.

— Что это?— она смотрит испуганно.

— Кот,— простодушно отвечает фотограф и протягивает рыжеглазого ей.— Возьмите на левое бедро.

— Зачем?

— Снимок с ассоциациями.

— Уберите! Я видеть не могу их!

Огорченный корреспондент засовывает кота обратно в сумку с фотографическими принадлежностями и ревниво смотрит на телеоператоров. Те, кажется, засняли всю сцену.

— Значит, вы уверены, что вас взяли в театр, потому что у вас, так сказать, талант?— еще раз переспрашивает кто-то из людей с блокнотами.

— Да, да, да! Вот спросите!

Она оборачивается за помощью к автору пьесы.

Вуди Аллен непроницаем. Только глаза посмеиваются.

— Видите ли,— говорит он неспешно,— вообще-то говоря, характер, который создан мною в этой пьесе, не требует, чтобы его исполнительница обязательно подверглась в своей жизни нападению льва или другого хищника...

Корреспонденты смеются.

...Впервые я услышал о Нелл Тиболд весной этого года. В огромном здании нью-йоркского «Колизеума» на пересечении Бродвея и 59-й улицы открывалась международная автомобильная выставка 1966 года. Вокруг роились автопоклонники, автопоклонницы и, конечно, фото-, теле-, кино- и прочие корреспонденты. Из-за них все и произошло. Западногерманская фирма BMW придумала рекламный трюк. Представьте себе серебристо-синий автомобиль, а рядом — прелестная девушка в коротких баварских штанишках и тирольской шляпе с пером (символ красоты и незыблемости национальных традиций) и царь джунглей — лев (символ мощи). Снимки этой троицы должны были обойти все американские газеты и телевизионные экраны.

В качестве символа красоты и традиций была приглашена 22-летняя американка немецкого происхождения, манекенщица с ногами международного класса мисс Нелл Тиболд. В качестве символа могущества и силы был выбран в местном зоопарке прирученный двухлетний бежевый лев с сонными глазами и немецкой кличкой Людвиг.

Людвиг тяжело разлегся в свете юпитеров и милостиво разрешил Нелл потрогать его царственную гриву.

Сеанс позирования длился минут десять. Потом Нелл и Людвиг встали, считая, что дело сделано.

И тут примчались легкомысленные операторы одной крупной американской телекомпании. Они опоздали и просили повторить процедуру. Интересы рекламы прежде всего. Людвига снова вывели под свет юпитеров, и Нелл снова положила руку ему на гриву. Началась съемка. Но тут монарх джунглей, выведенный из себя неразберихой в рекламно-телевизионном деле, почему-то решил выместить свой гнев на невинной манекенщице. Он неожиданно бросился на нее и разорвал ей левое бедро.

Через полчаса Нелл Тиболд оказалась на операционном столе, Людвиг — в зоопарке, а ничуть не растерявшиеся телеоператоры и фотокорреспонденты — в своих студиях и редакциях. Еще через час вся Америка смотрела по телевидению все, что произошло в «Колизеуме».

Раны, к счастью, оказались не очень опасными. Однако манекенщице пришлось вынести три пластические операции и почти месяц провести в госпитале.

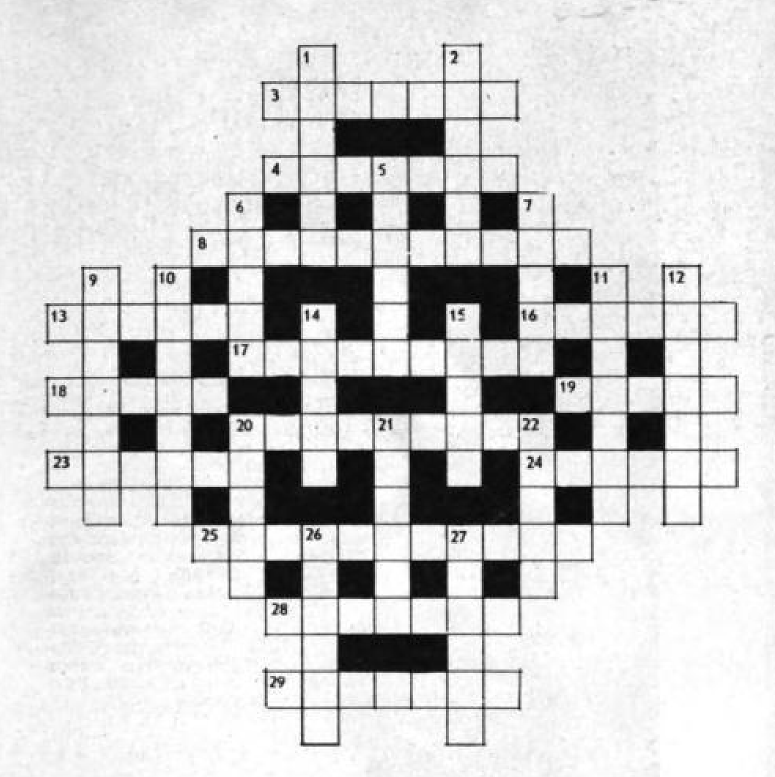
Когда Нелл Тиболд вышла из больницы, в «Колизеуме» уже закрылась автомобильная выставка, лев Людвиг прозябал в зоопарке, а телеоператоры давно снимали новые сюжеты.

Никто не вспоминал о прелестной манекенщице, у которой когда-то были ноги международного уровня. Впрочем, все старые и новые знакомые Нелл считали своим долгом в ее присутствии острить только на «звериные» темы.

Если ее приглашали в кино, то вели обязательно на кинокартину, где показывали львов. Если приглашали прогуляться, она знала, что ей обязательно предложат побывать в зоопарке. Новым знакомым ее представляли только так: «Та самая, на которую покушался лев».

Постепенно ее стало это раздражать. Она уже знала наизусть и не могла больше выносить «львиные» остроты. Но с каждым днем все больше и больше убеждалась, что о ней говорят и с ней знакомятся с интересом только из-за того, что она «та самая, которую...»

И вдруг произошло чудо, о котором она мечтала всю жизнь. Ее пригласили в театр. Театр «Мороско». На Бродвее. Предложили роль в новой пьесе Вуди Аллена «Не пейте сырой воды». Это было так неожиданно! Все делалось само собой. Внача-

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

5. Концерт. 6. Балобан. 9. Морошка. 10. Сеченов. 11. Конкурс. 13. «Алмаст». 17. Павиан. 19. Графика. 20. Местоимение. 23. Ганимед. 24. Алушта. 26. Гамбит. 30. Пастила. 31. Городки. 32. Радиола. 33. Кондома. 34. Стеллаж.

По вертикали:

1. Ножовка. 2. Геракл. 3. Плиссе. 4. Важенов. 7. Могилев. 8. Момбаса. 12. Коэффициент. 14. Сегмент. 15. Тротуар. 16. Скрепер. 18. Ариетта. 21. «Обломов». 22. «Зритель». 25. Шолохов. 27. Мичиган. 28. Эпизод. 29. Картер.

ле она даже испугалась: может быть, в пьесе идет речь о женщине, на которую напал лев? Может, ее пригласили только из-за этого? Она прочла пьесу. Нет, слава богу, ни строчки о хищниках. Молодая женщина, очень религиозная, страдает от алкоголизма. Вот и все. Она успокоилась. Ее быстро и легко утвердили на роль. Когда знакомили с режиссером, кто-то сказал: «Мисс Нелл Тиболд — вы знаете, та самая, которую...» Режиссер сразу закивал головой. Но уж тут ничего не поделаешь. Видно, она всю жизнь будет той самой, которую искусал лев в «Колизеуме». Но ведь в театр ее, конечно, взяли не из-за этого. Ведь для них главное — талант. Было бы нелепо думать, что ее взяли из-за глупого Людвига. И вот теперь через несколько дней после того, как ее утвердили на роль, администрация театра созвала для нее пресс-конференцию...

— Так вот,— продолжает Вуди Аллен, и глаза его улыбаются.— Роль, которую мы поручили мисс Нелл Тиболд, не обязательно требует от своей исполнительницы, чтобы она в жизни была искусана львом.

Он делает паузу, чтобы дать корреспондентам отсмеяться и записать то, что он сказал.

— Однако, как мне кажется, всем известный факт из биографии мисс Тиболд придаст спектаклю некое новое дополнительное измерение, что ли...

Драматург улыбается открыто и обаятельно.

— Но главное для нас — талант. Только талант. При чем тут лев?.. Вы ведь знаете, что, так или иначе, все женщины, участвующие в спектакле, будут искусаны режиссером...

Корреспонденты снова смеются.

Вельветовый фотограф снова подходит со своей сумкой к мисс Нелл Тиболд. Из сумки торчит и медленно извивается кусок черного кошачьего хвоста.

— Может, возьмете на секунду, а? Какой снимок!

Актриса отказывается. Фотограф со злостью дергает кота за хвост.

— И вы действительно верите, что вас взяли бы в театр, не случись с вами вся эта история?— уже совсем грубо спрашивает кто-то из корреспондентов.

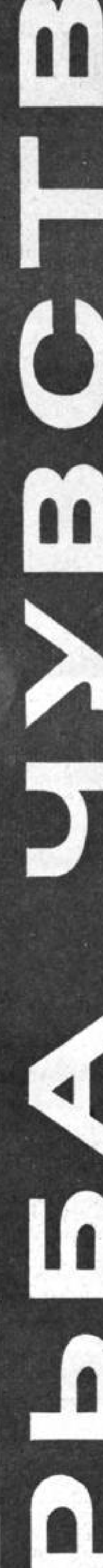
Нелл ожесточается:

— Надо ни черта не понимать в искусстве, чтобы думать, будто в театр берут человека только за то, что на него напало хищное животное!..

Корреспонденты и это записывают.

— Ловко придумано!— высказывает предположение владелец кота с нахальными глазами.— Ведь повалит публика-то! Дело верняк!

Генрих БОРОВИК,
соб. корр. АПН

БОРЬБА ЧУВСТВ

1

В. ВИКТОРОВ

Фото Л. Бородулина, М. Боташева, Б. Иванова, В. Сафронова, Б. Светланова.

Что волнует десятки тысяч посетителей стадионов? Голы, очки, секунды? Конечный итог состязания? Нет, не только это. Ход борьбы, все оттенки человеческих чувств, с ней сопряженных, без которых спортивное зрелище мгновенно потеряло бы всю свою притягательную силу. С каждым годом эмоциональная сторона спорта приобретает все большее значение и для спортсменов и для зрителей. Для спортсменов потому, что при современном уровне мастерства, лишь владея своими чувствами, могут они показывать высокие результаты. Для зрителей потому, что только физическая сила уже не удивляет их, не вызывает в них восторга, торжества, не превращает их в соучастников спортивного события.

Сегодняшние посетители стадионов хотят видеть победу человека не только над соперником, но и над самим собой.

Взгляните в лицо этой девушки. Итальянская фехтовальщица Антонелла Раньо только что провела свой решающий поединок. От его исхода зависело, завоюет ли она третье призовое место, бронзовую медаль Токийской олимпиады. Какое бесстрашие, целеустремленность должна она была проявить! И вот все позади, а у спортсменки не осталось сил просто обрадоваться, улыбнуться. Но пройдет время, и эти самые трудные минуты в ее жизни покажутся ей самыми счастливыми (1).

Счастье в спорте... Оно бывает разным — счастье победного изнеможения и счастье неисчерпаемой силы, неутомимости. Регби — труд-

2

3

4

ная игра, не так-то просто овладеть ее секретами. Но этим ребятам чем труднее, тем веселее (2).

Тем, кто побывал в Дортмунде на недавнем чемпионате мира по гимнастике, тем, кто наблюдал за ходом борьбы по телевизору, удалось пережить вместе со спортсменами не одну минуту высокого вдохновения. Разве можно забыть, например, триумф Наташи Кучинской! И когда под занавес семнадцатилетняя девочка в борьбе на отдельных снарядах стала выигрывать у абсолютной чемпионки мира чехословацкой спортсменки Веры Чаславской одну золотую медаль за другой, восторгу зрителей не было предела. Да и сама Наташа не могла скрыть своей радости, и эта чистота ее чувств покорила всех. Тысячи людей радовались вместе с Наташей, были вместе с ней в эту счастливую минуту (3).

Такая непосредственность молодой гимнастки была для зрителей тем более привлекательной, что ей противостояла невозмутимая сдержанность японских спортсменов. Говорят, что японцы считают чуть ли не неприличным выражать при посторонних свою радость, печаль или страх. Но разве не прекрасна, например, вся эта гамма столь ярко выраженных глубоких человеческих чувств: слезы радости Галины Прозуменщиковой (ее мечта сбылась, завоевана золотая олимпийская медаль) и отчаяние польского рапириста Эгона Франке (от него зависел окончательный исход командного первенства в Токио, и вот олимпийский чемпион проиграл решающий бой советскому фехтовальщику (4, 5).

А как красноречиво выражение лица Веры Чаславской, непобедимой Веры!

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

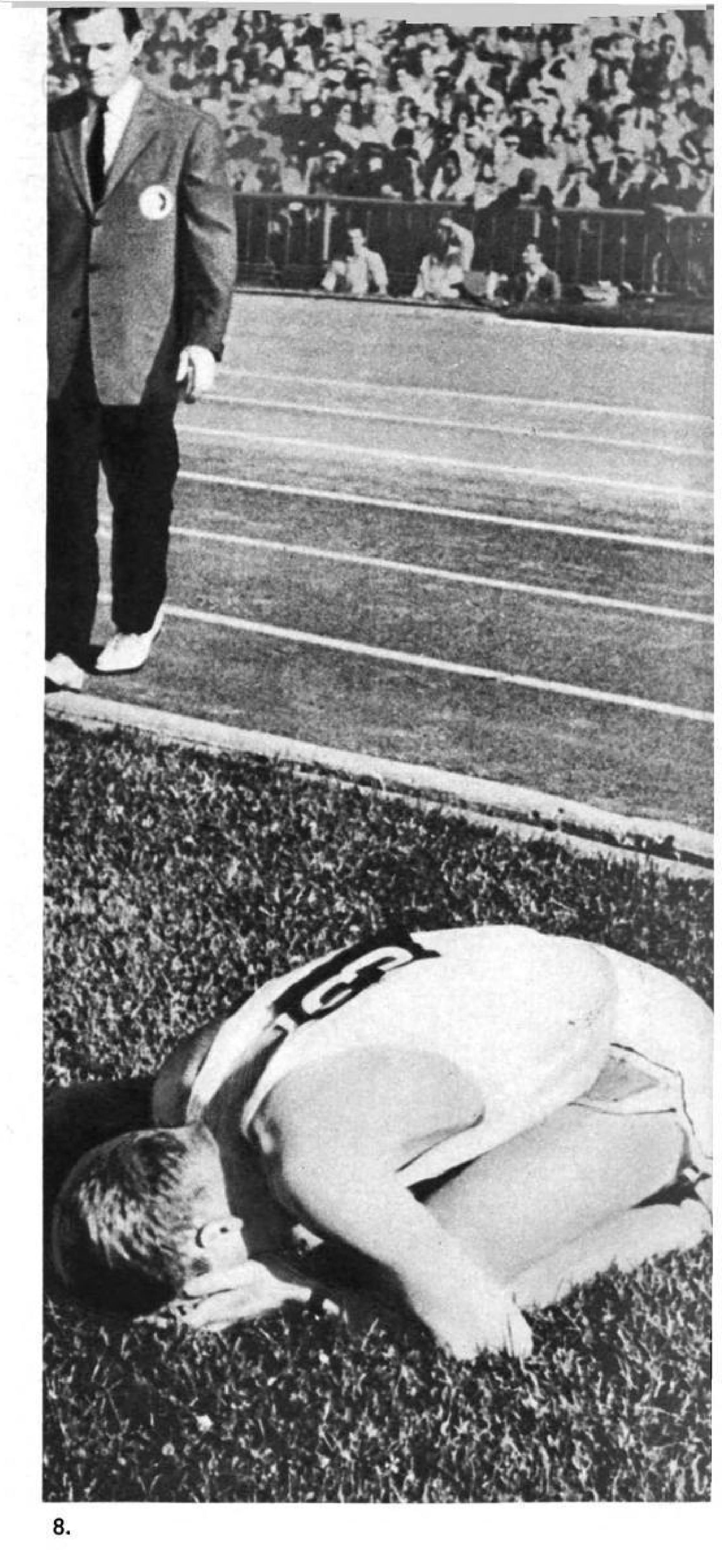
5.

6.

7.

8.

В 1958 году семнадцатилетней девочкой она впервые вышла на большой помост. Это произошло на чемпионате мира в Москве, а теперь, на чемпионате мира в Дортмунде, появилась другая семнадцатилетняя гимнастка — Наташа Кучинская. Как прекрасно она выступает! Да, это серьезная соперница (6).

Над каждым спортсменом, самым знаменитым, самым сильным, всегда висит дамоклов меч неудачи. И этот незримый меч заставляет спортсмена неустанно трудиться, стремиться все вперед и вперед. Ну, а если придет беда, вот как к велосипедному гонщику Н. Клевцову или американскому бегуну Г. Кларку, тогда надо найти в себе силы, чтобы ее пережить, преодолеть (7, 8).

Таков спорт сегодняшнего дня, насыщенный эмоциями. Приходите же на стадион радоваться, печалиться, сердиться, восхищаться, грустить, торжествовать, сочувствовать, надеяться. И борьба этих чувств не оставит вас равнодушными.

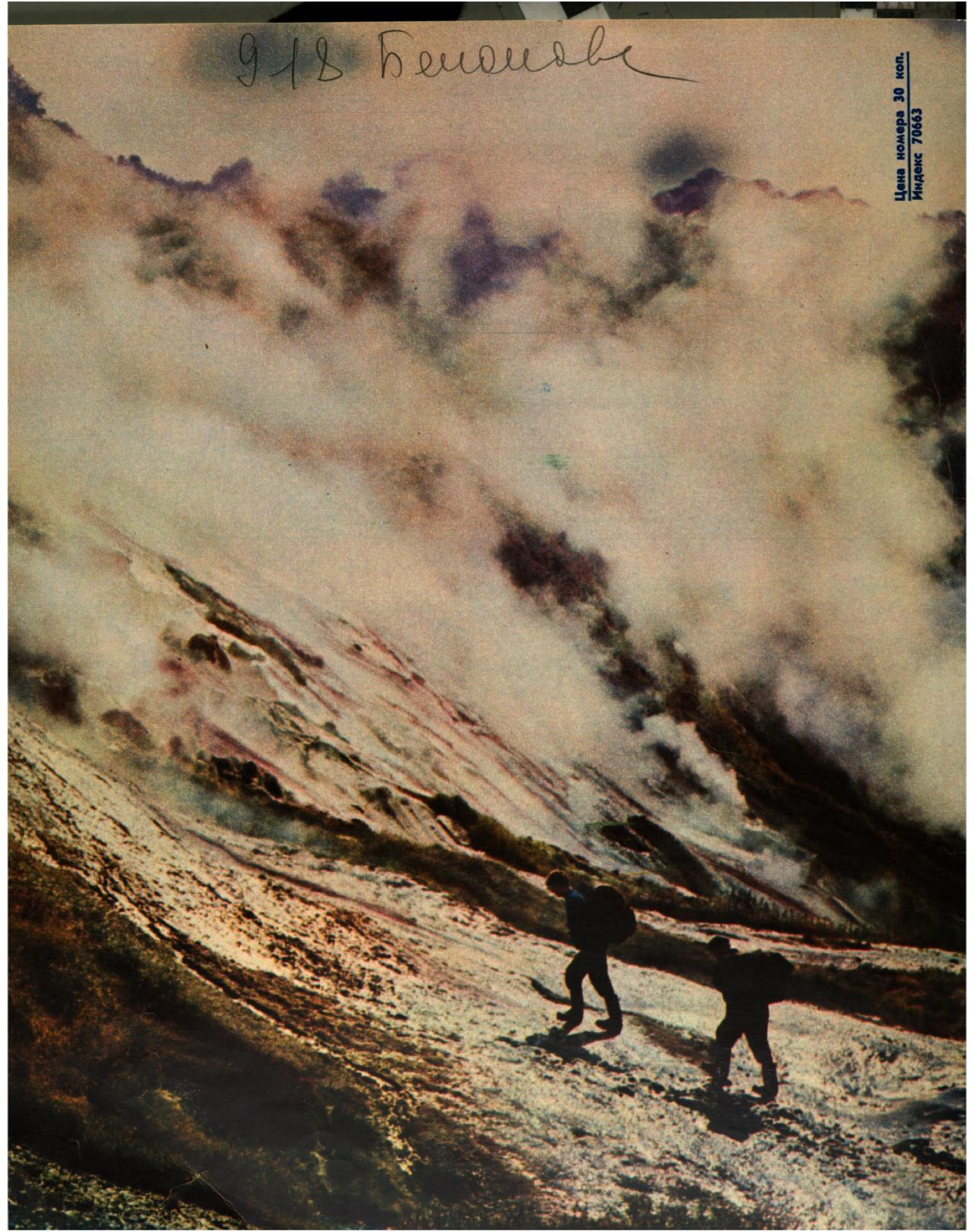
На первой странице обложки: Саша Туйкавав, пастух Таловского оленеводческого совхоза на Камчатке, со своим четвероногим другом.

На последней странице обложки: В долине гейзеров. Фото Н. Козловского.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии—Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10753. Подписано к печати 9/XI 1966 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 990 000. Изд. № 1935. Заказ № 2903.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663